

**ДО КОСМОСА
РУКОЙ ПОДАТЬ!**

№ 2 январь 1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

Александр СОЛОДОВНИКОВ,
фрезеровщик Оренбургского
станкостроительного завода,
ударник коммунистического труда

ЧАС

ИСПЫТАНИЯ

Вечером перед выходными я шел по рабочему поселку своего завода. Невольно остановился, услышав спор электриков. Спорили только двое, а два других поначалу стояли в стороне. — Рабочий день кончился, пора шабашить, — говорил один.

— Нехорошо получается... Ведь мы не закончили работу, жильцы останутся на два дня без света.

— Но рабочий день-то — тютю, — парировал тот, что собирался домой. И действительно, он стал укладывать в сумку свой инструмент. — Пошли, ребята, а? — обратился он к тем двоим, которые стояли в нерешительности.

И те тоже начали собирать инструмент. И тогда Сергей Козин твердо сказал:

— Нельзя уходить, ребята.

— Нельзя!

Федоров усмехнулся, взял сумку с инструментами и спокойно пошел. А Козин полез на столб и стал продолжать работу. Александр Субботин, Михаил Резников остались с ним.

Что ж? С формальной точки зрения Федоров прав. Кончился рабочий день, он волен идти домой. Но жителям поселка нет дела, кончился у Федорова рабочий день или нет. Им нужен свет, и люди, от которых это зависит, обязаны его дать.

Вообще надо сказать, что ситуация, в какой оказались электрики, вещь повседневная. Но именно в таких ситуациях и проверяется человек, его отношение к делу и людям. Думаю, у Федорова внутренняя сигнальная лампочка совести не то что не горела — даже не мигала.

Зачастую все зависит от того, какое из двух коротеньких слов произнесешь ты в трудную минуту: «да» или «нет». Из двух родников, бьющих, кажется, рядом, один бежит в сторону мощной реки, а другой — в противоположную, теряясь в песках. А река уже качает пароходы и лодки. Манит к себе людей. Так и человек: пошел верной дорогой, а за ним устремились и другие. Недаром в военном уставе сказано: «Всеми силами поддерживать того, кто первым поднялся в атаку».

Народ ценит и глубоко уважает новаторов. Это — знамение времени. Кем бы ни был советский человек, раз его дела и начинания отвечают думам и устремлениям всех людей, к нему тянутся их чуткие сердца.

Не поэтому ли почин передовика подхватывают десятки, сотни, тысячи рабочих? Взять хотя бы почин технолога нашего станкостроительного завода Юрия Филюнова. Он обязался внести каждый год столько рационализаторских предложений, чтобы экономический эффект составил годовую зарплату. Этот почин поддержали рабочие многих предприятий, и он широкой волной прока-

тился по нашей области. И вот результат: рационализаторы Оренбуржья внесли 33 тысячи предложений, из которых 17 тысяч внедрено в производство, сэкономлено государству более 10 миллионов рублей.

Вот и подумайте, как велика эффективность новатора и его последователей.

Верно говорят: кто смолodu знает вкус собственного хлеба, который добывается в поте лица, тот способен к подвигу, потому что в нужный день и час у него найдутся воля и силы.

Я, как рабкор, давно присматриваюсь к Шуре Облицовой. Однажды я подошел к ее токарному станку. Упругав под косынку русые пышные волосы, стояла Шура за станком и проворно одну за другой обрабатывала чугунные детали — втулки. Сыпалась из-под реза хрупкая стружка, дымилась пыльца, а она, увлеченная работой, наклонилась к деталям, замеряла их, и движения ее были точными и красивыми, будто она не работала, а играла на каком-то музыкальном инструменте. Я тоже рабочий, мне тоже приходится иметь дело со сложными деталями, но сейчас я позабывал ей: уж очень красиво работает!

Поговорить с Шурой в цехе не пришлось, она торопилась на комсомольское собрание. Пригласила и меня. Шура из тех, кому до всего есть дело. Особенно любит она заниматься с трудными подростками. Она и сама когда-то была «трудной», выросла в детдоме. И, может быть, потому у нее и выработалось умение работать с «тяжелыми» людьми.

— Расписаться в собственном бесилии легче всего, — говорит Шура. — Значительно труднее помочь человеку. Иногда о парне говорят: «Такому уже ничего не поможет. Неисправимый человек». Присмотришься к «неисправимому» и видишь: трудно живет человек. Не все гладко у него в жизни. И под напускной грубостью скрыта отзывчивая душа...

На собрании комсорг Облицова призывает девушек и ребят ехать на строительство Оренбургского газоконденсатного завода.

Девушки молчат, только в задних рядах слышится — перешептываются. Шура не выдерживает молчания и спрашивает:

— Кто? Кто поедет?

— Ты нас призываешь? А сама-то едешь? — крикнул кто-то из последнего ряда.

— Еду, — быстро ответила Шура.

— Тогда и я еду.

— И я...

— И я...

Поднялись вверх десятки рук. Послышались аплодисменты.

Дела рабочие... Кто скажет, где начинаются и где кончатся они? Кто очертит их круг?

Мне вспоминается рассказ о трех товарищах. Дружили они давно и работали в одном цехе. И вот случилась авария: лопнула труба, подаю-

щая топливо в плавильную печь, и ярче электросварки вспыхнуло брызнувшее масло. Двое шарахнулись в сторону и вмиг прыгнули в раскрытое окно. А третий остался. Понимал: цеху, всему заводу, его друзьям грозит опасность — пламя сожрет все. Он бросился перекрывать вентиль распределительной коробки, чтобы преградить путь огню. Тугие, остро жалящие струи пламени хлестали его по рукам, плечам, спине, но он не сдавался. Потом сбежались люди, подоспела пожарная команда. Но главный, первый удар он принял на себя один. Без тех двоих, которые бросили свой цех, оставив его один на один с огнем. Не поступи эти двое как трупы, подставь они вовремя свои плечи, смертельная ноша, разделенная на троих, стала бы вдвое легче и, может быть, не раздавила бы Виктора Куховаренко (так звали героя) своей тяжестью.

Да, Виктор сделал все, что мог в свой трудный час испытания.

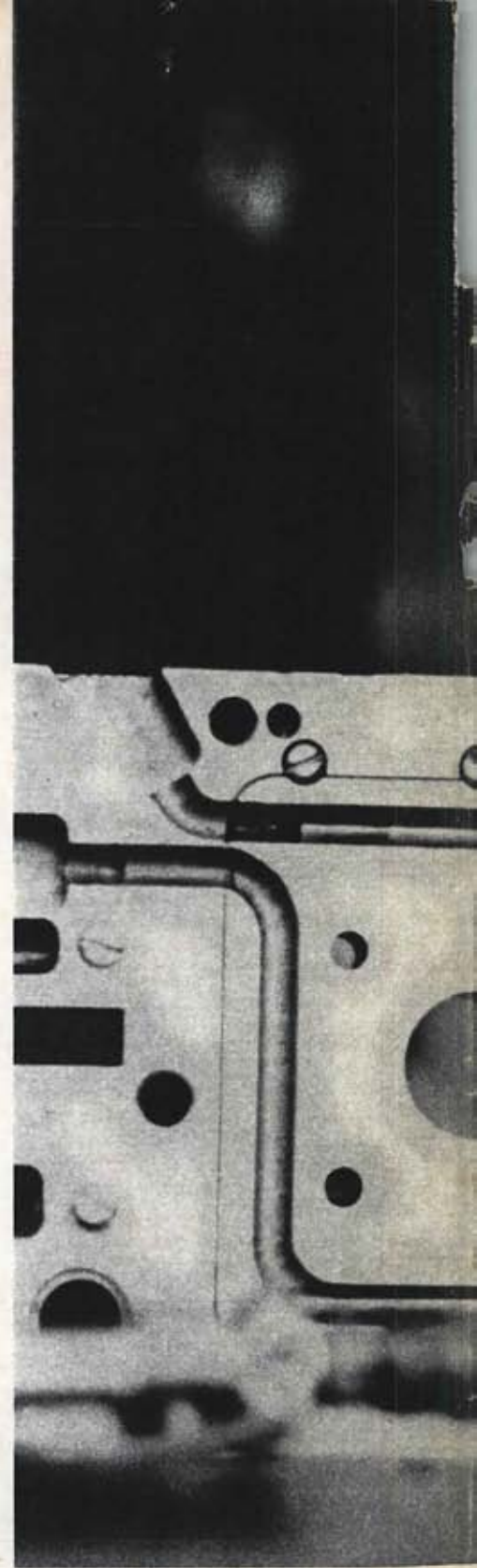
Человек не каждый день попадает в исключительные ситуации. Раза два в жизни. И очень важно, как он пове-

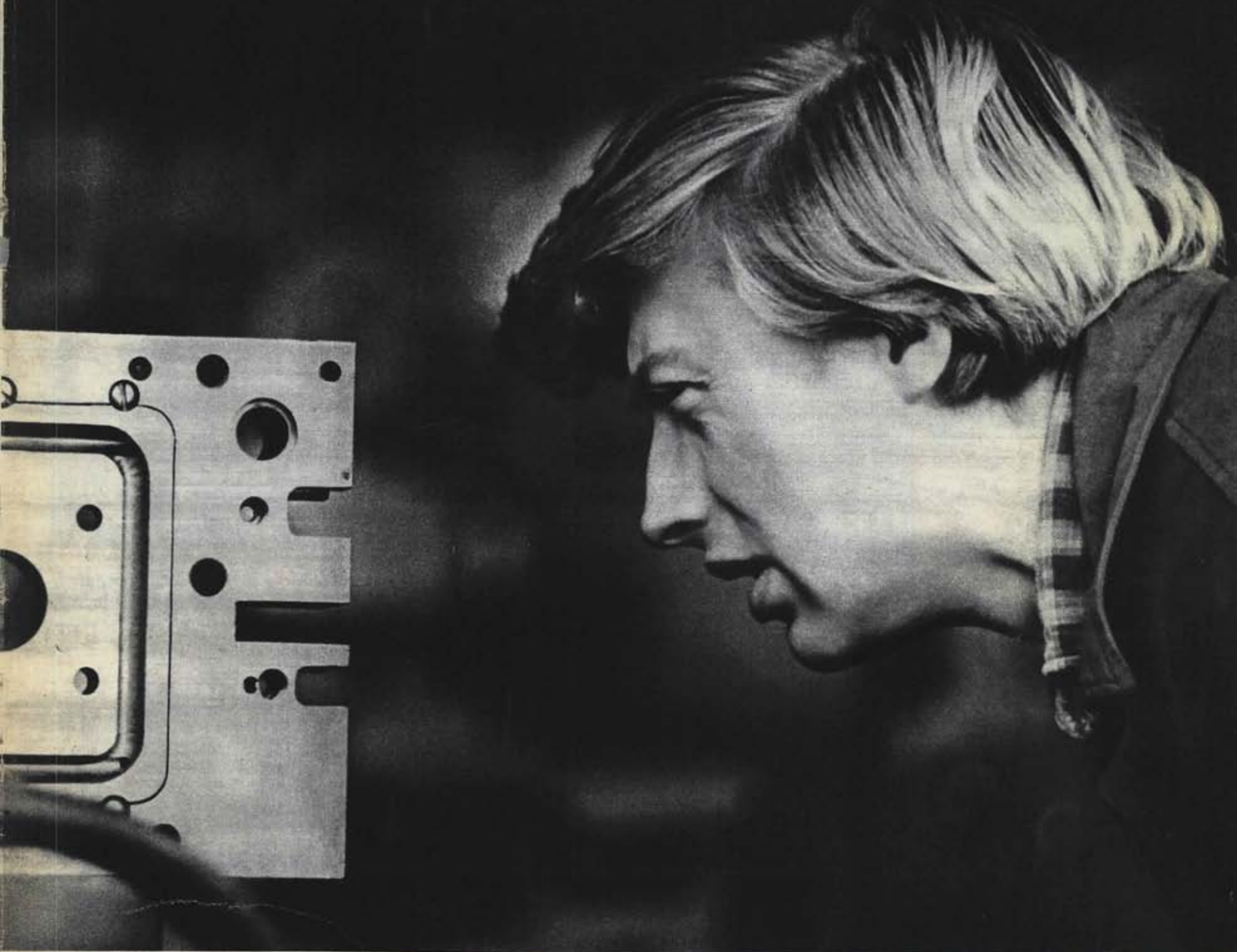
ПЯТИЛЕТКЕ-
УДАРНЫЙ
ФИНИШ!

ПЛАН
КАЖДОГО
ДНЯ

КАЖДОГО
МЕСЯЦА
ЗАВЕРША-
ЮЩЕГО

ГОДА —
ДОСРОЧНО!

дет себя в самый первый раз. Люди, как говорится, не ангелы, они подвержены чувству страха. Только справляются с ним по-разному. И тут все зависит от того, как ты поступил, что предпринял. Мужественными не рождаются, ими становятся.

А у подвига есть срок. Он может длиться мгновение или секунды, часы или дни, годы или всю жизнь. Зависит ли от этого наше преклонение перед ним? Нет, конечно. Важно, что он свершен.

Есть подвиг, который на первый взгляд и незаметен, он длится, пока ты работаешь на заводе, на стройке, всю жизнь. День за днем его вершит и продолжает вершить простой советский человек. В народе такого человека называют любовно — труженник.

У нас на станкостроительном заводе таких труженников сотни, и у каждого приличный стаж работы — 15, 20, 25 лет и больше. Но как проработал, скажем, 25 лет токарь-карусельщик Алексей Дмитриевич Дегтярев? Исключительно добросовестно. Каждый день он перевыполняет произ-

водственную выработку. Дегтярев создал свой почерк, свою школу. Тщательно отбирал все лучшее, что удавалось почерпнуть в общении с передовыми карусельщиками, разработал теоретический комплекс скоростного резания металла.

Он не терпит расхлябанности, лени. Как-то идет после смены по цеху и видит, как молодой токарь положил плохо обработанную деталь в кучу готовых, уже проверенных ОТК. Дегтярев подошел к нему и сказал:

— Переделай!

— Чего?! — Токарь продолжал закручивать новую заготовку. — Ты кто такой, чтобы здесь указывать?

— Я рабочий. А ты?

Серые глаза стали ощутимо колючими — попробуй тут не ответить! Куртки были одинаковыми. Взгляды разные...

— И я тоже рабочий! — все еще ершисто выкрикнул парень. — И нечего тут...

— Ты не рабочий, ты халтурщик... Об этом подумай на досуге, а работу переделай немедленно.

Он не стал дожидаться ответа, ото-

шел в сторону, где слесари монтировали новый токарный станок.

— Зря ерепенишься, — сказал молодому токарю кто-то из рабочих. — Это же Дегтярев, председатель группы народного контроля.

— Подумаешь, контроля! — продолжал задираться парень. — Контролировать все мастера — ты попробуй сам из этого металла дать хорошую чистоту обработки.

Алексей Дмитриевич прекрасно слышал весь разговор. А реагировал на него своеобразно — исчезла злость в глазах, усмехнулся добродушно. И подошел к станку.

— Металл, говоришь, виноват? Давай посмотрим.

Парень потупился. Отошел в сторону и дал место за станком Дегтяреву. Алексей Дмитриевич профессиональным движением проверил крепление детали и включил станок. И началась работа с большой буквы. В течение пяти минут он обработал деталь. И сделал ее мастерски. Когда исчезла из-под резца огненная спираль стружки, рабочие, стоявшие за

спиной Алексея Дмитриевича, подняли вверх большие пальцы — класс! И в самом деле, чистота обработки была отменная. Деталь сверкала на солнце, в нее можно было смотреть, как в зеркало, она была горячей еще и потому, что рабочий отдал ей частицу своего сердца.

Именно в труде познается человек, его характер. Как человек работает таков он и есть. «Только в труде велик человек, и чем горячей его любовь к труду, тем более величественнее, красивее его работа», — утверждал вдумчивый исследователь человеческих душ Максим Горький.

«Воевать с самим собой — труднейшая из войн, победить самого себя — прекраснейшая из побед». Не помню, кому принадлежат эти слова, но мне видится в них глубокий смысл. Жизнь нас часто проверяет «на излом». В одних испытаниях получаешь предметный урок, в других — приобретаешь рабочее мастерство. И пусть наша совесть дает нам одно право — вкладывать в свой труд сердце и «души прекрасные порывы».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 2 [1144]
ЯНВАРЬ
1975

НАША ОБЛОЖКА: «ВСЕ ГО-
ТОВО! МОЖНО СБРАСЫВАТЬ АП-
ПАРАТУРУ!»

Фото Льва ДОБРОВОЛЬСКОГО

ОЧЕРК «КОСМОС ГДЕ-ТО РЯДОМ» —
НА СТРАНИЦАХ 20—22.

5
НАВСТРЕЧУ
VI ВСЕСОЮЗНОМУ
СОВЕЩАНИЮ
МОЛОДЫХ
ПИСАТЕЛЕЙ.
ПИСАТЕЛИ АДЫГЕЙ.

8
СЛОВО
О КОМСОМОЛЬСКОМ
БИЛЕТЕ.

12
КРАСОТА РОДНОЙ
ЗЕМЛИ.
БАШКИРИЯ.

24
ОТКРЫВАЯ ДЛЯ СЕБЯ.
СТАТЬЯ О МОЛОДЫХ
ХУДОЖНИКАХ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

БЕРЕГ РАБОТЫ

ПОХВАЛА СНЕЖНЫМ ПИЛОТАМ

СИЛУЭТЫ: ЕВГЕНИЙ АБРАМОВИЧ БАРАТЫНСКИЙ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов [ответствен-
ный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. По-
бедоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов,
А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник],
Д. Н. Филиппов.

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будкина

АДЫГЕ ГВОЗДИКИ ВАРШАВЫ

Сергей АБРАМОВ,
Василий МИШИН (фото),
специальные корреспонденты «Смены»

Красива Варшава.
Красивы Иерусалимские Аллеи с ошеломляющей пестротой магазинных витрин и красиво Краковское Пшедмесьце, где Адам Мицкевич, Юзеф Понятовский и Николай Коперник — поэт, полководец и ученый, символы Польши, — застыли над городом на каменных постаментах. Красива Варшавская Нике, летящая над Театральной площадью, и красивы узкие улочки Старого Места. И трудно поверить, что красоте этой не более трех десятилетий...

Надо ли перечислять все кровавые эпизоды войны? Проще сказать, что нет в городе улицы, — да что там улицы — дома! — которые не знали бы их.

На сегодняшнем трамвае, весело гремящем по Иерусалимским Аллеям, белыми аршинными буквами надпись: «Мир!». Это совсем новый трамвайный вагон, яркий и блестящий красный трамвайный вагон, и над его лакированными боками не

свистел, не гулял августовский резкий ветер Варшавского восстания вперемешку с пулями Варшавского восстания. В этом трамвае можно проехать по Варшаве, по красивой Варшаве, по новой Варшаве и даже не увидеть, не найти следов минувшей войны.

Беленькая варшавянка, голубоглазая варшавская сиренка, одна из тех, кто вышел встретить молодежный поезд дружбы из Москвы, протянула мне три алые гвоздики и сказала по-польски: «Покуй!». Первое слово, услышанное на польской земле — слово «мир», — звучало по-русски, как «покой».

Мир в Варшаве. Покой в Варшаве. На рыночной площади Старого Мясца торгуют цветами, а бородатые художники в выцветших джинсах разложили свои картины прямо на тротуарах. На их картинах — синее варшавское небо, и красные домики с белыми ставнями, и серые бульжные мостовые, и сизые голуби на мостовых. На их картинах — покой. А в двух шагах от площади Рынка, на улице Фрета, была штаб-квартира Армии Людовой во время восстания, а на Свентоянской улице прямо через кафедральный собор Святого Яна проходила в сорок четвертом линия фронта, а чуть дальше на площади Красинских есть колодец подземного канала, по которому 1 и 2 сентября 1944 года уходили из Старого города повстанцы.

Мир в Варшаве. Покой в Варшаве. Горит Вечный огонь над могилой Неизвестного солдата на площади Звьценства. Не от него ли цинично прикурил сигарету герой фильма «Поиски прошлого», сумевший выжить в водовороте восстания? Он, герой Анджея Лапицкого, выжил, вытерпел, спасся от пуль — ради чего? Ради мечты, рожденной звонкими посулами миколайчиков и бур-комаровских ангелов Армии Крайовой? Ложной и пустой была эта мечта, запрограммированная в нем теми, кто узнавал о боях в Польше только из английских газет. Для польского эмигрантского правительства, уютно обосновавшегося в Лондоне, понятие «Родина» было чем-то вроде сладкого пирога, которым можно поделиться с теми, кто платит, и платит щедро. Для героя Лапицкого понятие «Родина» было материальным, до боли живым. Она была рядом — его Родина! — в бессонных августовских ночах, в перевернутых сгоревших трамвайных вагонах, в душной вони подземных каналов, которые спасли его жизнь, но погубили душу.

Командующий Армией Крайовой генерал Бур-Комаровский признавал, ничуть не стесняясь, что цель восстания в августе сорок четвертого была именно в том, чтобы захватить Варшаву раньше, чем в нее войдут русские. Кровавая игра судьбами варшавян: ведь организаторы восстания прекрасно сознавали, что у них практически нет шансов собственными силами вытеснить гитлеровцев из столицы. Да что там организаторы! Сам генерал Гудериан, в ту пору начальник гитлеровского генерального штаба сухопутных войск, считал, что «выступление в Варшаве началось преждевременно».

Герой Лапицкого защищал Родину, но не сумел обрести ее. Сладкие речи главарей Армии Крайовой оказались громче канонады орудий Советской Армии и Войска Польского — для него. Он не ведал, что Варшавское восстание было всего лишь «картой», которой англичане могли бы «козырять в переговорах с СССР» — именно так Антони Иден говорил главе польского правительства в Лондоне С. Миколайчику.

ВЕСТЕРПЛЯТТЕ.

ПАМЯТИ ПАВШИХ...

Иначе думали коммунисты, истинные патриоты Польши. Член Политбюро, секретарь ЦК ПОРП Зенон Клишко писал, что, начавшись, «восстание перестало быть делом лишь небольшой группы дельцов и санационных самозванцев, а стало общенациональным делом, которое в первую очередь касалось жителей столицы». И они защищали свою столицу — до конца, и не их вина, что восстание было заранее обречено на поражение. И они потом восстанавливали свою столицу — каждый год, каждый день — с того самого часа, когда 3 января 1945 года Крайова Рада Народова приняла решение о восстановлении Варшавы.

Красива она сегодня.

Красиво почти целиком заново отстроенное Старое Мясцо, увенчанное огромной колонной короля Сигизмунда — чуткой, как мачта радиоантенны. Тогда, в тот кровавый август, она не выдержала адского напряжения боя, рухнула, развалилась. А после освобождения пришли рабочие и,

как раненого, положили на носилки поверженного фашистами короля. В 1949 году он снова занял свой привычный наблюдательный пост над городом, откуда видна ему и Висла, и бегущая вдоль нее скоростная Вислострада, и небоскребы нового города, и бесчисленные памятники войны, и Вечный огонь у могилы Неизвестного солдата, куда принесли венки потомки тех, кто защищал Варшаву во время восстания, кто освобождал ее от фашистских захватчиков, — участники Дней дружбы польской и советской молодежи.

Один из почетных гостей Дней дружбы, участник освобождения Польши генерал армии Иван Федюнинский, на вопрос польского журналиста: «Какая разница между польской и советской молодежью?» — ответил, не задумываясь: «Никакой!» И добавил, усмехнувшись: «Да и откуда ей взяться, если их отцы сражались бок о бок...»

К началу весны 1944 года Красная Армия, освободив почти три четверти советской территории, оккупированной врагом, неуклонно приближалась к польской границе. На территории СССР завершилось формирование 3-й польской дивизии, в Рязани была создана польская офицерская школа, в районе города Сумы появилась новая база формирования польских вооруженных сил. В начале марта 1944 года польский корпус перебазировался к Житомиру. А в середине марта он был преобразован в первую Польскую армию. Сражалась с фашистами внутри страны Армия Людова. В июле войска Красной Армии и части 1-й Польской армии вступили на польскую территорию...

В Белостоке, городе, который был освобожден одним из первых, собралось несколько тысяч юношей и девушек: из Москвы и Варшавы, из Ленинграда и Гданьска, из Минска и Кракова, из Риги и Олыштына. Несколько тысяч юношей и девушек рождения пятидесятых годов, кто знает о войне лишь по фильмам и книгам, и кто вряд ли представляет, какая она, война. Желто-синие косынки, концами связанные в длинные ленты, вздымаются над амфитеатром в Белостокском парке. «Дружба! — Пшиязнь!» — скандируют тысячи голосов точно так же, как скандировали эти слова их отцы и деды в сорок четвертом, когда

освобождали первый польский город — Хелм, а сразу за ним — Люблин, и когда в январе сорок пятого вместе форсировали Вислу, и когда прорывали Поморский вал, и когда участвовали в битве за Колобжег, и когда сражались под Бауце-ном и Дрезденом, и когда штурмовали Берлин. Вот так: вместе, плечом к плечу шли советские и польские солдаты по дорогам Победы, а сегодня так же вместе молодые строители «второй Польши» и советская молодежь отдадут дань мужеству павших бойцов — в Варшаве, в Кракове, в Гданьске, в Белостоке...

Память избирательна. Мы часто стараемся забыть то, что трудно вспоминать, больно вспоминать. Все это зависит от того, насколько мы связаны с прошлым. Да, можно затушевать в памяти раны, некогда нанесенные войной, заслониться от прошлого потоком событий наших дней. Скажем, легко ли, например, в Токио узнать о размерах военных потерь? А ведь они огромны: здесь погибло четверть миллиона людей, половина домов была обращена в руины... В Польше могилы жертв минувшей войны можно встретить везде: на площадях, улицах, в скверах. Память Польши полна страданий. И она велит постоянно быть начеку, не допускать забвения. Вся символика страны — от памятников с каменными мечами до боевых мелодий радиопозывных — связана с борьбой поколений за свободу страны.

В сентябре 1939 года 85 процентов военной мощи Германии обрушилось на Польшу. Всего месяц понадобился для того, чтобы полностью оккупировать польскую этническую территорию. Террор, массовые казни, пытки и истязания в тюрьмах и концлагерях — двадцать два процента населения потеряла страна за годы оккупации! Только в печально знаменитой «фабрике смерти» — Освенциме — погибло около четырех миллионов узников... Разве это можно забыть?

На территории Польши разрушено триста тысяч жилых домов, руины остались от трех крупных морских портов — Щецина, Гданьска и Гдыни. Сто тысяч крестьянских хозяйств лишились всего...

Разве это можно забыть?

А бои под Вестерплатте и Гданьском в сентябре тридцать девятого? А так называемая «акция А—Б» — первая кампания по массовому истреблению интеллигенции летом сорокового? А партизанская война Армии Людовой? А битва под Ленино в октябре сорок третьего, когда впервые родилось народное Войско Польское?..

Разве все это можно забыть?

На торжественном заседании Сейма Польской Народной Республики Леонид Ильич Брежнев сказал:

«На протяжении веков в Европе, да и не только в Европе, почти у каждого поколения была «своя война». Нашему поколению пришлось вынести тяжесть самой разрушительной войны в истории человечества. Ее рубцы остались на миллионах из нас, на земле наших стран, в памяти наших народов. Они не дают забыть нам, живым, о долге перед теми, кого не стало, и перед теми, кто придет, чтобы продолжить наше дело».

Дело отцов продолжает сегодня молодежь наших стран — комсомольцы Страны Советов и члены Федерации социалистических союзов польской молодежи. Как когда-то отцы плечом к плечу сражались за свободную Польшу и свободную Советскую страну, так они сегодня работают по-коммунистически, новые герои новой жизни.

Один из участников Дней дружбы польской и советской молодежи, московский рабочий завода Василий Липенцов, вспомнил на митинге в Белостоке слова первопроходца космоса Юрия Гагарина.

Космонавт как-то спросил, что он чувствует, став Героем Советского Союза. Он ответил: «Видите порядковый номер на Золотой Звезде? Он не первый и не последний. Это значит, что были герои до меня, будут и потом».

Герои войны и герои труда... Их подвиги различны, но суть одна: бороться за мир на планете. Кровью ли, трудом ли — бороться. Чтобы слово «мир» — по-польски «пóкуй» — всегда звучало по-русски как «покой».

НИКОГДА НЕ ГАСНЕТ ОГОНЬ У ПАМЯТНИКА СОВЕТСКИМ СОЛДАТАМ.

На семинаре молодых поэтов и прозаиков в городе Майкопе, организованном Адыгейской писательской организацией, шел разговор о свежих вехах адыгейской литературы. Семинаром руководили местные и московские литераторы. Положительные оценки получили произведения Кадырбеча Кумпилова, Нальбия Куека, Сафера Панеша, Руслана Нехая, Хазрета Панеша, Измаила Тлепцерже, Розы Паранук... Некоторые из этих писателей уже выпустили по 2—3 книги, печатали свои вещи в местной и центральной печати.

Сегодня мы знакомим читателей журнала с некоторыми произведениями участников майкопского семинара.

Кирилизе ЖАНЭ,

ответственный секретарь Адыгейской писательской организации.

СОЛНЦЕ УЖЕ ВЫСОКО

Юнус ЧУЯКО

РАССКАЗ

С последней картофельной Фата заметно торопится. Надо бы непременно вырезать этот глазок, который мелькнул на гладком боку, но она бросает картошку в воду, тут же в тазу споласкивает руки и, вытирая их на ходу, быстро идет к дому. Хватит Рамазану спать! Сейчас она его, наконец, разбудит.

За ручку она берется очень решительно, сильно дергает на себя, и тут же приостанавливает дверь, и замирает от напряжения: ишь, разогналась! Хорошо, что вовремя придержала, а то было бы скрипу!

Коридор она проходит уже на цыпочках и у двери в комнату останавливается, почти не дыша. Тихонько открывает ровно настолько, чтобы можно было пройти, — а так ли много для нее надо?

В комнате с каждым неслышным шагом к его кровати сама она словно становится легче и вот уже совсем перестает себя ощущать, не уловить даже сердца — оно уже не бьется, а только сладко щемит.

Рамазан лежит на боку, рука вытянута вперед, слегка свесилась, ноги под простыней разбросаны — он словно уснул на ходу, да так и спит. Ему, видно, что-то снится, такое же светлое и безмятежное, как это раннее утро, и тихая улыбка трогает полуоткрытый рот, потом щеку, на миг замирает у переносия и улетает с лица так же незаметно, как незаметно пропадает тот ветерок, который только едва касается листьев...

Фате хочется дотронуться до него, она осторожно тянет руку и, кажется, еще издали чувствует идущее от сына тепло. А она только что возилась в холодной воде. Какие у нее теперь пальцы — любой вздрогнет.

И она отступает на шаг.

— Солнце уже высоко, Рамазан, уже...

Фата произносит это скорее про себя, чем вслух, и все же на полуслове замолкает. Она сделала свое дело, а там ее мальчик сам знает, когда ему надо вставать, что это она пристаёт к нему уже третий раз?

Ну, пусть еще немного поспит, думает она, пусть поспит, ведь даже у древних нартов, которые работали и работали не покладая рук, тоже, говорят, один раз в году был такой день, когда они могли отдохнуть, сколько вздумается. Что он, Рамазан, поспит здесь, то его, то никто у него уже не отберет. А там, куда он сегодня уезжает, будет ли у него время для сна?..

И она уходит на цыпочках и дверь прикрывает так же неслышно.

А Рамазан слышит, что говорит ему мать, и сквозь сладкий свой сон как будто бы даже видит, что происходит и в доме, и во дворе, и на улице, но знакомые звуки, краски, запахи — все это для него слылось сейчас в один цельный мир, словно неразделимый с ним самим, спящим, и, разомкну он налитые дремотой веки, слегка пошевелил ленивым языком, — невольно потревожишь не только себя, но и все вокруг...

Коротко покрикивает пастух, мимо плывет негромкий, но плотный топот, и вслед ему откуда-то уже издали несется тоненькое мычанье, теленок окликает мать, за ним и другой, и третий, и каждому отзывается сочное и густое эхо, ничей жалобный голосок не остается без ответа.

Из конца в конец над полусонным аулом носится эта переключка, потом к ней разом присоединяется похожее на детский плач бляшье, и тут уже ничего не разобрать в этом бесполом и беспомощном хоре — только чудится Рамазану, будто видит он стесненный улицей сплошной островок овечьих спи, будто взирает ему щеколет холодноватый запах еще не просохшей от росы взбитой узкими копытцами пыли.

На высокий кол возле сарая взлетает поджарый пегух, стараясь удержать-

ся, торопливо скребется когтями и дрожит длинным хвостом, потом на миг затихает и вдруг туго бьет крыльями, силно вскрикивает, и голос его сперва словно прорывается сквозь kloкочущий хрип, а потом звенит чисто и радостно, раскатывается долго, и тишина после него становится еще более отчетливой.

Теперь слышно, как на летней кухне брякнула вместо крышки перевернутая над чугуном сковорода, а потом глубоким басом из деревянного нутра зашлась самодельная маслобойка.

Под глухое ее жужжание снова обволакивает Рамазана мягкий туман этого утра, а когда он расходится, Рамазан уже стоит на зеленом и ярком луку, умывается парным молоком и будто бы незаметно для себя кружится. Теплая пена опадает с его ладоней, но летит не вниз, не на землю, а плавно плывет вверх, в бездонное небо, и каждый крошечный шарик начинает покачиваться на голубом и расти, и каждый становится розовым, похожим на утреннее солнышко.

— Ты опять заснул, Рамазан?! Посмотри: солнце уже высоко...

Теперь Фата дотронулась до него, и он в самом деле легонько вздрогнул. Глаза у него на миг стали такие, как будто он только что вынырнул из воды, и тут же потеплели, он улыбнулся и, потягиваясь, густым спросонья голосом закончил:

— ...уже почти полдень, выгнали стадо, люди в поле ушли, и кувшины из тыквы давно висят в холодке!

С каких пор этой скороговоркой Фата будит своих детей! В ее устах она звучит как заветное слово, которое каждый раз заворачивает тебя и мягко выводит из крепкого сна. Не мудрено, что и Рамазан наизусть знает этот певучий стих и помнит его еще, конечно, те сыновья, которые давно уже из дома уехали, и выучат, если все будет хорошо, младшие, те, что пока остаются с нею.

Когда дети были поменьше и почти все еще были вместе, соседки другой раз начинали подтрунивать: «И не трудно тебе с ними, Фата? Это беда — девять ребятшек! Может быть, давай, поговорим в ауле: люди не откажутся взять одного или двух!..»

Часто ли приходилось тогда Фате постоять с кем-либо на улице или вместе с другими женщинами посидеть вечером около ворот на скамейке? И те короткие минуты, когда это удавалось, были для нее испорчены, если слышала такой разговор. Фата чувствовала, как начинали гореть у нее щеки: «У тебя пять пальцев, соседка, можешь ты отдать хоть один? Или большой? Или мизинец?»

Знала, что с нею шутят, но ответить шуткою не могла, и каждый раз страдала от этого и чувствовала себя виноватой: «И я, дурочка, каждый раз верю вам, и вы тоже хороши: разве есть у меня хоть один, по ком не болела душа? А что трудно доглядеть, это правда. Да куда деваться, забот много, ничего не поделаешь: разве кровь у них не из молока моего?»

Рамазан сладко зеваёт.

— Всю ночь прогулял, а теперь по крошке сон собираешь! — нарочно строго говорит Фата. — Думаешь, отец не слышал, когда ты пришел?

А он еще не совсем проснулся, хотя уже сидит на постели. Потягиваясь, снова на секунду крепко зажмурился, и в глубокое небо опять потянулись розовые шары. От этого ему становится очень хорошо, и покойно, и даже чуточку весело.

— Рамазанчик, прошу тебя, не ходи ночью, — говорит он, улыбаясь во все лицо. — Ты знаешь, какие у нас ночи, темные, хоть глаз выколи, свалишься еще в какую-нибудь ямку, сломаешь ногу!

Передразнивает, ишь, хитрец — хочет перевести разговор. И в строгом голосе Фаты появляется укор:

— Можно было бы так долго там не засиживаться!

Мать смотрит на него со значением, и он вдруг смущается, отвечает вопросом на вопрос:

— Это где... там?

— А ты не думай, раз ночка темная, тебя никто не видит, — говорит Фата еще более многозначительно.

Он улыбается, как улыбался совсем еще мальцом, когда хотел подлизаться к ней или что-нибудь выпросить, и Фате немножко смешно и приятно видеть эту хитроватую детскую улыбку.

— Знаешь, что мне сегодня приснилось, нан?

Но Фату не так-то просто сбить с толку. Она поднимает палец.

— Я ничего не имею против Цуцары, она хорошая девушка, но и у нее нельзя пропадать так долго!

И, строгая, выходит из комнаты, только в коридоре наконец улыбается и облегченно вздыхает. Она считает, что провела с Рамазаном очень серьезный разговор...

У Фаты давно уже это вошло в привычку: про себя она заранее намечает невест для своих подрастающих мальчиков. Тайно любит их, и все присматривается, и радуется, что не ошиблась, и в мыслях женит на них сыновей, встречается у ворот, когда те приводят их в свой дом, оберегает каждую из них ото всего и от всех... И каждая из них становится для Фаты такой близкой, что не так просто оторвать потом ее от сердца, не так просто из души выкинуть, и Фата, бывало, другой раз потихоньку всплакнет, когда увидит, как прошла мимо их дома та самая девушка, которая, не подозревая об этом, так долго жила тут, и тоже любила Фату, и лаской отвечала на ее ласку... Ничего не поделаешь! Все реже и реже приезжали в аул ее сыновья: заканчивали учебу, разлетались и женщины себе находили где-то в чужом краю. Вот уже, по словам Фаты, пустила она по России четырех сыновей. И пусть у всех у них дела хороши, пусть невестки попались умные да работящие — отсюда не так просто это увидеть. Ладно еще, что двое из сыновей живут теперь поближе, в том самом городе, где будет учиться ее Рамазан. Зато старший работает в Якутии; один аллах знает, где эта Якутия...

Много ли надо Фате от невесток? Самое большое — чтобы вечером, после всех забот, какая-нибудь из них присела рядом, взяла гребень, стала бы расчесывать Фате уже поседевшие ее волосы, и они бы перед сном о том да о сем немножко поговорили — негромко, совсем тихо...

Разве кого заставила бы Фата делать трудную какую работу? И к холодной воде не дала бы притронуться — с домом она отлично справится и сама, и то, что хлопот у нее, конечно, прибавится, только придало бы ей сил.

Вон как ей приходилось вертеться, когда все ее мальчики еще были дома. Поднималась тогда куда раньше: пока управит скотину, пока приготовит завтрак, пройдет не один час. Накормила да проводила за порог тех, кто в первую смену, — надо поднимать остальных. Приберет за ними постели, pomoет посуду, отправит в школу — уже возвращаются с первой смены, и снова накрывай на стол, опять мой посуду... А что стирать, штопать, гладить, перешивать, перекрашивать! Огонь в печке не затухал до поздней ночи, и хотя Фата, бывало, ворчала, говорила, что сама она весь день жарится на этом огне, всю жизнь будто в котле каком кипит, на самом деле она была всему этому рада, и очагом своим, который не давал ей передышки от темна до темна, в душе очень гордилась и другой жизни не желала.

А потом они стаи ужезать — один за другим.

До этого Фате казалось, что она уже всякого хлебнула с детьми, что кому-то, а ей-то лучше многих других известна наука материнства — такая радостная и такая горькая. Но тут она открыла для себя, что не знала до сих пор, может быть, главного: что такое разлука...

Тогда она, глупая, одним себя утешала: сколько бы ребят ни уехало, а дома оставалось все равно больше. Надолго ли этого утешения хватало?.. Рамазан у нее пятый, и, когда теперь думает о его отъезде, на душе у нее становится совсем сиротливо.

Как сложится у мальчика жизнь вдалеке от родительских глаз? Что он там придумает вслед за старшими?

Вчера полночи пропадали у Цуцары, у той самой девушки, которую Фата давно уже наметила ему в жены, — да только разве не было такого и раньше? Ведь и прежде она не так просто выбирала себе невесток, старалась угодить сыновьям и в душе всегда с ними советовалась... И куда их всех из аула тянет? Откуда эта охота к наукам?

Все в мире сделалось вдруг так сложно, странная жизнь пошла и, наверное, заманчивая — недаром же уходят они от нее и уходят.

Дверь в доме скрипнула, потому что Рамазан распахнул ее слишком широко. Петух на высоком колу возле сарая встрепенулся, вытянул длинную шею, громко закричал.

— Эй! — задрал голову Рамазан. — Меня провожаешь или зовешь гостей? Фата обернулась и грустно посмотрела на сына: им шутки!

— А ну-ка, давай хорошенько еще раз, а я послушаю... Нан! Может быть, ты дашь мне его вместо будильника? Ну и горлан — хватит одного на все обжитие!

Рамазан и раз и другой присел на крыльце, потом через три ступеньки прыгнул и, размахивая руками, повернул за угол. Она все еще стояла, задумавшись, когда за домом тяжело грохнула оземь самодельная штанга — от глухого удара под ногами у нее, казалось, дрогнуло.

Фата не выдержала, пошла следом.

— Чует мое сердце, ты опоздаешь на автобус! Уедет он без тебя.

Рамазан потряхивает пальцами, словно хочет поскорее их высушить.

— Ну и пусть себе на здоровье едет! Занятия у нас только завтра.

— А тебе еще и собраться и покушать.

— И соберусь и...

— Чего тебе дать с собой?

— Полтыквы, один круг сыра, буханку нашего хлеба... Несколько головок чеснока... Нет! Буквально ничего не возьму!

— Ишь, не возьмет! Там некому будет по десять раз звать тебя за стол!

— Н-некому, — повторяет он. — Н-некому!

Эта железная палка с тяжелыми шестеренками на концах лежит теперь у него на груди, он пытается приподнять ее, и руки у него напряглись, вены вздулись, как не лопнут.

«Это из моего молока кровь!» — проносится у Фаты, и сухое, смуглое лицо ее слегка розовеет, когда она и раз и другой провожает взглядом эти железные колеса, которые то плывут вниз, то подрагивают у Рамазана над головой.

Рисунок Владислава ПРОВОТОРОВА

Он бросил наконец штангу. «Дым!» — снова дрогнула земля под ногами. А Рамазан отряхнул ладони от ржавчины и погладил руку сперва около одного плеча, потом около другого.

— У нас хорошая столовая, нан. Надо к ней привыкать.

— Чего же там привыкать, если хорошая? — Глаза у Фаты становятся не доверчивыми.

— Это к слову пришлось.

А она решает:

— Значит, так: три курицы сварила, возьмешь. Пять десятков яиц, я их семечками пересыпала...

— Куда я там дену еще семечки?

— Как куда? Будешь щелкать с друзьями.

В голосе у него слышится укор:

— Нан!

— Как будто я не вытряхивала у тебя полный карман, когда последний раз стирала брюки!

— Это — другое дело, — твердо говорит Рамазан.

Чего с ним спорить!

— ...четыре сыра, — продолжает перечислять Фата. — Две тыквы. Связка лука.

— Ты меня как будто на базар собираешь!

— Не думай, что это только тебе.

— А я и не думаю. Только все равно много. Ты их балуешь, нан!

— Это не твоя печаль! — нарочно хмурится Фата. — Твое дело — довести все в целости, в автобусе ничего не забыть и передать то, что я скажу. И не отказываться потом...

— Ясно, когда будут сажать за стол!

— Пойду-ка на часы гляну, ты поспеши!

— Солнце уже высоко, — смеется Рамазан, — уже почти полдень, стадо выгнало, и все автобусы могут уйти...

— Тебе все шутки, а сам точно опоздаешь!

Это она говорит уже на ходу. Подумав о часах, прибавляет шагу, начинает вдруг торопиться, и на сердце у него становится беспокойно. Ни с того ни с сего ей вдруг припоминается эта старая легенда, которую любят рассказывать пожилые женщины: как сын выгнал мать из дому и бежал вслед за ней с горячим поленом в руках, хотел бросить, а мать, убегая, все оглядывалась, все молила: смотри, не обожги руки, сынок!

Почему это сейчас пришло ей в голову? И вдруг Фата спохватилась: да ведь ее мальчик собирается нынче не в лес за кизилом! Что ж, что он будет иногда возвращаться, — нынче он уезжает, считай, навсегда. А она все боится, что опоздает, она подталкивает его к двери своими руками!

Или ты забыла, говорит она себе, как провожала его старших братьев? Как потом ночей не спала? Как болело у тебя сердце?

И тут она впервые очень четко сознает, что ей предстоит новая разлука. Взявшись за грудь, Фата останавливается у порога и мгновение стоит, словно задумавшись, потом быстро идет обратно, почти бежит.

Рамазан все растирает руки у плеча, и они у него слегка измазаны ржавчиной.

— Забыл, что мне вчера говорил!

Он прищуривается.

— Это насчет чего?

— Ну, как ты будешь учиться?

Голос сына крепнет:

— Просто я подумал: агроному надо быть поближе, ну, как бы это сказать? К земле, понимаешь? На то он и агроном. Что если два года отучиться в институте, а потом перейти на заочное? И тогда я буду жить тут и работать, а туда буду ездить сдавать экзамены...

— Ты подумай, сынок. — Фата хочет скрыть волнение и поднимает из-под ног хворостинку, ломает ее, чтобы потом бросить в печку. Но, должно быть, оттого, что неловко нагнулась, дыхание у нее перехватило, голос становится тонким. — Может, и правда, так лучше?

И вот он выходит за калитку, ее Рамазан. Ставит чемодан, поправляет на плече лямку от нового вещевого мешка, и губы его трогает чуть насмешливая улыбка.

— Ты скажи, нан, этим малюткам: пока они зоревали, меня один петух провожал. — И снова задирает голову. — Ну, пока — эй, ты!

Голос у него такой бодрый, что Фата невольно ловит в нем нарочитость и теперь уже уверена, что мальчик ее тоже переживает.

— Как же ты, не простившись с отцом?

— А я около тока попрошу остановить. На минутку выскочу.

Рука Фаты как будто сама по себе опускается, сжимает край фартука и подрагивает, а потом, все-таки не удержавшись, тянется вверх, и она прижимает к губам кончик этого своего наряда, привычно пахнущего теплым ее гнездом.

— Только чуть голову поднимете, думаете: вот будет отцу-матери подмога, а вы тут же — со двора!.. У других сыновья как сыновья, никуда из дому не норовят, в сторону не смотрят, и невестки как невестки, и живут себе люди все вместе, а вы, как только на ноги чуть встал, так его уже нету!.. А я оставайся с кучей детворы на руках, ты думаешь, это так просто. И отец! Кто был на войне, давно уже на пенсии, давно дома сидят, а он все гнется, все никак не бросит эту свою работу...

— Нан! — ласково говорит Рамазан. — Я сказал тебе: только два года!

— Ну, иди, иди, сынок, пусть добрые люди попадутся тебе навстречу!

— Пойду, нан. Ты не плачь, ну что ты? Видишь, солнышко уже высоко, стадо выгнало...

А она вдруг только теперь замечает, как на самом деле еще рано.

— ...люди в поле ушли... пока, нан!

Отошел всего несколько шагов, а кажется, что он уже так далеко!

Как будто перешел большую и быструю реку, и ты теперь ему кричи не кричи, все равно он ничего не услышит.

Голос у нее срывается:

— Рамазан! Ты не беспокойся за нас, сынок! И никакого заочного! Слышишь, что говорю? Не вздумай! — кричит она ему вслед.

Перевел с адыгейского
Гарий НЕМЧЕНКО.

Руслан НЕХАЙ

Речка, завидую ясной дороге твоей:
Хоть нелегка, но ведет она к цели
достойной.

Сколько к тебе на рассвете
приходит людей,
Сколько садов и полей твоей влагой
напоено!

Жажду всегда утоляешь ты чистой
водой.

Новые силы в рабочие руки вливаешь.
Издавна делятся люди тобой меж
собой —

Так ты на дружбу, на добрососедство
вливаешь.

А искупаться в тебе в изнурительный
зной —

Станет душа удивительно свежей
и бодрой:

Ты принимаешь ее раздражительной,
злой,
А выпускаешь улыбчивой, чистой
и доброй.

Речка, завидую честной работе
твоей,
Ты ни истоков, ни устья от нас
не скрываешь.

Сколько ни брать из тебя, ты
не станешь скупей:
Пойшь, купаешь — по-прежнему
не убываешь.

Солнце над землей

Когда над миром солнце
поднимается,

Земля росой свежей умывается,
Земля прохладным ветром утирается,
А все цветы на солнышко глядят.

Мы, люди, чтим обычай стародавний:
Навстречу солнцу открываем ставни,
И те лучи, что в окна к нам

вливаются,
Пред нашим взором речку золотят.
Из речки воду мы берем для чая,
Картошку чистим, утро начиная,
Хозяин, гостя первого встречая,
С треногим круглым столиком идет...

Когда над миром солнце
поднимается,

Ему навстречу поле улыбается,
И мать, неслышно колыбель качая,
О солнце ясном первенцу поет.

Еще не всюду солнце заглянуло,
А все невесты нашего аула
Спешат умыться розовой зарей.

И ходит радость по большому кругу,
И солнце мы передаем друг другу,
Когда оно восходит над землей.

Перевел с адыгейского
Николай СКРЕБОВ.

Кадырбеч КУМПИЛОВ

Хорошо

Вздумает ли озеро без края
Сделать легкой чайкою меня!
А вершина, дальняя, седая, —
Сделать частью снежного огня!

Может быть, природа пожелает,
Чтобы рос я деревом в лесу!
Может, хочет мать-земля сырая,
Чтоб я лег зерном на полосу!

Хорошо и снегом с неба падать,
Только в тех краях, где
с детства рос.
Зернами в ладонях быть отрада,
Только б добрый человек их нес.

Перевел с адыгейского
Михаил ЛАПТЕВ.

Роза ПАРАНУК

Есть нежные руки, есть женские
руки,
Что помнятся в самой жестокой
разлуке.
Они прикоснутся — и вот миновали
И наши сомненья и наши печали...

Есть полные грусти, со взглядом
беспечным
Глаза, с затаенным в них жаром
сердечным.
И тихие, мудрые, знавшие счастье
Глаза, что лучатся теплом
и участием...

Рук нелюбимых — не привечай,
Глаз нелюбимых — не приручай.
Рук терпеливых, ласковых глаз
Не оставляй ни на день, ни на час.

Перевел с адыгейского
Игорь МАЗНИН.

Измаил ТЛЕПЦЕРШЕ

Поэты

В вечных раздумьях
Поэты живут.
В небо взлетают,
Спускаются в море,
Рано
Встречают рассветные
зори.

Солнце восходит —
С ним вместе встают.
В небо взлетают —
О небе поют,
В море спускаются —
Пишут о море.
Пишут для нас
О беде и о горе.
С песнями их
Наши дети растут.
Выйдут в поля
В предвесеннюю ширь —
Им колыбелью качается
мир.

Перевела с адыгейского
Светлана КАРПОВА.

ТВОЙ КОМСОМО

Александр ЖАРОВ

ОБРАЗЕЦ НОВОГО
КОМСОМОЛЬСКОГО БИЛЕТА.

В грозные дни 1918 года, когда создавался Коммунистический Союз Молодежи, у нас, тогдашних комсомольцев, еще не было единого документа. Каждая организация, начиная с ячейки, мастерила чаще всего на пишущей машинке свои образцы документов, удостоверяющих принадлежность юноши или девушки к комсомолу.

Помнится, в 1919 году в маленьком городке Можайске, где я был секретарем уездного комитета РКСМ, при помощи типографии местной газеты изготовлялись уже печатным способом «справки», удостоверения и даже «мандаты», чтобы засвидетельствовать: «предъявитель сего — член РКСМ».

Нам не дано имен,
Детям станков и околиц.
Имя мое — легион,
Имя мое — комсомолец.

Эти строки посвящал я несколько позже своим сверстникам, не без гордости «предъявлявшим», когда требовалось, разноцветные и разноликие комсомольские документы на фронтах гражданской войны и в тылу, который в то время нередко становился фронтом. Молодые люди с партийными билетами или комсомольскими удостоверениями шли в первых рядах борцов против белогвардейщины и кулацко-бандитских отрядов.

Но вот в конце 1922 года решением бюро ЦК РКСМ был введен единый билет члена Союза молодежи. Не справка, не удостоверение, не местный мандат, а настоящий билет — маленькая плотная розовая книжечка, единая в масштабах всей страны. Листки для отметки об уплате членских взносов прилагались к билету, и комсомольцы сами вклеивали их каждый месяц. А понятие «взнос» толковали не только в смысле денежном. Мне случалось встречать в 1920 году в прифронтовых госпиталях ребят, называвших свои ранения «комсомольскими взносами». Да, в фонд победы над врагами молодой Советской власти можно смело включить и тысячи комсомольских билетов, окрашенных кровью сыновей и дочерей Ленинского Союза молодежи. И сегодня этот документ остается свидетелем готовности молодых жить и трудиться во имя торжества бессмертного ленинского дела...

Помню, как организованно, торжественно проводили мы церемонию вручения комсомольских билетов новым членам. При этом обычно при-

существовал представитель партии, партийный руководитель предприятия или района, а в армии — комиссар. Так рождалась одна из прекрасных традиций революционной юности, заповали которой могли сказать о себе:

Порою осени безлиственной
В тот давний день
из душной тьмы
На берег большевистской
Юнцами выходили мы.
Для нас тогда
еще стремлением,
Видением, почти мечтой
Был новый мир, открытый
Лениным,
Мир многосложный и простой.

Большевистская истина состояла для комсомольцев в том, что новый мир во всем заманчивом величии открыт. Но его надо строить. Планы, мечты и замыслы надо претворять в жизнь. Эту задачу Владимир Ильич Ленин возложил на новые поколения людей. Выступая перед делегатами III съезда РКСМ, он сказал:

«То поколение, которому сейчас 15 лет, оно и увидит коммунистическое общество и само будет строить это общество. И оно должно знать, что вся задача его жизни есть строительство этого общества».

Ленин и Коммунистическая партия вооружили молодую гвардию строителей коммунизма творческим пониманием этой задачи, знанием и умением решать ее вместе со всем советским народом. Комсомольский билет при этом был как бы маленьким личным знаменем каждого, кто шел на фронт борьбы с голодом и разрухой, с отсталостью и неграмотностью, на фронт строительства первых колхозов и совхозов, новых заводов, фабрик, шахт, электростанций. Глубины большевистских истин постигались передовой молодежью в учении и в труде. И прежде всего там, где рождалось это новое, и там, где труднее.

В 1928 году в беседе с А. М. Горьким на вопрос Алексея Максимовича: «Что более всего удивило комсомольцев в речи Ленина на III съезде РКСМ?» — я ответил:

— То, что Ленин призвал нас тогда не барона Врангеля добывать, а учиться...

— Ленин знал, что Врангеля и без вас добыют те, кто постарше вас. А вам, юным, он открыл секрет победы в труде. Учиться, чтобы успешно трудиться... Учиться и для того, чтоб успешно защищать от врагов Республику труда! — сказал Горький.

Мудрость ленинского завета, подчеркнутая великим пролетарским писателем, раскрывалась мне позже и на строительстве Днепрогэса, и на бакинских нефтяных промыслах, и на стройке первых тракторных заводов, и на шахтах Донбасса — всюду, где довелось быть свидетелем трудовых подвигов парней и девушек с комсомольскими билетами. Имена молодых героев тех дней известны всей стране.

Легендарными стали и имена многих героев — комсомольцев, участников Великой Отечественной войны. Сегодняшний многомиллионный комсомол в дни празднования 30-летия нашей Победы над фашистской Германией вновь произнесет эти имена с гордостью и клятвенным обещанием быть достойным бессмертных подвигов отцов и старших братьев.

С новым призывом сегодня
Песня взлетает в зенит.
— Мы свой поход
продолжаем! —
Юность стране говорит.

Сегодня, когда успешно претворяется Программа мира, выдвинутая Коммунистической партией Советского Союза, комсомольцы там, где горят огни ударныхстроек, намеченных к пуску в девятой пятилетке. Готовится вступить в строй действующих автомобильный гигант на Каме — КамАЗ. Летом прошлого года я был там с бригадой ЦК ВЛКСМ и видел, как бурно растет молодой город Набережные Челны, продвигаясь к берегу, где на месте крохотной пристани возникает внушительный современный порт.

Старый городок тоже омолаживается, а за ним и новый город поднимается. Там и тут не в землянки и не в палатки, а в многоэтажные красавцы дома вселяются все новые обитатели, и большинство их — молодые люди с комсомольскими билетами.

Набережные Челны
Духом юности сильны!

«Дух юности» идет с пяти позиций. Я имею в виду пять громадных самостоятельных существующих предприятий, строящихся вокруг Набережных Челнов. При всей своей обособленности они образуют одно целое, могучий комплекс. Это и есть КамАЗ. Я заинтересовался: не бегут ли ребята с КамАЗа? «Ничего подобного!» — ответили мне. И в самом деле, попробуй убег от самого себя, охваченного азартом созидания! Разве можно уйти от невиданно могуществен-

ной красоты цехов Ремонтно-инструментального завода, РИЗа, первенца КамАЗа, где радуют глаз зеленые ряды умнейших станков, чистота и блеск помещений, где все говорит о заботливом внимании к рабочему человеку.

— Трудись за двоих, все равно не устанешь. А после работы умойся, освежись, и хоть бы что!

Эти слова услышал я от одного парня на РИЗе. Молодой парень, задорный! А на площадке, где строятся дома для таких парней, мне интересно было побеседовать с одним из почтенных наставников молодых, знаменитым бригадиром комплексной бригады Раисом Салаховым. Магнитка помнит это имя: еще там он оставал честь своего комсомольского билета. Теперь помогает делать это новому поколению.

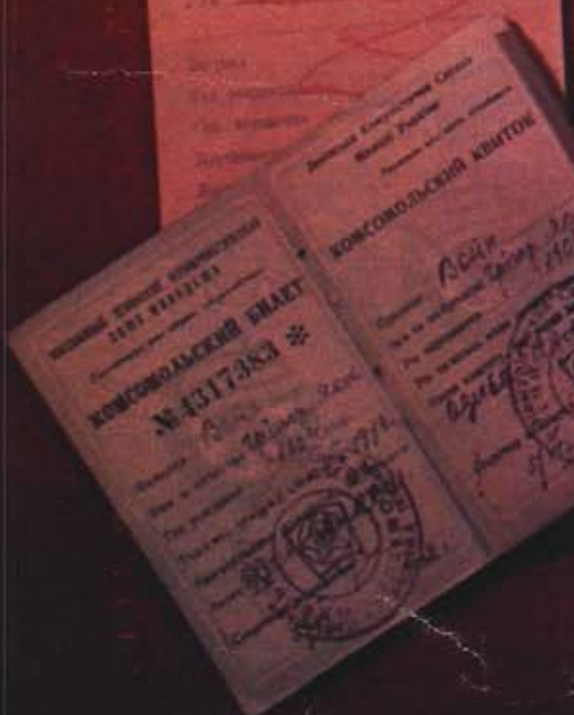
— У каждого поколения — своя Магнитка! — такими словами подвел Раис Салахов итог нашей беседы.

И мне вспомнились апрельские дни прошлого года, когда в торжественном зале Кремлевского Дворца съездов заседал XVII съезд ВЛКСМ. Среди принятых съездом важнейших решений, направленных на повышение роли комсомола в хозяйственной и культурной жизни страны, в выполнении заданий девятой пятилетки, было и решение о проведении в 1975—1976 годах обмена комсомольских документов. Думается, что эта важная организационно-партийная кампания станет своего рода смотрам комсомольских сил, строгой и всыкательной проверкой боевистости каждого члена Ленинского Союза молодежи.

И если уж говорить о делах, которыми в ходе обмена комсомольских документов юноши и девушки должны будут доказать свое право называться комсомольцами, нельзя не привести в пример молодых строителей Байкало-Амурской магистрали. Работа там только начата. А традиции героев прежних и нынешнихстроек продолжают. И можно с уверенностью сказать, что молодые ребята — строители БАМа, получив вскоре новые комсомольские билеты, с честью выдержат любые испытания и трудности.

Комсомольский билет —
документ драгоценный,
Отблеск чистого сердца в юной
груди...
Тот, кто носит его, должен
быть впереди —
На работе, в учебе, на службе
военной!

ЛЪСКИИ БИДЕТ

Что трудней — овладеть искусством снайпера или выработать в себе такое чувство долга, ответственности перед Родиной, что оно, это чувство, становится как бы второй натурой человека?

Росла в Запорожье девочка. Она стала комсомолкой, окончила школу, и ее приняли в трест «Запорожстрой» нарядчицей железнодорожного цеха. Все в ней было самое обыкновенное. В школе не отличница. В комсомольской организации не активист и не «штатный» оратор. В обращении с людьми скромная, порой даже застенчивая.

Отличалась ли она храбростью? Куда там! Она боялась темноты, не могла слышать про мертвецов.

Словом, ничего героического в этой девушке не было...

Началась война. С фронтов шли известия о тяжелых боях, героических поступках ее сверстников.

Пришло известие о подвиге Зои Космодемьянской — Тани. Вряд ли удастся передать здесь, насколько потряс взрослых и особенно молодежь очерк П. Лидова «Таня», опубликованный в «Правде».

Как только появился этот материал, в Центральный Комитет комсомола (где я тогда работал) и в редакцию «Правды» стало поступать много писем.

То, что случилось в этой подмосковной деревне, не воспринималось как отдельный факт. Это событие было символом борьбы света и тьмы, добра и зла, благородства и низости, ярким выражением любви к родной земле и веры в конечную победу.

Да, это была Зоя, московская школьница, которая в ночь с 21 на 22 июня до утра бродила с подругами по городу, пела, читала стихи и мечтала. Учебный год кончился, начиналась пора каникул — и так прекрасна была для девушек эта московская июньская ночь с ее ранним белым рассветом, с розовеющей полоской неба над Кремлем, с застывшей в неподвижности темной рекой, с безмолвными набережными, растянувшими по берегу свои серые каменные полотна. Девушки не знали о том, что на границах Родины мирная жизнь уже кончилась.

В аудиториях молодежи у меня иногда спрашивают: что сделала Зоя для победы над врагом? Эта девушка своей смертью помогла выиграть множество сражений. Боясь, измученная, шла она по холодному искрящемуся снегу и словно вела за собой тех, кто завтра станет героями.

Их было созвездие. Если они погибали, их факел подхватывали сотни и тысячи других рук.

Здесь печатаются письма снайпера Александры Шляховой. В них — почерк Зои, почерк молодого поколения сороковых годов. Под Москвой, между линиями Горьковской и Рязанской железных дорог, было местечко Вешняки (ныне это один из густонаселенных районов столицы). Отсюда можно легко протянуть нить к Петрицуеву. В 1942 году в Вешняках по инициативе Центрального Комитета комсомола создали женскую школу снайперов. Это была реакция на множество писем девушек, требовавших послать их на фронт. А письма были реакцией на героизм сражавшихся против гитлеризма. Правofланговым этих героев была Зоя.

Школу снайперов окончили 2 200 девушек, пришедших по путевкам комсомола. Большинство выпускниц поехали на фронт. В боях 129 девушек погибли, многие получили ранения. Двум девушкам-снайперам — Алие Магдадуловой и Тане Барамзиной — присвоено звание Героя Советского Союза.

Приведем лишь некоторые поразительные данные об участии комсомола в войне.

Всего на фронтах сражалось 80 процентов состава комсомольских организаций Москвы, 90 процентов — Ленинграда, более 75 процентов — Волгограда.

В конце войны каждый пятый воин был комсомольцем. Вместе с юношами сражались девушки. Только по мобилизации ЦК ВЛКСМ в ряды Действующей армии влились более четырехсот тысяч девушек.

Родина достойно оценила мужество и героизм молодых воинов. В Красной Армии и Военно-Морском Флоте было награждено орденами и медалями 3 миллиона 500 тысяч комсомольцев-воинов. Высшими наградами были отмечены 50 тысяч молодых партизан. Среди Героев Советского Союза 7 тысяч — комсомольцы и воспитанники комсомола.

Письма Александры Шляховой хранились в семье материю, Павлиной Дмитриевной. Они ясны и не требуют примечаний. Надо лишь сказать о том, что их писала девушка, которая, прежде чем стать снайпером, тренировала свою волю и разум, училась побеждать чувство страха. Школа, где учились Шура и Люба, располагалась за 6 километров от дома. На пути к ней было кладбище. Шура, которая боялась мертвецов, заставляла себя идти вечером в потемках через кладбище, чтобы встретить Любу.

Поразительно ее мироощущение. Девушка едет на фронт с каким-то восторженным чувством; оно рождено опять-таки сознанием высокого долга перед Родиной, перед которым все другое отступает на второй план.

С восторженным чувством горячей любви относится Шура и к своим родным и к подругам по фронту, школе.

Нельзя не сказать о письме Шуры школьникам — столько в нем неугасимого энтузиазма, веры в возможности человека. В нем страстный призыв к тому, чтобы быть настоящими комсомольцами.

А как прекрасны рассуждения Шуры о комсомольском коллективе! Ее письмо к сестре Любе обращено и к сегодняшним комсомольцам, к их лучшим чувствам.

Вот почему письма Шуры Шляховой представляются нам драгоценным человеческим документом, помогающим воссоздать в живых и очень искренних словах облик героя нашего времени.

Николай МИХАЙЛОВ

“ХОЧЕТСЯ С

Фронтальная переписка снайпера-комсомолки Шуры ШЛЯХОВОЙ

29 июля 43 г.

Здравствуй, милые, хорошие мамочка, папа, Василий Кузьмич и Любочка.

Шлю вам пламенный красноармейский привет и множество наилучших пожеланий. Пишу я вам не с дороги, а уже с того места, где мы остановились.

Проводили нас очень и очень хорошо. На станцию пришла вся школа под красным знаменем, с духовым оркестром. Но это еще не все. В Москве нам подали специально два вагона для погрузки. Возле вагонов нас встретил начальник Главного управления Всеобщего при НКО генерал-майор Пронин, а из ЦК ВЛКСМ товарищ Постников, который мне сам лично вручил боевое оружие. Было и много других почетных людей. В этот же день к нам приезжал известный писатель Ставский и долго с нами беседовал.

Любимые мои, хорошие, уезжая, каждый из нас почувствовал, сколько проявлено к нам заботы и теплого внимания и как много ждут от нас, девушек-выпускников первой женской Центральной снайперской школы. До самого места с нами ехала зам. нач. школы по политической части майор Никифорова. Очень добрая, хорошая женщина. Она о всех нас заботилась, чтобы все были сыты и вообще.

На больших остановках мы получали горячую пищу. А часто и так приобщались — варили кашу-концентрат в котелках в топке паровоза; при этом я вспоминала Запорожье и нашего папу-машиниста. По дороге покупали много малины и других ягод, так что обижаться на то, что нет фруктов, нельзя. Сейчас мы остановились в Торопце, в ста километрах от фронта. Что будет дальше, напишу в следующем письме. Майор ушла в город узнать место нашего расположения.

Мои хорошие, я постараюсь писать как можно чаще.

Передайте мой привет всем знакомым, товарищам, соседям.

Ваша Шашенька.

Действующая Красная Армия!
27 ноября 43 г.

Пишу, хоть и не получила еще я от вас весточки. Не хочу, чтоб вы лишней раз зря беспокоились. Чувствую себя бодро, весело, не унываю. Насчет теплого обмундирова-

ния прошу, милые мои, не беспокоиться. Одели нас очень хорошо, так что зимой мерзнуть не придется. Нам дали ватные костюмы, белые теплые шубы, шерстяные чулки, теплые варежки, шапки.

Сегодня приезжал к нам товарищ из политотдела, который привез две грамоты из ЦК ВЛКСМ. Одну вручили комсомольскому вожаку нашего подразделения, вторую — мне. Эту грамоту я постараюсь переслать вам, мои милые, для сбережения. Это будет большой документ моего участия в разгроме подлых фашистов.

Остаюсь, не забывающая вас Шашка.

5 декабря 43 г.

Здравствуй, миленькие мамочка, папочка, Любочка!

Прошло шесть дней, как я не писала вам. Это лишь только потому, что подлая фашистская мина немножко царапнула мне правую руку. Сейчас сижу в эвакуунке, и один из товарищей пишет под мой диктант эту весточку. Но через несколько дней я буду писать уже сама. Обо мне прошу не беспокоиться. Чувствую себя хорошо. Пока не пишите. Уезжаю в госпиталь.

Ваша Сашенька.

14 декабря 43 г.

Шлю вам своей госпитальной привет. Пишу как человек, впервые взявший в руки карандаш. Раны меня не беспокоят. Чувствую себя бодро. Здоровье отличное. Сама себе завидую, что такая крепкая. Мне очень и очень хорошо.

Не для хвастовства, а просто так сообщу вам, милые мои, что ваша Саша награждена орденом Красной Звезды.

Привет всем! Любящая вас Шашка.

27 декабря 43 г.

Уважаемая тов. Балясная! Пишу, чтобы успокоить Ваше материнское сердце. Хотя к этому времени вы, наверно, получили письмо от своей дочери.

30 ноября вашу Сашу ранило осколком мины в правую руку. Я сам фельдшер, и, когда Саша пришла к нам, я ее перевязывал. Она держалась молодцом. Потом ее отправили в медсанбат, где она и получила высокую правительственную награду — орден Красной Звезды. Мы все гордимся вашей дочерью. Она замечательный товарищ.

Все мы, ее товарищи-фронтовики, ценим дорогого товарища, вашу дочь, и ждем ее возвращения в строй. Сам я по званию лейтенант. На фронте с самого начала войны — медиком.

С горячим фронтовым приветом Г. Свинцов.

г. Оstashков.

24.00 с 31 на 1 января 1944 г.

Разрешите, милые мои, вас поздравить с 1944 годом и пожелать всем вам как можно скорее, и нам тоже, разгромить подлого врага. Новый год будет годом победы над фашизмом. Мы победили! Не было и не будет таких препятствий, которые наш великий русский народ не преодолевал. Мы никогда не станем рабами фашизма.

ДЕЛАТЬ ОЧЕНЬ МНОГО.

Обидно лишь только одно, что долго заживают мои раны и в такие жестокие бои я не на передовой, не рядом с моими подругами. Хочется как можно скорее встать в строй.

Привет всем товарищам. Поздравьте их от моего имени с Новым годом и пожелайте во всем счастья. Ваша Сашенька.

г. Осташков.

15 января 1944 года.

Милые мои, хорошие! Итак, я имею уже право сообщить о том, что раны зажили. Здоровье отличное. На днях уеду снова в свое подразделение громить подлого и гадкого врага, — вот все, в чем заключается мое большое счастье. Сегодня я сделала полную разборку своей боевой винтовки: почистила, смазала. Оружие и я в полной боевой готовности. Ждем приказа о выписке. Обо мне, мои милые, не беспокойтесь...

А. Шляхова

13 февраля 1944 г.

Милые мои, посылаю вам фотографию. Она должна сохраниться как память. На этом фото — лучшие мои товарищи, комсомольцы, мои военные наставники. Эти люди сделали очень много для Родины, для быстрого разгрома врага. Но с фашистами еще не покончено и работы еще немало.

Д. К. Армия

29 февраля 1944 г.

Здравствуй, милая Любочка! Получила твое письмо. Очень рада и благодарна. Письмо с вопросами, на которые придется ответить.

Первый твой вопрос — как я была ранена? Милая, учти, что о себе писать я не умею и вообще это, по моему, хвастовство. Но на этот раз я все же решила написать.

Первое декабря. Обычный зимний прибалтийский день. Рано утром мы вышли на свой снайперский пост, который находился на переднем крае нашей обороны. В этот день мы были втроем: Клава Прядко в двадцати метрах от меня справа. Соня Кутномаметова — слева.

В эти холодные декабрьские дни на некоторых участках фронта противник пытался прорвать нашу оборону. Но ему не удалось этого сделать. Врагу пришлось хлебнуть горячего кипятка — нашей милой «катюши». Фрицы даже не удержались на своих прежних оборонительных рубежах.

На нашем участке противник активно готовился к наступлению, доносился гул моторов танков, мотоциклов.

С шести часов утра и до трех часов дня Соня уничтожила трех фашистов, я — двух. Ровно в 16.30 противник начал обстреливать передний край нашей обороны из минометов. Много враги потратили мин, прежде чем попасть в наш траншею. Одна из мин разорвалась неподалеку от Сони. Мы с Клавой подумали, что Соня ранило или убило, и бросились к ней, но она уже сама бежала навстречу нам. Я успела отбежать от своего снайперского поста не больше чем на два метра, а Клава оста-

новилась именно возле моей позиции. Следующая мина попала на то место, где я лежала, третья — прямым попаданием в Клаву... Клава упала, а я только почувствовала какой-то сильный толчок в руку. Только Соня заметила, что меня ранило: из-под рукава моего полушубка показался ручеек крови. Я пошла к комзводу и комроты, рассказала о том, что случилось с Клавой... После всего этого отправилась в санзвод, меня там перевязали и отправили за несколько километров в санроту. Вместе со мной ранило и мою винтовку, но также не тяжело, она сейчас в строю вместе со мной. И в госпитале мы вместе с ней были. Теперь мы вместе метко бьем по гадким, подлым фашистам.

Д. К. Армия. 1 марта 1944 г.

Здравствуй, милая Любашка! Вчера я отправила тебе письмо, ответ на твой первый вопрос. Сегодня есть время, и я отвечаю тебе на остальные вопросы.

Итак, «сколько ты убила фашистов?». На это мне ответить легче всего, и притом вы на днях должны получить фотокарточку, на которой есть памятная надпись лично нач. политотдела Федора Яковлевича Лисицына. Он там есть на фото — в серой папаше и в шинели. Он мой наставник и старший, очень уважаемый мной товарищ. В общем, лично мной из моей снайперской винтовки убито пятьдесят пять фашистов. Пятьдесят пять из тех, кто топтал нашу священную советскую землю. Я заверяю вас всех, милые мои, что счет мой еще не закрыт.

Третий твой вопрос: «как ты получила орден?» — немного опоздал, теперь у меня уже не один орден, а два. Любашка, к сожалению, я не могу тебе подробно описать, как я участвовала в боях, и даже то, как я убила этих пятьдесят пять фашистов. Об этом я расскажу вам во время нашей скорой встречи.

Первый орден — орден Красной Звезды я получила за участие в ноябрьских боях. Учти, что в атаку снайпер не ходит, а только поддерживает атакующие подразделения своим огнем. В этих ноябрьских боях был уничтожен мной не один фашист... Бой был успешный. Поставленную боевую задачу подразделения выполняли. За эти бои много девушек было награждено орденами и медалями.

Второй орден — Боевого Красного Знамени — я получила за пятьдесят пять уничтоженных мной фашистов, за активное участие в наступательных боях и за комсомольско-политическую работу. Но, как я тебе уже писала, это еще не все. Враг еще не разбит. Работы для нас, для снайперов, очень много. Ибо мы хотим жить, в будущем жить счастливо, так же, как мы жили до нашествия немецких псов на нашу землю. Любашка, мне хочется сделать еще очень и очень много.

Любушка, ты пишешь, что многие комсомольцы, которыми ты руководишь, не всегда осознают свой долг, и среди них есть просто плохие люди. Запомни, в нашем великом государстве нет плохих людей, особенно

среди современной молодежи, а есть плохие организаторы. А плохие они не потому, что они не хотят быть хорошими, а потому, что для них самих не полностью понятен тот или иной общественный вопрос. В частности, это касается и тебя. Любашка, нельзя так просто подходить к такому большому, важному жизненному вопросу, как воспитание. Воспитывать, организовывать, направлять людей на правильный путь — это очень не просто. Думаю, что это труднее, чем убить несколько десятков, даже сотен фрицев. Надо, чтобы в тебя верили, а для этого требуется неустанно работать над собой. Не отчаивайся, если в твоей работе нет пока полного успеха, — помни, надо работать, работать без устали. И не бояться требовать помощи от старших товарищей.

И еще, Любушка, если ты переживаешь какую-то неудачу, об этом не должны знать твои комсомольцы. Потому что проявление слабости в работе может быть неправильно понято не совсем организованными комсомольцами.

Любушка, я тебя прошу в следующем письме сказать мне конкретно, кто является зачинщиком неорганизованности, плохой учебы и «пассивным» комсомольцем. Мы напишем им с фронта. Этим я могу помочь тебе в твоей работе.

Д. К. Армия

2 марта 1944 г.

Здравствуй, дорогие ребята!

На днях я получила письмо из вашей школы, из которого узнала про вашу неуспеваемость, плохое участие в общественной работе, о вашей неорганизованности. И все эти неприятные новости меня, как фронтовика, очень огорчили, поэтому решила написать вам письмо. У нас далеко не так, как у вас. Если бы наша могучая Красная Армия была немцев так же плохо, как вы учитесь, то не добиться нам никакой победы над коварным врагом. А вы вот не чувствуете полной ответственности, которая ложится на вас в эти суровые дни.

Почему у вас плохая успеваемость? Почему вы, молодые патриоты, не хотите бить фашистов своей отличной учебой? Не хватает вам силы, воли, упорства, настойчивости? Нет, этого не может быть. Я не поверю, что вы не можете быть отличниками учебы.

Думаю, что в следующем письме, которое вы напишете нам сами, вы сообщите об отличных результатах в вашей учебе, об активном участии в общественной работе и о том, что теперь у вас настоящая школьная, военная дисциплина.

Хочу познакомить вас с нашими боевыми девушками-снайперами. Их у нас немало. Все они молодые, но уже много сделали для разгрома врага. Все девушки нашей группы награждены орденами и медалями, большинство из них — дважды. Лида Онянова уничтожила уже 73 немцев, Люба Макарова на своем боевом счету имеет 62 убитых фашиста, Нина Лобковская — 52, Клава Маринкина сразила 58 гадов.

Я хочу, чтобы ваша отличная учеба сочеталась с героическими победами бойцов нашей могучей Красной Армии.

Боевой, горячий привет вам от всей нашей группы девушек-снайперов.

Комсоргу товарищу Балаяной зачитать это письмо на общешкольном собрании и сделать соответствующий вывод.

Комсорг А. Шляхова

25 декабря 44 г.

Здравствуй, многоуважаемые Кузьма Пантелеймонович и Павлина Дмитриевна!

Пишет это письмо один из командиров соединения, в котором служила ваша дочь Александра Шляхова. Саша Шляхова для меня была и останется самым близким и преданным товарищем боевых будней борьбы с немецкими захватчиками. За прожитые мною 24 года я ни разу не встречал такого верного и сердечного друга, мужественного и отважного боевого товарища.

Роковая случайность вырвала из наших рядов неординарного друга и бойца. Я ее воспитывал, помогал ей изо всех сил. Все радовались ее боевым успехам. И вот не убергли. Трудно вспоминать, как все нелепо получилось, но война не считается ни с чем.

За годы войны я привык ко всему. Сколько раз приходилось прощаться с лучшими друзьями на поле боя, но проститься с Сашей было очень трудно. Когда-нибудь я буду у вас и все расскажу подробно. А после войны поедем к ней вместе с Вами.

Пусть память о нашей героине вдохновляет нас на новые подвиги. Помните, у вас много хороших друзей, которые отомстят за Сашу и которые никогда вас не оставят в беде. С глубоким уважением капитан Гринченко.

28 февраля 45 г.

Здравствуй, дорогие мои Павлина Дмитриевна и Люба!

Получил ваше письмо, где вы сообщаете мне о смерти моего фронтowego товарища и друга Саши Шляховой.

Я, конечно, не сравниваю свои личные переживания с Вашими, Павлина Дмитриевна. Ничто несравнимо с любовью матери, но поверьте, что эта весть чрезвычайно тяжела для меня. Мы были очень хорошими друзьями, и за моральную поддержку, совет и ласку Сашину я любил ее. Да, любил искренним чувством юности. Теперь об этом сокровенном чувстве можно сказать Вам.

Я безумно переживал ее первое ранение, которое было на глазах у меня. Я только тогда понял, как дорога она для меня. Мы встретились через два месяца — я уезжал, раненый, она в этот день пришла из госпиталя. Затем я, будучи в госпитале в г. Невеле, решил навестить ее. Но судьба и тут сыграла шутку. Я пришел в ту минуту, когда она уезжала, и мы не смогли обменяться даже несколькими словами.

С тех пор я не видел ее. Я был бы очень счастлив, если бы

ОЧЕРТВАНИИЯ СВЕРДЦА

Михаил ЧВАНОВ,
Лев ШЕРСТЕННИКОВ [фото]

ЛИЦО НЕФТЕХИМИИ.

Я родился на северо-востоке Башкирии, на светлой и быстрой речке Юрюзани. Я больше нигде не видел таких прозрачных и тихо-звонких рассветов, такой мягкой синевы, когда проснешься и вдруг замрешь от ощущения, что ты проспал что-то очень важное, а может, даже главное в своей жизни. Кромка невысоких гор томится золотистым ликующим светом, и хочется вскочить и побежать за эти сверкающие зубцы, чтобы узнать, что за страна лежит за ними.

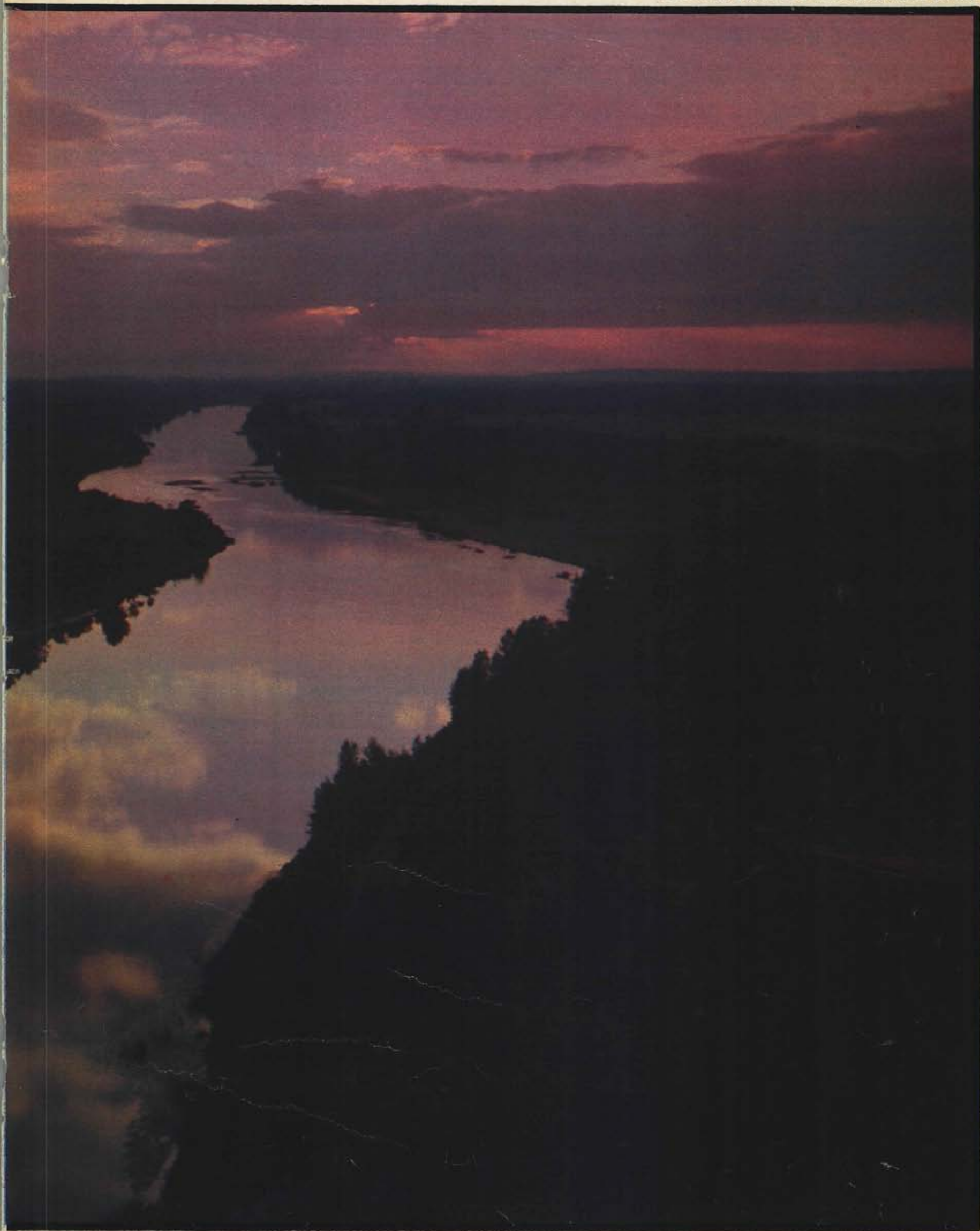
А может, мне это просто казалось! Ведь на родине, тем более в детстве, все кажется особенным, а на самом деле рассветы над нашей тихой стороной самые что ни на есть обыкновенные! Этот вопрос меня мучил постоянно. И вот через много лет дорога ненадолго занесла меня в родные места. На железнодорожной станции посреди привокзальной площади, дожидаясь пассажиров, дремал на солнышке маленький жучок-автобус: большие пока не могут пробиться из-за весенней распутицы.

Таяло по-настоящему только второй день. Дымные поля пестрели большими лоскутами снега, а северные склоны гор были еще совсем белыми. Но жаворонки уже ликовали над умирающими снегами, и звон их перекликался со звоном торжествующих ручьев.

Слева мелькнул дорожный указатель.

ЛЕСНАЯ ПАСЕКА.

тель: «Деревня Алькино». Самая что ни на есть обыкновенная деревня. Но за ней, на взгорье, в березовых перелесках, где рассветы особенно томительны и светлы, лежит еще одна маленькая деревенька — Юлаево. Рядом с ней была некогда деревня Тикеево, в которой родился один из самых выдающихся сподвижников Емельяна Пугачева, национальный герой башкирского народа, поэт и воин Салават Юлаев.

...Дорога выскочила на пригорок, и впереди, внизу открылся Малояз — село, в котором я рос. Стояли когда-то на берегу Юрюзани недалеко друг от друга два села: башкирское — Старо-Каратаулы и русское — Старо-Михайловка. В стороне от них было еще одно село, татарское — Малояз. В конце тридцатых годов Малояз почти полностью сгорел от пожара. Погорельцы поселились между Старо-Каратаулами и Старо-Михайловкой. Со временем все три села срослись в одно. Так возник нынешний районный центр Салаватского района — Малояз.

Центральную улицу Малояза рядом с мостом через маленькую речку Шердяку пересекал шумный поток. Подпруженный, словно плотной, шоссеподобной дорогой, он каскадом сваливался с нее и тихим веером разливался по улицам. Небольшой ручей перебирался через дорогу и по другую сторону моста, а сам мост стоял посередине, и было под ним совсем сухо. Видеть это было очень странно, хотя объяснение самое простое: в суровую зиму речки не только промерзли до дна, но и покрылись сверху толстыми горбами льда — вот талые воды и бросились в Юрюзань помимо русел, как попали.

Сверху наплывали небольшие льдины. Осторожно перебирались через дорогу и терлись о заборы и бревенчатые бока домов. На больших реках нет таких льдин. Тонкие, игольчатые, изъеденные водой, они похожи на сказочные города. Их можно рассматривать без конца: хрустальные готические замки, маленькие светлые площадки, прозрачные арки, невесомость северных церквушек без бога — какое-то невероятное сочетание всех существующих на земле архитектурных стилей. И еще какая-то архитектура непостижимо совершенства: предельно простая и строгая, легкая, полная света. Архитектура, которой нет названия, потому что ее еще нет у людей. Возможно, такими станут города будущего.

Одна из главных достопримечательностей Малояза — гора Сосновка на противоположном берегу Юрюзани. Само название говорит о том, что покрыта она светлым бором. Рябинники на полянах, тетеревиные тока, веселые пестрые дятлы, мшистые студенные родники. Из ржавых скальных разломов, как и на горячей горе Янган-тау, лежащей отсюда напрямик километрах в пятнадцать, струится теплый пар. В детстве, нализавшись по лесу на лыжах, мы приходили сюда греть руки.

Известный путешественник Паллас в 1770 году писал о Янган-тау: «Из открытых трещин поднимается беспрестанно тонкий, против солнца дрожащий жаркий пар, к которому рукой прикоснуться невозможно: брошенные же туда березовая кора или сухие щепки в одну минуту пламенем загораются...» Теперь, через 200 лет, гора уж не так горяча, но тепла ее вполне хватает для широко известного и единственного в своем роде курорта, где лечат природными сухими и влажными паровыми ваннами.

Снег умирает прямо на глазах. За день побурела вчера еще совсем белая кочковатая луговина за Малоязом перед Сосновкой. Скоро сойдет с нее вода, но еще долго, словно глаза, полные слез, будут смотреть

в небо солдатские окопы. В 1919 году с тяжелыми боями из Малояза выбивала колчаковцев красная дивизия Эйхе.

Висячий мост связывает Малояз с деревней Калмакларово. За этой деревней на пологой лесистой горе, прямо рядом с дорогой, зияет темной пещера-провал. Гора эта через несколько километров береговых перелесков красной скалой обрывается в Юрюзань. Под скалой в ущелье ревет водопадом речушка Нися. Нися в этом месте и Юрюзань выше ее впадения — своеобразные границы, по другую сторону их Челябинская область.

...Вдруг какой-то приглушенный звук, похожий на далекий пушечный выстрел. Удивленно прислушался. Еще.

Может быть, это водопад на Нисе! Вроде бы нет.

Наконец догадался: тронулся лед. По ржавому каменистому склону торпливо поднялся на скалу. Внизу стремительно проносились льдины, иногда налетали друг на друга, на торчащие из воды каменные глыбы, когда-то отвалившиеся от скалы, и с большим опозданием долетал до меня странный звук, похожий на приглушенный вздох.

Ночью, оглохнув от тишины, вышел из крошечной деревянной гостиницы под низкие, словно шуршащие звезды — и шептали что-то, и бормотали, и плакали, и смеялись ручьи. Даже во сне до самого утра шумели потоки воды.

Утро было чистым и звонким. Как в детстве, проснулся с чувством, что что-то проспал, может, самое главное в жизни. Я уже успел смириться, что все здесь по сравнению с детством маленькое и скромное, но, как ни странно, небо было все тем же — огромным, сияющим и томительно зовущим за горизонт. На самом деле за все эти годы я нигде больше не видел такого необыкновенного неба!

Юрюзань бежит на северо-запад и впадает в Уфу, или Карандель (Черная река), как называют ее башкиры. Карандель — приток Белой, о которой Максим Горький писал: «Там, на Белой, места такой красоты, ахнешь, сто раз ахнешь». В старину ее ласково называли Белой Воложкой, и впадает она в Каму, чтобы вместе с той нести прозрачные уральские струи в великую Волгу.

На месте слияния Уфы и Белой, в самом центре республики, очертания которой на карте страны, кстати, похожи на сердце, на высоких холмах, на своеобразном речном полуострове стоит город Уфа, столица Башкирии. Почти миллионный город отпраздновал свое 400-летие. В Уфе родился писатель С. Т. Аксаков (если по улице Гафури мимо телецентра выйти на высокий берег Белой к памятнику Салавату Юлаеву, то внизу среди зелени лесов увидите задумчивую ленту речки Демы, так любимой им и известной по его книгам) и художник М. В. Нестеров (в картинной галерее города самое большое собрание его картин). По Белой тайком от родственников на дырявой плоскодонке отправился в «дальние страны» и был жестоко порот за это будущий великий полярник В. И. Альбанов.

Можно бы назвать несколько десятков крупных промышленных предприятий Уфы, но назову только моторостроительный завод, с конвейера которого сходят моторы для «Москвичей», и два нефтеперерабатывающих завода. На башкирской нефти поднимались в воздух самолеты и шли в бой под Прохоровкой знаменитые «тридцать четверки» Великой Отечественной. Немалая заслуга уфимских нефтезаводов в том, что по переработке нефти Башкирия занимает одно из первых мест в Союзе. И артерии нефтепроводов

соединяют Уфу с десятками месторождений, которые находятся в основном в западной части республики. Нефть дала жизнь многим ее городам: Ишимбаю, Туймазам, Октябрьскому, Нефтекамску.

Первый фонтан башкирской нефти, предсказанной академиком И. М. Губкиным, ударил 12 мая 1932 года из скважины, пробуренной геологом А. Блохиным, у деревни Ишимбаево, которая стала большим городом. Эта скважина, ее теперь ласково зовут «бабушкой» — родоначальница «Второго Баку», огромного нефтепромыслового района между Волгой и Уралом, — работает и по сей день в окружении сотен других скважин, которые все вместе дают стране ежегодно в среднем по 40 миллионов тонн нефти. А каждый год геологи открывают все новые и новые месторождения, их уже более 140, кроме того, 7 месторождений газа. Нефтяные вышки шагают по республике все дальше на восток, перебираются через Уральский кряж.

Более крупные нефтепроводы — магистральные — уходят далеко за пределы республики. Своими живительными отростками они обвивают почти всю страну. Из Омска на нефтеперерабатывающие заводы Уфы идет нефть Сибири. Через республику проходит трасса нефтепровода «Дружба», по которому «черная кровь» Башкирии поступает в страны социалистического содружества.

Но Башкирия не одни нефтяные вышки. Башкирия — крупнейший в Российской Федерации производитель сельскохозяйственной продукции, особенно известен башкирский мед, завоевавший золотые медали на всемирных выставках в Париже, Эрфурте и на XXIII Международном конгрессе по пчеловодству в Москве (собирают этот мед знаменитые башкирские пчелы, пасеки которых расположены в основном в лесистых складках предгорий Башкирского Урала).

Башкирский Урал. Я прошел его вдоль и поперек. Летом — согнувшись под тяжестью рюкзака. На лыжах звонким мартом много дней шел по его хребтам, пряча глаза от солнца под защитными очками, спал в снегу, у таежного костра, замирал в неожиданности от блеснувших между пихтовых лап рысьих глаз и поднимался на его главную вершину, гору Яман-тау.

Здесь, в нагромождении хребтов, начинаются почти все реки Башкирии: Юрюзань, Ай, Инзер, Белая, Урал. Как-то в одном из распадков наткнулся на выбивающийся из-под коряги ручей. Через десяток метров он раздваивался. Один рукав, получив название Малого Симка, убегает на восток, другой, став Бедярышкой, — на запад. Через несколько сотен километров воды этих ручьев встретятся: впадая во все большие и большие речки, они вольются в Белую. Раньше здесь было довольно-таки малоплодородно, не считая охотников, лесорубов да изыскателей, которые забирались сюда в поисках наиболее оптимального варианта трассы прокладываемой ныне железной дороги Белорецк — Чишмы, стройка которой объявлена Всесоюзной ударной комсомольской. Но с каждым годом — зимой и летом — в районе Яман-тау все больше туристов: москвичей, ленинградцев, ростовчан, одесситов... Молва о красоте Башкирского Урала расходит по стране все более широкими кругами. Как все больше становится туристов и в скалистых и изъеденных пещерами верховьях Белой, где организован Всесоюзный туристский маршрут...

Недалеко от Яман-тау, на реке Белой, лежит старинный город Белорецк, город металлургов и развивающегося горнолыжного спорта. Стальная проволока и канаты Бело-

река толщиной от нескольких метров до полуметра известны всему миру. В Белорецке делают пружины для знаменитых швейцарских часов. Из окруженного белыми войсками Белорецка начинала свой легендарный рейд по Башкирскому Уралу партизанская армия Блюхера. В старинном селе Каге я слушал рассказ одного из старожилов о, может быть, единственной в своем роде в истории военного искусства сабельной атаке: прикрывающий отход партизанской армии кавалерийский отряд, измотанный многодневными и тяжелыми боями с наседающими белыми, у деревни Каги наконец выбрал момент для отдыха. Только бойцы забралась в воду, как на опушке леса появились белые. Тревожно зазвенела труба, и через несколько секунд лавина голых всадников с саблями наголо обрушилась на наступающие белые цепи, смяла их и обратила в бегство. В Белорецке отдельным батальоном особого назначения в 1921 году командовал Аркадий Гайдар. Любопытно, что в анке-

ЗНАЙ СВОЙ КРАЙ.

те — личной регистрационной карточке лиц командного и административно-хозяйственного состава Красной Армии — на вопрос, какую губернию он желал бы избрать постоянным местом жительства, он ответил: «Башкирскую республику».

Я много раз спускался вниз по горной Белой — на плотках, на лодках — и до сих пор к этим местам не могу привыкнуть. Мои друзья из Литвы, которых трудно чем-то удивить, потому что походили по свету еще больше, чем я, увидев однажды горную Белую, навсегда привязались к ней.

Почему я так люблю эти места! Дело, наверно, не только в их красоте. В составе спелеологических экспедиций я здесь проникал в числе первых в до сих пор никому не известные залы знаменитой Каповой пещеры. В десятый, сотый раз в молчании стоял в одном из залов перед рисунками человека эпохи палеолита. До последнего времени рисунки тридцатитысячелетней давности находили только в Пиренеях (Франция и

Испания). Это послужило основанием для утверждений об исключительной роли населения Юго-Западной Европы в развитии древнейшего искусства. Находка рисунков древнего человека в Каповой пещере в Башкирии сотрудником Башкирского государственного заповедника А. В. Рюминым в 1959 году начисто опровергла эти утверждения.

Может быть, верховья Белой мне дороги потому, что здесь в числе первоисследователей я шагнул за 130-метровый обрыв крупнейшей пещерной системы Урала — пропасти Кутук-Сумган с ее необыкновенными подземными залами, озерами, сталактитами и сталагмитами, и капроновая веревка, которой мы связывались, уходя под землю, была для нас не просто веревкой: словно артерия, бьющая горячей кровью, она связывала нас в единый ступок нервов и воли. Плавали по подземным рекам на резиновых лодках, по несколько суток жили в крошечной тьме и когда наконец выходили на землю, она становилась для нас еще пре-

красней. В ней как бы таились загадки. Об одной из них интересно рассказывал доктор геолого-минералогических наук А. П. Рождественский.

Для всей планеты характерны движения земной коры. Если в одних районах земного шара наблюдается поднятие территории, то в других — относительное опускание. Что касается Башкирии, то для нее сейчас характерно повсеместное относительное поднятие. Происходит это неравномерно, на одних участках — с большей скоростью, на других — с меньшей. Например, если в районе так называемого Камско-Бельского понижения, то есть там, где Белая впадает в Каму, максимальная скорость поднятия составляет всего 0,8 миллиметра в год, то в районе Миньяра — 4,9, Вязовой — 5,9 миллиметра: чем ближе к оси Уральских гор, тем больше скорость поднятия. Мы, жители Башкирии, являемся свидетелями современного горообразования...

Башкирия лежит в Европе. Но большая часть ее — за Уральским

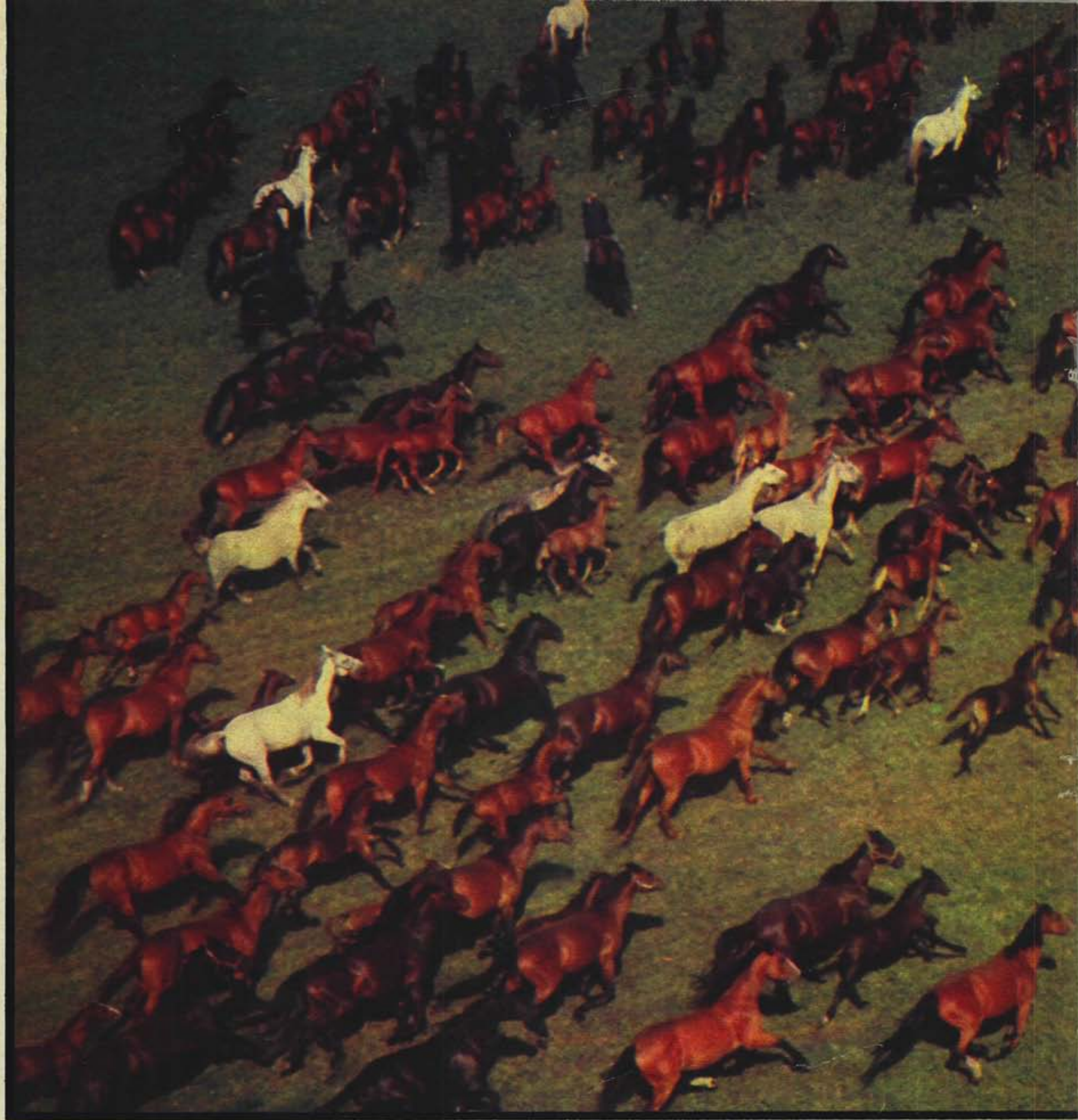
кряжем, за рекой Уралом, в Азии.

Невелики башкирские деревни здешних мест: Мулдакаево, Калкан, Тунгатарово, Наурузово, Сафарово, — но известны они далеко за пределами нашей страны. Потому что по именам деревень названы месторождения и разновидности красивейших в мире яшм, изделия из которых можно увидеть в музеях Москвы, Ленинграда, Парижа, Монреаля, Лондона...

В Башкирском Зауралье добывают золото. А вдоль границы между Европой и Азией, с севера на юг широкой полосой уходя далеко в Оренбургские степи, тянутся богатейшие месторождения медных руд. На их основе работают медно-серные комбинаты еще двух наших городов — Учалов и Сибая.

...Почти у каждого из нас есть своя заветная сторона, где ты, может быть, никогда не был, но, как и на родине, знаешь каждую тропинку, каждый ручеек, спрятавшийся в тени кустов. У одних это Михайловское, у других — Таруса, у третьих — Ки-нешма...

Я бы везде хотел быть, но в юности больше всего стремился на Рязанщину. Я никогда ее не видел, но своей любовью к ней обязан Есенину, а потом Паустовскому.

Каждый год собирался туда поехать — и непременно в сентябре. Даже знал, как это будет: я сойду на каком-нибудь тихом полустанке, заброшу за спину рюкзак и пойду березовыми лесами, вслушиваясь в шорох жухлой травы. Буду всматриваться в холодную воду стариц, пахнущую тиной, и спать в ворохах листьев или стогах сена.

Но каждый раз мне что-нибудь да мешало поехать в Рязань. Однажды совсем было собрался, уже купил билет на поезд, но вместо Рязани пришлось поехать на уборочную в Ме-

четлинский район, на крайний северо-восток Башкирии. Там я попал в Теляшево, ничем не примечательную деревеньку, затерянную в березовых перелесках.

Приехал в Теляшево хмурым, холодным утром, сырой ветер свистел в полях и заставлял зябко ежиться. Уже целую неделю не переставая шли дожди: дома и заборы потемнели от воды, ворота разбухли и с трудом открывались, глинистая почва полупудовыми ошметками прилипала к сапогам, и единственная улица Теляшева была пустынной. Я прошел по ней из конца в конец; всегда бдительные деревенские псы, и те прятались по заветным сухим углам.

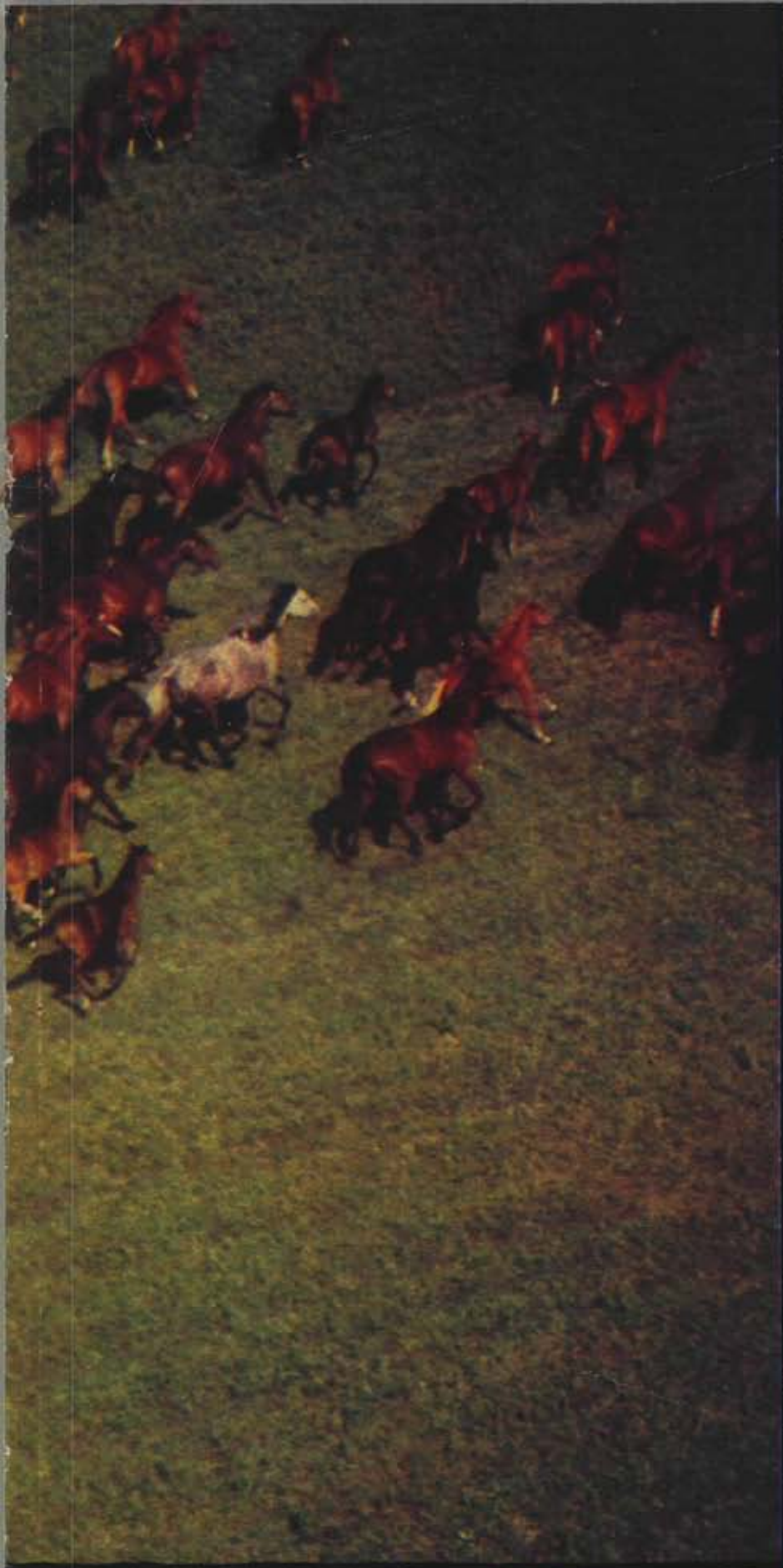
Но даже в эту промозглую пору в

природе было какое-то очарование, смутное и неуютное. Я вышел за околицу в шумные стайки берез. Холодные брызги освежали лицо, низко бегущее небо почти касалось деревьев, они шумели и тянулись вслед облакам. Казалось, сама деревня плывет по желтым березовым волнам к какому-то неведомому причалу, рассекая тупым носом-мельницей заросли седой полыни у пруда. На полянах мокрыми, холодными коврами полахали кусты рябины, а на горизонте не гасла теплая полоска лимонного света. Заброшенная дорога в густом дубняке. Вершины деревьев почти смыкаются над ней. Солнце — прямо на дороге, как в трубе. Листья под ногами — огненно-желтые на огненно-зеленой траве. Их жалко топтать, хо-

чется собрать их в кучу, как неосторожно рассыпанные кусочки большого грустного счастья.

Начинает темнеть. Солнце завалилось за холмы. Сумеречная поляна. Шалаш. Подхожу, от него лениво взлетает тетерев. Широкий топчан на березовых чурбаках, устланный сеном. Из шалаша видны сжатые пшеничные поля и лошади, пасущиеся на межах. Густой звон ботала надолго повисает в прохладном полумраке.

С севера потянуло холодом. Краски каждую секунду меняются и вянут. Не успеешь замереть от удивления, как все уже стало другим. Это немного похоже на только что потухший костер. Угли уже покрылись пеплом, но дунет слабый ветер, и на мгновение они засветятся вновь. Так и

реди неясно слышен шум деревни: мычание коров, гогот гусей, лай собак. Запахло дымом и парным молоком. И мне начинает казаться, что сейчас я выйду не к башкирской деревне Теляшево, а к рязанскому селу Константиново или к Спас-Клепикам. И мне казалось, что никакой Рязани и не существует и писал Есенин совсем не о ней, а об этих вот мечетлинских перелесках, об этих кобылах, ржущих в синюю стынь, о разбойничьем пошвисте башкирских ветров, о золоте здешних полей.

А потом я узнал, что во всем этом есть доля правды. Оказалось, что прообразами знаменитых есенинских «Писем» — от матери и к матери — послужили не только мать самого Есенина и рязанское село Константиново, но и в какой-то степени мать-крестьянка из башкирских степей и деревня Воровка, затерявшаяся в этих степях:

в Башкирии родился близкий друг Есенина, поэт и красный комиссар Василий Наседкин, рассказ которого Есенину о своей матери и стихи, посвященные ей, послужили толчком к написанию великих строк.

...Но, присмотревшись, видишь: это все-таки не Рязань. Это Башкирия, не менее прекрасная и величественная. И не так уж в них много похожего. Просто Есенин в своих стихах смог выразить то великое общее, что до слез трогает нас в природе любого уголка нашей огромной страны.

Каждая земля прекрасна по-своему. Нет плохих земель. Только есть земли счастливые, которые нашли своего большого художника, и земли, которые еще ждут своего открытия. Мы же зачастую просто не замечаем щедро рассыпанные вокруг нас богатства.

тут: мелькнет меж ветвей неожиданно отраженный луч солнца, и листья оживут... Отсюда не хочется уходить.

Сапоги намокли от обильной росы. Тропа, сырая и узкая, петляет меж голубых осиновых стволов. Листья в сумраке потеряли свой цвет, стали бурными и шуршат совсем тихо, еле слышно. Они о чем-то мне напоминают, где-то я уже видел эту дорогу...

И вдруг я понял, что «видел» все это в Рязани, в которой никогда не был. Все, о чем мне рассказал о ней в своих стихах Есенин, я увидел здесь. Та же стынь перелесков, хмурое небо, шорох падающей листвы, пошвист ветра в желтых полях и светлая полоска неба на горизонте.

Спускаюсь по тропе все ниже. Вле-

ГЛОТОК БОГАТЫРСКОГО НАПИТКА.

ДЕНЬ ДОГОРАЕТ.

ДЕРЕВЯННОЕ КРУЖЕВО.

Валентин КНАПП

ПРАВО

Как вместить в слова то противоречивое, сложное, что зовется сегодня бухтой Врангеля, Восточным Портом?

Первое впечатление. Морской трамвай ткнулся своими покрывками-кранцами в борт полузатонувшей баржи, временного причала стройки. Теплоход «Приморье», бывший некогда символом уюта и комфорта для жителей всего побережья Приморья, теперь привязан к берегу двухдюймовыми канатами. Он сразу как-то потускнел, стал приходить в запустение, хотя еще исправно несутся вахты и капитан сверкает белым воротом сорочки и золотом нашивок. «Приморье» — общежитие временное, но довольно еще удобное прибежище для тех, кто рискнул своим житейским благополучием и отправился с запада страны в неизведанную даль. На теплоходе отопление, горячая вода, в бывшей его кают-компании вечерами напролет гремит телевизор.

Еще не развернувшись во всю свою запланированную многомиллионную мощь стройка, а уже молва о ней пошла гулять по стране. И строились с насиженных мест рабочие и колхозники, вчерашние солдаты и школьники, потянулись в тихую бухту Врангеля...

Первой, самой первой моей встречей со стройкой была планерка у начальника ПСМО-18 на корме судна, в крохотном его лазарете. И, не буду скрывать, показалось совершенно диким, совершенно нелепым, что разговор идет не об инженерных проблемах крупнейшего в стране порта, о котором лет пять назад мы не могли и помыслить, а о каком-то растворе и мусоросборниках.

— Сколько раствора потребуется вам завтра? — пытал начальника пятого участка Тарана начальник плавотряда Глушко.

- Машины три...
 - А точнее?
 - Надо прикинуть...
 - Плохо, что еще надо прикидывать.
- Стыдно Тарану. Круглое, почти юношеское его лицо заливают румянцем.
- Мусоросборники установили?
 - Нет, но...
 - Могли?..

Понимаешь, очень трудно начиналась стройка. Прошло уже пять месяцев, но не было технического проекта, хронически запаздывала документация. Фундамент материального склада перекладывали трижды: авторитет проектировщиков незыблем, а проектировщики забыли предусмотреть ворота. Фундаменты жилых домов закладывали на свой страх и риск, не зная еще внутренней планировки этажей. И установка мусоросборников для столовой (здесь — мелочь) выросла вдруг в жгучую проблему. Дело, конечно, в самом стиле работы, и Глушко, распаяясь благородным нетерпением, мордовал почем зря молодого начальника участка, не установившего вовремя мусоросборник.

Опоздал на планерку начальник второго участка Соломаха. Большой, сильный, он, как мальчишка, оправдывается: приехал представитель заказчика, задержал...

— Планерка — время святое, — рубит Глушко. — Не прийти на нее причин у вас не было. — Последние слова он словно выделяет курсивом. — А как с календарным планом?

— Закрутились. — Соломаха опускает голову. — Наверное, мне надо объявить выговор...

— Запишите, — кивает секретарю Глушко. — Старшему прорабу Соломахе за невыполнение распоряжения объявить выговор...

Где сейчас Таран? Где Соломаха? Нет ни Тарана, ни Соломахи. Великое множество людей прошло через стройку...

Были искатели, романтики, были путешественники, были неприкаянные души — без корысти ехали сюда они, в далекий угол нашей страны, в совсем еще не обжитый и неустроенный край, и работали, насколько хватало умения и сил. И в срок сдали первый причал пор-

та. Я был на торжестве по этому случаю и видел, какой радостью светились лица...

Это было маленькое чудо — одетый в серый бетон кусок берега, с подкрановыми путями и громадами-кранами, с игрушкой-лесовозом у стенки.

Отчетливо помнится ощущение всеобщей душевной близости, какое бывает в больших семьях, членов которых судьба раскидала по всему свету; но вот собрались по важному для всех случаю и вдруг почувствовали, как сильно связавшие их узы. Так было в этот день. Мы — и те, кто строил, и те, кто писал, и те, кто «курировал» стройку, — все мы плотно стояли перед трибуной во время речей и с энтузиазмом бежали смотреть, как забивают последний, «серебряный» костыль и как разрезают ленточку перед первым тепловозом. И все были свои, близкие, родные.

Они все были разные — я-то точно знал, какие они были разные. Тех, кто приехал в памятный первый год, остались считанные единицы. Около половины было врангельцев, «второго призыва» и половина — почти новичков, начинавших в семьдесят третьем. Но для всех в равной, наверное, мере эта огромная бетонная площадь была сейчас их детищем, их настоящей радостью. Пусть инстинктивные масштабы сделанного, думалось тогда, обозначатся еще не скоро, через несколько лет, когда на берегу составленная из нескольких таких площадей протянется уже линия причалов, пусть сегодня ты едва успел вложить в дело только один кирпич — это неважно, а важно то, что это — твое, кровное. И они, улыбаясь, говорили друг другу: «Выстроили!» А некоторые думали про себя: «Выстояли!»

А сегодня над соседним уже действующим причалом заземлены красно-бело-зеленые пневмопровода технологической цепи, монтируются конвейеры. Линия шпунта уже уперлась в самый конец бухты, туда, где у мелководья, в осоке, зазывно пели когда-то лягушки. А с того берега бухты шагнули в воду первые свай-оболочки будущего угольного пирса. Стройка обживалась вдруг во всей своей значительности.

Большая стройка. А началась она из беспорядка, из хаоса — из ничего. Впрочем, было еще и место, правда, пустое. И вот на это место приходят люди и машины. И начинает расти стройка, и начинает расти коллектив. Нет, скорее, наоборот, сначала растет коллектив, а уж потом начинается настоящая большая стройка. Я расскажу об этом с самого начала, и станет ясно, как все это не просто.

Города строятся из кирпича. Из стеновых панелей. Из блоков. В зависимости от характера строительной базы, от технологии. Но в любом случае и кирпич, и панели, и блоки должны быть стандартны.

А люди — нестандартны. Строить из них города гораздо труднее. Построить на пустом месте дом, если даже база за десятки километров, это просто, это во много раз проще, чем на пустом месте построить человеческий дом, сообщество, единство, основанное на тесной духовной связи.

Если мы строим город, то связь эта возникает, наверное, из желания свершить его и из умения свершить. Впрочем, это не одно и то же, и об этом мы еще поговорим.

В мае семьдесят первого, первого года Восточного Порта, я разговаривал об этом с теми, кто был здесь, что называется, «с нуля». Они приехали в бухту Врангеля тогда, когда никто еще даже не попытался туда приехать. Сейчас их называют одесским десантом. Мне думается, совершенно не обязательно подчеркивать их областное происхождение — они были просто энтузиастами. Не все, конечно, было ядро, был определенный нравственный принцип у этого ядра, очень притягательный, очень плодотворный принцип: на голом месте построить город. Город, где не было бы тех «обстоятельств», что живут с нами в обычных городах.

Я познакомился с ними сначала по газетной фотографии.

Мужественно-бородатые парни смотрели с прибрежной скалы на бухту; в подписи под снимком, пространной и наивно-восторженной, говорилось о комсомольском героизме, о «голубых городах».

Я вспомнил и о снимке и о подписи, втиснувшись в их каюту о четыре койки — по-солдатски одна над другой.

— А-а... Ерунда все это, — сухо сказал Виктор Долгов, и никто из ребят не возразил ему. — Впрочем... Впрочем, про города — это верно, пожалуй...

— Ну, конечно же, верно, Витя, — подхватил Саша Раппопорт, тонкий, веснушчатый, со стоящей дыбом рыжей шевелюрой. — Он на архитектурный хочет поступить, — с готовностью объяснил Саша. — Вы не знаете, есть здесь архитектурный?

И они заговорили разом, перебивая друг друга, о том, как услышали у себя в Одессе, что где-то на Дальнем Востоке строится «самый-самый» порт страны, как наплевали на устроенный быт, и на хорошую работу, и на красивый город и как тронулись в неизвестность, чтобы построить этот порт.

ПОС

— Ведь надо же, чтобы человек знал, что вот это он сделал своими руками, сам? Ведь надо? — застенчиво вопрошал Гена Довнер.

— Да-а... Город — это хорошо... — Долгов сидел, углубленный в себя, сосредоточенный, строгий. — Город — это хорошо.

— А вы, Володя! — спросил я Романенко. Он был красив, Романенко, — голубые глаза его смотрели открыто и беспечно, словно он наперед знал, что все в его жизни будет прямо и просто.

— А я, как Витя, — улыбнулся Романенко и преданно посмотрел на Долгова. — Я ведь сначала не думал ехать. Встретил как-то Виктора, он говорит: поехали. Ну, и... поехали.

— Нет, а мне надоело все там. — Саша Раппопорт говорил, словно все еще стремился кому-то что-то доказать. — Я ведь техник по электросварке. Жил у сестры, работал. Порядок налаженный. Утром — на завод. После работы — домой. Все за тебя определено. Нет, подумал я, так дальше жить нельзя, надо что-то делать, а то и жизнь вот так незаметно пройдет...

И они поехали. И все они так или иначе мечтали о городе, который они построят своими руками, которому они сами дадут название. Долгов и Романенко, Раппопорт и Довнер, Лена Нерубальская, Юра Положенцев, Сергей Колесниченко, Юра Малак — всего шестьдесят добровольцев из Одессы. Стоял ноябрь, и в Сибири уже наступили холода, но им было тепло и радостно от сознания своей великой решимости, от молодой энергии, от значительности того, что они совершали.

Когда приехали в Находку, там таких, как они, с комсомольскими путевками, оказалось уже человек триста. Им объяснили, что финансирование стройки начнется с первого января, а сейчас пусть пока поработают на объектах Находки. Те, триста, согласились. Одесситы же наотрез отказались и пошли к управляющему трестом «Дальморгидрострой» Андрееву. Андреев — мужик-кремень. Андреев если сказал нет, то так и будет — нет. Но одесситам сказать так Андреев не смог. Он послал-таки

их в бухту Врангеля — рубить просеку к будущему временному городку.

И они, прибористы и сварщики, токари и слесари, специалисты, знающие вкус налаженного крупного производства, мерзли на пропитанном морской соленой сыростью ветру и рубили эту преждевременную просеку, сограваясь мыслью о будущем городе. Андреев был мудрый руководитель — Андреев выдал им «полный набор романтики», как сказал ироничный Виктор Долгов, справедливо рассчитав, что даже если половина из них уедет, то другая половина, закаленная холодом и неудобствами, прошедшая через горнило сомнений и отчаяния, эта другая половина станет надежным ядром будущего коллектива.

Их действительно осталась едва половина, и они действительно стали ядром стройки. И неформальным и формальным. Сашу Раппопорта избрали председателем плавстройкома плавстройотряда, Володю Романенко — комсоргом, Виктор Долгов стал бригадиром первой комсомольско-молодежной бригады. Только Гена Довнер, тихий, смущающийся в разговоре Гена, не подошел на роль лидера. Зато...

— Если бы не Генка, пропал бы я! — Это неожиданно вмешался в наш разговор цыганского вида парень.

— Володя Демченко, — снисходительно назвал его Романенко. — Наш кадр...

— Без Генки Довнера я бы пропал, — упрямо повторил тот. — Я с другой группой сюда приехал. Ребята — так себе, молодые совсем еще. А тут холодно, а тут денег нет — не заработали еще. Ну и... пошла карусель. Хорошо, к ним притулился — спасли.

— Жениться собирается, — по-отцовски глянул на Демченко Саша.

Мы пили крепкий чай с лимонным печеньем.

стройки, и она до сих пор мается в организационных неурядицах. Отставив свои ведомственные интересы, они безответственно отнеслись к развитию жилищного строительства, и проблема жилья стала здесь одной из острейших.

Наверное, те, кто стал виной таких несообразностей, будут наказаны, ибо и в газетах и в журналах все четыре года немало и убедительно обо всем этом писали. Но тем, кто уехал и кто уедет из бухты Врангеля еще, не станет от этого легче. Да, собственно, не об этих трудностях говорил Саша Раппопорт. Он и его товарищи пережили здесь самую злую свою зиму и готовы были пережить несколько таких зим, если бы...

Если бы они умели строить. Я говорю сейчас не об умении каменщика, монтажника, маляра-штукатура, безусловном для стройки и для строителя, — такое умение приходит быстро. Но есть еще умение противостоять неразберихе и неорганизованности, умение отстаивать свои права и принципы, умение повернуть ход событий. Оно приходит с социальной зрелостью, умение, с пониманием своей роли в обществе, с твердым сознанием своей общественной значимости.

Если мы строим человеческий город, человеческое сообщество, мы должны прежде составить каркас его, костяк из тех, кто мог бы быть надежным вожатым для молодых и неумелых еще энтузиастов. Они должны не только хотеть, но и уметь построить город. И если мы объявляем стройку ударной комсомольской, то нужно прежде всего именно таких вожатых отобрать во всех комсомольских организациях страны. Иначе...

Они хорошие девочки, Таня Словеснова и Оля Мальченко. Они приехали сюда еще в се-

кря, в Пластун, на строительство нового леспромпхоза. В канун пуска первой очереди, наматавшись чуть ли не за сутки по всем своим пусковым объектам, уже за полночь он вдруг объявил мне:

— А знаешь, Таня Словеснова приехала! — словно не готовность водозабора и резервуара, а именно Танин приезд был самой главной для него радостью.

Глушко же не захотел видеть в молодых реальной силы и не сумел эту силу в них вдохнуть. Он подходил к человеку с точки зрения его функциональной пригодности. Бригада Бабенко умеет строить, рассуждал он, — давай бригаду Бабенко. Бригада Долгова строить не умеет, — наплевать на этот «детский сад».

А ведь он тоже хотел построить свой город, Павел Михайлович Глушко. Он оставил должность заместителя управляющего трестом «Примортрансстрой» и пошел всего лишь начальником плавстройотряда в «Дальморгидрострой», к Андрееву, знаменитому своей великолепной нетерпимостью к чужому мнению.

Но он не построил свой город. Он не сошелся-таки характером с Андреевым и ушел, не проработав и года. И оказалось, что уйти-то ему легко. Нет, я не говорю о чувстве сожаления, обиды, горечи, что охватывает человека, вынужденного бросить дело, с которым он, казалось бы, связал свою жизнь. Я говорю о человеческих внутренних связях, которые рвутся при этом с огромной болью. Ему не пришлось рвать эти связи — он их не создавал. Он был прагматик, Глушко. Он верил в силу рациональной системы управления. Но он не верил в силу уз человеческого доверия и уважения, которые скрепляют дело лучше всякой системы и которые предшествуют всякой рациональной системе.

Ну, конечно же, они не были идеальными работниками, эти юноши и девушки, эти мальчики и девочки, они, быть может, вообще не были теми работниками, которые нужны стройке. Вдобавок большая их часть была заражена псевдоромантикой, для которой самое важное — поехать подальше, а все остальное случится само собой. Но они в общем-то были энтузиасты, они хотели, как и Глушко, построить порт. И нужен был мудрый руководитель, который, рассеяв вредные иллюзии, научил бы их строить.

Иллюзии Глушко рассеял. Он показал молодым их никчемность, их бесполезность для стройки. Вместо того, чтобы учить полезности.

Почему же мы до сих пор не научились скрупулезно, методично подбирать инженеров — организаторов в полном смысле этого слова? Ведь то, что мы делаем в бухте Врангеля, — это не просто строительство, это социальное строительство, в котором обязательно должны быть своеобразные центры кристаллизации коллектива?

— Непременно должны, — говорит Эдуард Николаевич Блинов, секретарь объединенного парткома стройки. — Социально зрелым должен быть не только рабочий, еще в большей мере — руководитель. Мастер, прораб, начальник участка. Не перекачи-поле, случайно занесенный сюда ветрами обстоятельство, — умелый, сознательный, общественно активный вожак. Они есть, такие ребята, в наших институтах, в том же Дальневосточном политехническом. Так давайте направим их на строительство нового порта, нового коллектива...

Полыхает еще два года, прежде чем он добавит: «Мы ехали за романтикой и не были готовы к реальным трудностям».

Если трудности существуют, есть, безусловно, чья-то вина. Во многих неурядицах строителей Восточного Порты — вина ответственных работников Министерства морфлота и Министерства транспортного строительства. Они не торопились с подлинно инженерным развитием

ТРОИТЬ

Не замутненная еще вода бухты с мягким плеском лизала борт «Приморья». В открытый иллюминатор доносился запах нагретой солнцем прелой морской травы. И в тесноте каюты третьего класса брезжили видения будущего прекрасного светлого города.

— Боневур, — первым очнулся от дум Саша Раппопорт. — Мы назовем этот город Боневур.

Вот на каком хорошем, чистом душевном подъеме начиналась стройка.

Но уже тогда, невидимые еще миру, зрели на стройке зерна конфликта.

В декабре того же семьдесят первого года из «одесского десанта» на стройке в бухте Врангеля остались четверо — Саша Раппопорт, Гена Довнер, Лена Нерубальская и Юра Малак. Остальные уехали, едва отметив годовщину высадки «десанта».

Передо мной последняя сводка о движении рабочих кадров ПСМО-18: «Принято — 91. Уволено — 139, по неважильной причине — 112». Примерно так — по всем полугодиям от начала стройки, исключая разве первое: тогда в основном люди только набирались. Так что ничего исключительного в увольнении одесситов вроде бы и нет — уехали, как и до них и после них уезжали сотни. И все-таки жаль. Потому что уехали те, кто мог объединить вокруг себя десятки парней и девчат с неумелыми еще руками, но с горячим сердцем и с жаждой строить.

Кто виноват? Что виновато? Какое обстоятельство сыграло в этой житейской драме решающую роль?

— Глушко виноват, — решительно сказал тогда Саша Раппопорт. — Нет, ребят я не оправдываю, — заторопился он. — Но если бы не Глушко...

Пройдет еще два года, прежде чем он добавит: «Мы ехали за романтикой и не были готовы к реальным трудностям».

Если трудности существуют, есть, безусловно, чья-то вина. Во многих неурядицах строителей Восточного Порты — вина ответственных работников Министерства морфлота и Министерства транспортного строительства. Они не торопились с подлинно инженерным развитием

редине семьдесят первого, в первые дни творения порта, имея специальность штукатуров третьего разряда. Тогда да и сейчас, наверное, это было очень мало. Но, приехав, они не думали: «Мы строим порт», — нет, они говорили: «Они должны дать нам работу». «Они» — это руководители стройки. А если у самих «их» не все ладится, если не хватает не только бетона, раствора, кирпича, но и толковых мастеров, толковых прорабов? «Нет», — говорили девочки, — это нас не касается. Вы должны все организовать». Правильное, пожалуй, рассуждение, если ты на ударной стройке просто работник. Но ведь просто работником можно быть и дома, никуда не уезжая. Ударная — обязательно значит трудная, потому что надо строить быстро и в отнюдь не лучших условиях. Именно поэтому призывает она под свои знамена тех, кто умеет не просто вкалывать — строить.

Тягостный был у нас тогда, в январе семьдесят второго, разговор с этими милыми девочками. Потом они уехали. Ненадолго. Вернулись — оказалось: прикипели уже душой. И снова разговор, почти такой же. «Они», — твердят мне девочки, повзрослевшие, познавшие, почем фунт лиха, — они должны...» Им плох Глушко, плох сменивший его на посту начальника плавстройотряда Баранов. Но ведь эти люди работали как черти! Помнится, в августе прошлого года сказал мне Иван Ефимович Баранов:

— З-знаешь, производственная с-система отлаживается — и-надо строить коллектив...

Хорошо думал Иван Ефимович! Жаль, обстоятельства заставили его уехать на север

ПОРТ

Юрий ЦЕНИН,
Лев ДОБРОВОЛЬСКИЙ (фото)

КОСМОС ГДЕ-ТО РЯДОМ

Ш последний день жуткой, изматывающей беговки. Альпинисты называют такие предотлетные дни «зачетками» перед восхождением. Позади хлопоты на работе, в министерствах, на производственных базах, в ДСО... Переполненная электричка, несущаяся к аэродрому, после всего этого кажется тихой заводью, символом покоя.

На аэродроме собрались 47 человек. Откуда-то появились автомашины «Волга» и мотоцикл «Ява», которые, оказывается, летят вместе с нами в горы. Собственно, почему бы и нет! Могучий «АН-12» вмещает все — и машины, и снаряжение, и тысячи банок консервов, и всю нашу альпинистскую братию.

Разрешение на вылет будет только завтра. А пока подмосковные комары, жужжащие, как вертолеты, пытаются помешать нашему первому экспедиционному сну. Какая же экспедиция без комаров! И мы спим как убитые, — кто на траве рядом с самолетом, кто в беседке на уступах лавках, каждый, где может.

В 7 утра взлетели. В кабине среди дюжих мужиков примечательны четыре женщины, и еще Борис Иванович Руквашников, и Лев Евгеньевич Опуховский. Выделяются они среди нас шевелюрами над могучими плечами матерых путешественников. По-

рису Ивановичу — 73 года, Льву Евгеньевичу — 66.

Вообще пассажиры нашего «Антон» — живая иллюстрация к тезису о том, что альпинизм может и должен служить науке. Правда, многие считают, что здесь существует и обратная связь. Все вместе и каждый в отдельности, они являют собой некий научно-спортивный симбиоз.

Вот Юра Скурлатов — высокий подтянутый бородач — кандидат наук и кандидат в мастера спорта, шесть лет участвует в различных экспедициях «Буревестника». Он убежден, что путешествия в горы помогают ему успешно продвигаться и к вершинам научным.

Коля Володичев, кандидат физико-математических наук, сотрудник института ядерной физики, участник многих восхождений на Памире и Тянь-Шане.

Олег Галкин, конструктор, мастер спорта, чемпион СССР 1970 года, участник многих сложнейших экспедиций «Буревестника».

Аркадий Маликов, инженер НИИ, «снежный барс», побывавший на всех «семи тысячниках» страны [на пике Ленина трижды!]. Он один из тех альпинистов, кто был награжден орденами и медалями за участие в парашютном десанте на пик Ленина в 1968 году. Тогда пришлось спасать попавших в беду людей, снимать с горы погибших. Многие из летящих

Альпинизм, пожалуй, больше, чем любой другой вид спорта, пользуется последними достижениями науки и техники. Привычный вид транспорта — вертолет, обычный способ связи — радио, обмундирование и накладки из синтетических материалов. Вот только суть альпинизма остается неизменной: преодоление трудностей, неподвластных, казалось бы, человеческим силам. А ныне в альпинизме все теснее обозначается и обратная связь с наукой — спортсмены помогают ученым познавать природу.

с нами ребят проявили себя тогда по-настоящему. Аркадий получил за эту операцию медаль «За отвагу».

Главная наша цель опять связана с парашютным десантом. На этот раз, правда, иного характера: на вершину пика Ленина предстоит сбросить [а нам принять и смонтировать] оборудование для аппаратуры, улавливающей космические лучи.

В грузовом отсеке самолета, оплетенные такелажной сеткой, десятки ящиков с металлическими рамами, свинцовыми плитами, фотопленкой. Через несколько дней, поддерживаемые мощными парашютами, они опустятся на вершинное плато пика Ленина и с нашей помощью превратятся в рентгено-эмульсионную камеру на высоте 7 тысяч метров. Подобного эксперимента пока не делали. Никто не отваживался поднять громоздкую аппаратуру на такую высоту, смонтировать ее там и тем самым приблизить космос к земле на целых семь километров. И это заставляет всех нас, летящих на Памир, чувствовать себя первопроходцами.

...Утром от нашего командира Виктора Галкина пришла радиограмма: сбрасывать груз на вершину намечено 25—26 июля. Командовать выброской с самолета будет лично он. Выходить группам 20-го.

Кто не видел альпинистов перед

трудным восхождением, сочтет наше сравнение за репортерский штамп. Но более точный образ подобрать трудно: люди готовились к бою. Дело тут не во внешнем сходстве походного лагеря альпинистов с его палатками, ледорубами, звенящими кошками, походными рациями, веревками и прочим штурмовым оборудованием с лагерем армейским. Даже не в форме приказов, не в наличии командиров и не в строгости дисциплины. Суть сходства в состоянии людей, в той глубокой сосредоточенности, внутренней собранности, которая наступает у человека перед началом большого испытания, граничащего с опасностью.

Конечно, эти люди пришли сюда добровольно, по зову души и сердца. Они влюблены в горы, ставят превыше всего свой благородный спорт. Но они знают цену своей любви. Уже после акклиматизационных выходов, заброски продуктов и снаряжения в промежуточные лагерь до 6 100 метров многие не выдержали встречи с высотой. Несколько человек заболели, некоторые ослабли и отправлены вниз. А ведь это только тренировка, и до главной высоты далеко! Впереди — неделя подъема, пять дней изнурительной работы на вершине, несколько дней спуска... А что еще подарят погода и горы! Какие новые препятствия встретятся на пути! Как поведет себя организм в условиях длительного кислородного голодания!

Мы ходим по лагерю, слушаем остроты и деловые разговоры, любуемся уверенными, сноровистыми движениями сухих, мускулистых людей, видим улыбающиеся лица и серьезные, отчужденные, ушедшие в себя глаза. Люди готовятся к бою.

Уже два дня над опустевшим базовым лагерем, над ледниками, стекающими с исполинских плеч пика Ленина, разносится гул самолета.

— «АН-12». Высота восемь с половиной тысяч. И опять ни черта не видно, — фиксирует Саша Косицын, начальник контрольно-спасательного отряда, расположившегося в верховьях ледника Ленина на высоте 4 200 метров.

Пока здесь курорт: спасатели катаются по леднику на лыжах, участвуют в радиоперекличках и ждут вестей с вершины.

— Сегодня будет пристрелка, готовьте аппараты!

В разрывах облаков над зубчатым контуром горы вспыхивает блестящий треугольник самолета. В бинокль видно, как от него отделяется какая-то точка, косо летит над плоскостью вершины и исчезает за гребнем. Одновременно в радиусе сквозь хрип и свист прорывается голос:

— Я семьсот третьей, я семьсот третий... Кто меня видит и слышит! Корректируйте пристрелку...

В эфире треск и молчание. Где-то там, в окутавших гору густых, как тянучка, облаках по поясу в снегу идут вверх альпинисты. Они не видят самолета, в пулеметных очередях электрических разрядов не слышат голоса «семьсот третьего». Саша хватается за батарею под пуховку на голую грудь (надо экономить энергию) и кричит в небо:

— Семьсот третьей! Я «Ленчик-три», я «Ленчик-три»! Слышу тебя и вижу! На втором заходе буду корректировать.

— Где «Ленчик-один»? Где Добровольский! — Голос Галкина не скрывает разочарования. — Откуда меня видите!

Саша смотрит на товарищью, обступивших его вплотную. Его длинная фигура в пуховке, трусах и вибрах, надетых на босу ногу, замершая на моренном камне, выгляде-

ла бы комично, если б не серьезность ситуации.

— Докладываю! — кричит он. — «Ленчик-один» из-за непогоды не может пробиться к вершине. Сейчас они где-то на шесть-пятьсот. «Ленчик-два» значительно ниже. Они спускают больных. Одна группа вернулась. С Раздельной связи нет. Корректировать, кроме меня, никому.

Гул самолета исчез, растворился далеко в небе, но голос в радиус ясный и четкий:

— Спасибо за информацию. Корректировать не надо. Передайте: пристрелку повторим завтра перед самой выброской. Занимайтесь своей работой.

Галкин с трудом выбрался из «фонаря» самолета, пролез под креслом штурмана, с хрустом размял затекшие ноги.

— Ну что, Виктор Тимофеевич, в «фонаре» не дуэт! — сострел второй пилот. — С такой корректировкой мы весь груз выбросим неизвестно куда.

Галкин развел руками. Горы — это вам не военный полigon и не спортивный стадион, здесь поправки в планы людей вносит сама природа. Разве виноваты альпинисты, что гора не допустила их к себе сегодня! Допустит завтра. Если такие ребята, как его альпинисты, не пройдут, то кто же здесь пройдет!

Галкин из тех людей, которые обладают завидной способностью вызывать интерес различных ведомств и организаций к его любимому делу. Он свято верит, что прикладные и спортивные возможности альпинизма огромны, но ограничены материальными средствами. Дайте нам средства — и наши ребята заберутся не только на Гималаи, но и на Луну, — утверждает он. «Альпинизм — народному хозяйству», «альпинизм — науке», «альпинизм — обороне» — эти общезвестные лозунги он умело воплощает в конкретные дела, вкладывая в них уйму выдумки и энергии. И всегда следит, чтобы не нарушалась «обратная связь».

Мечта Галкина — организовать всеобщую высокогорную фирму, которая на договорных началах выполняла бы задания любых организаций страны. Идея разумная и полезная. Она помогла бы развитию советского альпинизма и быстрейшему освоению наших гор.

Что касается самого Галкина, то сейчас мы общаемся с ним в основном по радио. За сутки он бывает иной раз в трех противоположных точках страны: с утра в Таджикской академии наук, в обед у командующего военным округом, вечером в московском министерстве. А на другой день уже закупает на базаре в Фергане овощи для экспедиции и отправляет вместе с бензином в наш базовый лагерь.

— Виктор Тимофеевич, — сказал я ему при краткой встрече на аэродроме во Фрунзе. — Вы вот спешите на прием к местным властям, а у вас брюки порвались...

Он внимательно осматривал свой изрядно потрепанный костюм, задумчиво пожевал губами.

— Да, старик, штаны пора бы новые купить. Никак вот за получкой не найду в Москве, все некогда. Разве что после экспедиции... Знаешь, — добавил он с оптимизмом, — для преданности главное — галстук и сорочка. Вроде это у меня в порядке, а!

Мы поднимаемся уже пятый день. Идем по уши в снегу и почти вслепую. Хуже погоду трудно представить. Снизу казалось, будет легче, снег внизу таял, как никогда. На 4 600 обнажились скалы, и из-под снега вытаял самолет Липкина. Он лежит здесь, как памятник героизму

отважного летчика, с 1937 года, когда Липкин совершил на крохотной террасе вынужденную посадку.

Выше пяти тысяч сплошной снег, сыпучий и глубокий, нависающий карнизами, расплывающийся трещинами, ускользающий вниз, хватающий за ноги. Продвигаемся со скоростью нескольких метров в минуту. Иной раз кажется, что месим снег на одном месте. И так по двенадцать часов в день.

Сегодня последняя ночевка перед вершиной. Ветер беснуется, как в январь, снаружи минус двадцать, тяжелые облака сыплют на палатку целые лавины снега. Аркадий Маликов разложил на спальном мешке инструкции по установке приборов и до темноты штудирует их. Кажется, выучили все наизусть еще в Москве, но он все равно тащит с собой на вершину кипу бумаг.

Поднялись до рассвета. Сегодня, кажется, никто не спал. Нервное напряжение, переутомление и изнуряющая высота делают свое злое дело. Под утро стихло, но, едва забрезжил свет, обнаружилось полное отсутствие видимости. Глухой, бесконечный туман облепил вершину. Ползем на ощупь. 6—8 дыханий на каждый шаг, через каждые пять минут остановка. В полдень прилетит самолет, а мы... даже не знаем точно, где мы. Ну уж дудки! К вечеру доберемся! Тем более, что в туче видны просветы. Так и сообщили по радиус: откладывайте операцию до завтра. Галкин выругался: кувыркайтесь там в тучах, а вот у нас здесь на вершине чисто... Ему хорошо рассуждать, в самолете!

26-е. Утро. Плотный ветер треплет бока «памирки». В 10.30 мы еще в мешках. Приятно сознавать, что выше тебя только небо, что дальше идти некуда, что ты — человек, победитель стихии, а не просто выюжное животное и что в конце концов ты завоевал право поваляться лишнее время в теплом пуховом мешке.

Но что это гудит! Разожженный в соседней палатке «шмель»!.. Вибрирующий металлический гул нарастает. Выдергиваем антенну радиопередатчика. «Первый! Первый! Я семьсот третьей. Следить за пристрелочными парашютами...»

Началось! Один за другим выскакиваем из палатки. Мы на небольшом скальном острове с вершиной. Почти на километр в длину и полкилометра в ширину под нами простирается площадка выброса. На севере она обрывается карнизом, под которым почти четыре километра ниже лежит наш базовый лагерь. Самолет заходит вдоль хребта с запада. В темно-синем небе мы видим, как от него отделяется предмет, летит, неуклюже кувыркаясь, и вдруг над ним, словно оранжевое пламя, вспыхивает парашют площадью в сто с лишним квадратных метров. Ветер подхватывает его и мчит к краю плато. «Перелет! Бросайте метры на триста раньше!» — кричим в хвост уходящему самолету. «На плато попал! — переспрашивает голос штурмана. — Ну и добро. Не на соревнованиях по точности приземления...»

Ничего себе — добро. А каково нам собирать и перетаскивать эти ящики по поясу в снегу, когда каждый шаг отдается в голове пушечным выстрелом, а после неосторожного, резкого движения несколько минут лавишь открытым ртом воздух. Да и разве это воздух! Кислорода в нем в три раза меньше, чем на земле.

Зато космическое излучение здесь неизмеримо сильнее. Это и понятно: космос — вот он, рукой подать! Володичев утверждает, что для того, чтобы на земле придать элементарным частицам такую скорость и энер-

гию, какую они имеют здесь, надо построить синхротрон небывалой мощности. Коле можно верить, в этом деле он специалист. В институте ядерной физики его коллеги считают наш эксперимент уникальным: альпинисты помогут государству сэкономить большие средства, а науке — продвинуться на несколько лет вперед.

Добровольский сидит на скале, размышляет об этом и с нетерпением ждет второго захода. И тут его взгляд останавливается на предметах, которые заслонили собой все: и прилетающий самолет и прогресс науки... В ложбинке меж камней — заржавевшие ледоруб и кошки. Те самые ледоруб и кошки, которые потерял он несколько лет назад. Вот так же сидел он на этих камнях (кажется, только снегу было много больше) и ожидал самолета. И точно так же по плато гулял порывами ветер. Он хвтал снежные сугробы, закручивал их в вихри, подбрасывал и гнал к обрыву. И так же отрывались от брюха самолета черные точки с расщепленными куполами над ними и внезапно усилившийся ветер нес их неотвратимо к обрыву, на скалы.

Он бежал тогда, не глядя под ноги, падая на камнях, проваливаясь и задыхаясь.

Это было несколько лет назад. Тогда он потерял свое снаряжение. А вот сейчас опять ждет выброски десанта, и рядом лежат его ледоруб и кошки, будто ничто не изменилось за эти годы.

Два дня продолжалась выброска на вершину семитысячника. Работали все, кто мог. Высота не различает спортивных рангов: порой не выдерживали и уходили вниз мастера спорта. А вот художник Коля Соловьев, впервые поднявшийся на такую высоту в целях в основном творческих, оказался безотказным тружеником.

На плато кипела работа. Люди, как муравьи, ползали от контейнера к контейнеру, окапывали их, вскрывали, волокни по частям к скальной площадке, где шел монтаж. Разброс грузов составил метров 800. Но и этого хватало, чтобы три дня мы только собирали их в кучу. Некоторые ящики, как бомбы, ушли в снег на пять-шесть метров. В одной такой «бомбе» оказались яблоки, дыни, арбузы и... канистры с бензином. От удара канистры взорвались, фрукты разлетелись в стороны, но мы их тщательно собрали и съели. От нас долго потом разноло бензином. В другой раз «крануло» ящик с шоколадом: это было удобно — утром набираешь котелок снега и варишь какао.

Монтаж шел споро. Маликов с ребятами не зря зубрил инструкции. Пластины, рамы, пленки уверенно ложились на свои места, скреплялись шпильками, болтами, гайками. Получался добрый «слоеный пирог» — наш подарочек космосу.

А он все время напоминал о своем соседстве. Ураганным ветром, изматывающим душу холодом, бессонными ночами, слепящим, обжигающим солнцем. Как бесконечно далеко отсюда мир людей — с травой и деревьями, мягким солнцем и теплым дождем. Мир, живущий под прозрачным колпаком атмосферы, словно за бронированным щитом, и не подозревающий об этом.

Семь километров по вертикали: это миг, и это целая вечность. Мы спускались вниз, проходили по всем широтам Земли: от полюса до субтропиков. На леднике Ленина нас встречал весь лагерь. Здесь все победители, даже те, кто не дошел. Поэтому что там, наверху, осталась частичка общего коллективного труда.

Свет северных снегов подобен чуду,
Он озаряет души неспроста.
И я всегда, наверно, помнить буду,
Как трогательна снега чистота.

Я видел снег и в Амдерме и в Черском,
И снег таймырской тундры мне знаком,
Он ослеплял меня своим свеченьем,
В его плену я был, как под замком.

Но не хотелось вырваться из плена,
Да я и сам свободы не искал.
И привыкал я к снегу постепенно,
Снег от себя меня не отпускал.

Мне Арктика запомнилась такою —
Пушистою, в сверкающем снегу.
С тех пор я болен снежною тоскою
И ничего поделать не могу.

И снятся ночью мне стада оленьи,
Немыслимой расцветки искры льда.
Дым над ярангой. Снег. И в отдаленье —
Холодная Полярная звезда.

Когда бывает в жизни очень худо,
Когда мне жизнь совсем не дорога,
Вдруг возникает северное чудо —
Нетронутые зимние снега.

Их красота суровая неброска
В краю жестокой вечной мерзлоты...
Становится мне так светло и просто
От этой нежной снежной чистоты.

«Ход зверя начинается весной,
Ход рыбы начинается весной...» —
Мне говорит Юптых, скуластый чукча.
Он, не моргая, смотрит на огонь,
Поджав колени, смотрит на огонь
И посреди яранги трубку курит.

Есть у него хорошее ружье,
Пристрелянное, верное ружье,
Юптых бьет гуся на лету, не мажет.
Есть у него и кожаный аркан,
Чаат — отличный кожаный аркан,
Что крепко держит дикого оленя.

Есть у Юптых добрая жена,
Худая, узкоглазая жена,
Она в светильник жиру добавляет.
И весело горит тюлений жир,
Маленечко чадит тюлений жир,
А в тундре — снег, а до весны — не близко.

Жена Юптыха нам еду дает,
Холодной строганины нам дает —
И мы жуем ее, макая в лечо.
Болгарская приправа так остра,
Как искорки пурги, она остра,
Ее привез Юптых из Узлена.

«Ход зверя начинается весной,
Ход рыбы начинается весной...» —
Так говорит Юптых, охотник старый.
И он и я — мы оба ждем весны.
Такой далекой северной весны.
И ждет меня любимая весной.

Олени

Пошел парень в тундру, ударил
ногой по ветке итильгын —
стало черное стадо.
Ударил ногой по ветке холю —
стало белое стадо оленей...

Из чукотской сказки

Волшебную сказку шепну февралю,
Ударю ногою по ветке холю —
И стадо оленей,
вскопывтив снега,
Поднимет над тундрой крутые рога.

Шальные олени —
их лучше не тронь:
Зрачки с поволокой, и дикая кровь.
Не дрогну.

На них погляжу я в упор.
И крикну,
как чукчи,
гортанное: «Хор!»

Они встрепенутся,
сердито фырча,
И станут по тундре кружить сгоряча.

Тогда заарканю я их вожака —
И стадо признает меня,
чужака.

По белому снегу,
по звонкому льду
Я смирных оленей
в твой сон
приведу.

Рисунки Владимира ДЕЛБЫ

Есть среди прочих
женщина одна,
Она ежеминутна, ежечасна,
Добра и зла, нежна и холодна,
Она твоя — и тем уже прекрасна.
Она с тобой разделит пополам
Беду и счастье,
радость и тревогу,
И даже грусть,
что жалась по углам,
От рук ее
растает
понемногу.
В святой и грешной женщине земной —
Падения твои и вознесенья.
Твое спасенье
только в ней одной.
И нет
от этой женщины спасенья!

Вадим СИКОРСКИЙ

Искусство — для души надежный
панцирь!
В несходстве есть добро, но есть
и зло,
и точно так, как отпечатки пальцев,
неповторимо сочетание слов.

Особенны изгибы дум и сердца.
Все отпечатается, что таю.
Прочтут — и мне уже не отпереться,
уже не скрыть беспомощность свою.

Я напряженно вслушиваюсь в мир:
там льдин столкнувшихся звенящий
скрежет,
брань и веселье городских квартир
и рокот тяжких волн на побережьях,
и на реке стук бревен у плота,
и трубный глас влюбленности
оленьей...
Мир глух ко мне. Но эта глухота
в сравнении с моей не преступленье.

В Одессе

Его лицо над вечным морем грозным,
он столько видел, стоя на посту,
что кажется: чуть сдерживает
бронза
поэта гробовую немоту.
Недвижен город, но есть встречный
ветер,
морской простор, исхлестанный
свинцом,
и шквал, обдавший брызгами
столетье,
и памятник с обветренным лицом.

Человек

Где все это (я кем-то ограблен!) —
горы, море, цветы по лугам...
Лишь мечта, как бумажный
кораблик,
прибивалась к чужим берегам.
Каждый в это, как в хлеб свой,
поверит:
я, живущий в квартирной глуши,
я централен, весь мир —
только берег
у причудливо взросшей души.

Берег — мир: пусть морской,
пусть лесистый,
то пустыня, то горный родник,
то грохочущий город, а пристань
из незбылемых сложена книг.
Берег — все. Без меня —
все без толку.
Обо мне пусть тоскуют сейчас
отдаленные звезды — так долго
свет идет к ним от вспыхнувших
глаз.

Но если все хаос, все мечется,
пространства безбожно пусты, —
откуда ж в душе человечества
векторы частоты!
И кем то зерно посеяно,
откуда вырос тот храм,
и чем это все навеяно,
что хочется вечности нам!
И как это корни музыки
в небесный проникли грунт!
А миг озаренья — узенький:
несколько редких секунд!

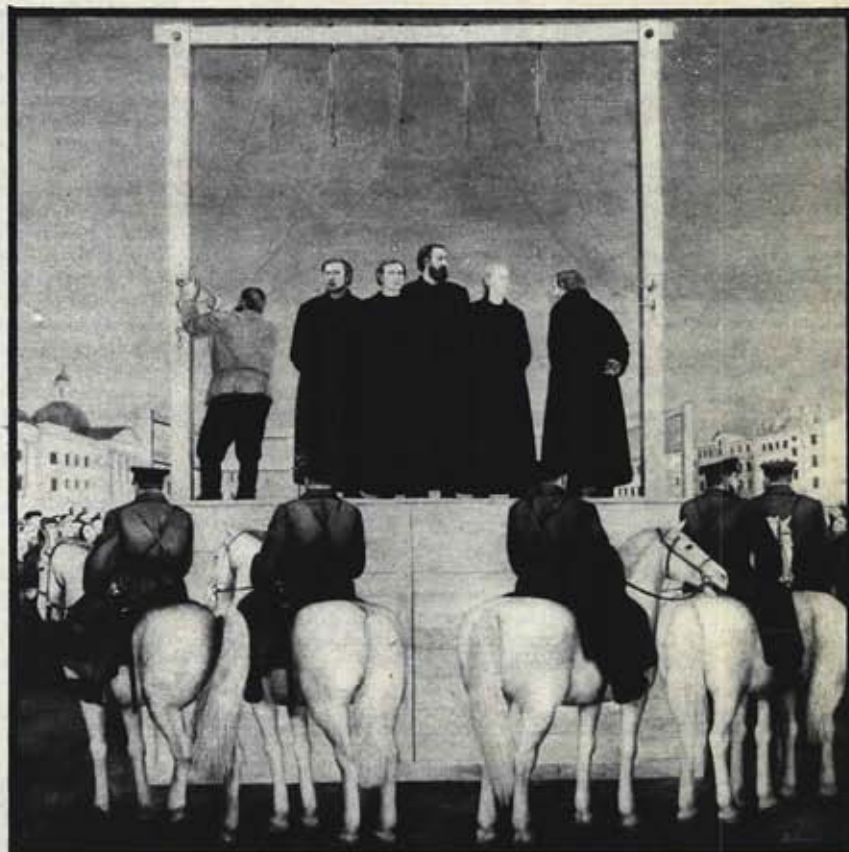
ОТКРЫВАЯ ДЛЯ СЕБЯ

Ольга ВОРОНОВА

ТАТЬЯНА НАЗАРЕНКО. «КАЗНЬ НАРОДОВОЛЬЦЕВ».

ВАЛЕРИЙ ЛАСКАРЖЕВСКИЙ. «ВАН ГОГ».

ДЗОВИНАР БЕКАРЯН. «АВТОПОРТРЕТ».

Торжественная строгость уходящих вдаль проспектов, «однообразная краснота» зданий — даже при беглом взгляде на картину сомнений не возникает: Ленинград. Архитектурно и живописно завершенный, пейзаж этот мог бы казаться несколько выстуженным, но его оживляет фигура молодой женщины, стоящей перед высоким светлым домом. Сжав в руке кисть, художница смотрит прямо в лицо зрителю серьезными, внимательными и счастливыми глазами.

Холодное раннее утро. Наскоро сколоченный из тесовых досок помост высоко поднят над землей. Пятеро приговоренных народовольцев, стоя под виселицей, ждут казни — палач уже пригвоздил веревку, которая сейчас захлестнет им горло. Они провожают свои последние минуты, но они спокойны и мужественны; им не в чем раскаиваться, и если бы пришлось начать жизнь сызнова, они прожили бы ее так же.

Закаспийские военные поселения, унылые часы «шагистики», бездумной и тупой царской строевой службы. До самого неба поднимается часток солдатских штыков, и только один человек без оружия — Тарас Шевченко. В его лице, исполнением скрытой скорби и глубокой мудрости, не только отражение его горькой судьбы; в нем — та высокая нравственная чистота, которая не позволила ему ни принять эту судьбу, ни сдаться.

«Автопортрет» молодой ленинградки Дзювнар Бекарян. «Казнь народовольцев» Татьяны Назаренко [за это полотно, впервые экспонированное на московской молодежной выставке, художница была удостоена премии комсомола Москвы]. «Шевченко в ссылке» киевлянина Валерия Ласкаржевского, дебютировавшего в год окончания института — в 1971-м. Все эти картины написаны примерно в одно время: в течение двух последних лет.

Стало аксиомой, что художник выражает себя в своих героях. Независимо от того, будет ли это тематическая картина или портрет, персонажи рассказуют о взглядах и убеждениях автора, о его отношении к искусству, его ощущении времени.

Мы привыкли к напряженной стремительности нашей жизни, к непрерывному потоку дел, событий, свершений, и иногда не замечаем, как бегут годы, чем разнятся десятилетия. Порой лишь герои картин, книг, кинофильмов напоминают нам о том, как думала и чувствовала тогда молодежь. Так, лет пятнадцать назад в нашу жизнь и сознание вошли партизаны Михаил Савицкий, рабоче-нефтяники Тамра Салахова, герой итальянского Сопротивления уральский бурлищик Кубышкин, изображенный Геннадием Мосиным, — люди нелегкой судьбы и сурового, сдержанного мужества. Юность их авторов была опалена войной, и они, много испытавшие и пережившие, тяготели к показу драматических жизненных ситуаций. Молодые художники второй половины шестидесятых годов принесли в искусство иные черты мировосприятия, иной пафос понимания бытия; выросшие в дни мира, они уже не считали, что правда должна быть непременно суровой, в их работах было больше лирической раздумчивости и яркой праздничности, внимания к «вечным» темам — материнству, детству,

любви. Именно эта эпоха привела с собой романтических влюбленных Салихитдина Айтбаева, шумную ватагу участников народных празднеств Эдуарда Амбокадзе и Геннадия Мызникова, рукодельниц Дурды Байрамова и Мелиса Ахьибекова. Живописцы тяготели к поэтизации мира, старались показать, сколько сложного, «подтекстового» в самых простых явлениях, как значительна кажущаяся повседневная жизнь — эмоциональная атмосфера действия была в их полотнах не менее важной, чем само действие. Но вот на рубеже семидесятых годов пришло новое художественное пополнение. Каких же героев оно представляет зрителю, какой смысл вкладывает в создаваемые образы!

Надо сказать сразу, что нынешним молодым художникам во многом повезло: они получили хорошую подготовку — уровень получаемых студентами знаний повышался почти с каждым годом. Профессиональные навыки сочетались с общей культурой, с широким и разносторонним знанием истории искусств. Это во многом облегчило их путь к самостоятельности — они оказались достаточно вооруженными, чтобы быстро преодолеть ученическую робость перед классиками.

В 1969 году Татьяна Назаренко выступила на московской молодежной выставке картиной «В юрте». Полотно это, хотя и красивое по цвету и композиции, было явно подражательным. Над художницей довели мастера раннего итальянского Возрождения, даже войлочный потолок над матерью с младенцем напоминал небесную арку над мадонной. Глядя на «Казнь народовольцев», тоже трудно назвать любимых авторов живописца («Художник может найти себе ежедневную пищу в великих созданиях своих предшественников; пока змея не съест змея, она не станет драконом», — говорил Джозуа Рейнольдс), но в целом ее подход к работе становится принципиально новым. Назаренко сама выбирает серьезную, большого общественного звучания тему из близкой ей русской истории, сама разрабатывает построение картины. Историческая тема переживается ею самобытно и искренне, классики из законодатель превращаются в учителей, и идейный смысл произведения определяется не заимствованными концепциями, но моральным и мировоззренческим кодексом современника. Нравственная оценка происходящего совпадает с эстетическим идеалом художницы, и далекое по временной дистанции полотно делается живым и пылким «исповеданием веры».

Черные фигуры и светлое утреннее небо — как много, оказывается, можно сказать этим контрастом. Вдали небо сверкает, будто светится изнутри. Вблизи, над головами осужденных, теряет свои краски, становится дрожащим, неощутимым. И это как ключ, как камертон: в глубинах образного строя картины — пустота ухода из жизни.

Безоговорочно и остро противопоставила Назаренко народовольцев и окружающих эшафот жандармов. Жандармы — это олицетворение тупой, грубой силы, русского самодержавия. Недаром каждый из них — а они похожи друг на друга, как стержень медные пятаки, — напоминает исполненный П. Трубецким памятник Александру III, в котором скульптор разоблачил царскую власть. Полукольцо жандармов как бы замыкается уходящими в глубину дворцами — забита нищетою зажатая между ними испуганная толпа. И только народовольцы неподвластны страху; приговоренные к казни, они единственно живые и свободные люди в картине. Каменная глыба наступает на революционеров, не оставляет им места под солнцем, но и на виселице они высятся над всеми. За ними правда,

и не о смерти их думает, о бес- смертии.

Герои многих живописных произведений сегодняшних молодых — это личности, обладающие своей нравственной и эмоциональной атмосферой, своим ощущением этики и бытия. Такие, как народовольцы. Как Тарас Шевченко. Или как герой другого полотна В. Ласкаржевского — Винсент Ван Гог, иступленно, лихорадочно пишущий под ночным небом: прикрепив к полям шляпы горящие свечи, не замечая, что расплавленный воск течет по его лицу. И это не обязательно люди, уже вошедшие в историю. В подходе к созданию образа современного героя просматривается тот же принцип. Будет ли это пафос противостояния, как у народовольцев и Шевченко, или созидания, как у Ван Гога и большинства современных персонажей, художники сосредоточивают внимание на человеке, активно думающем и светом мысли своей принимающем участие в преобразовании действительности. Духовная сопричастность тому, что происходит в мире, становится для них мерилем, определяющим человеческую сущность.

Об этом и говорит «Автопортрет» Дзювнар Бекарян. Озаренное мыслью лицо, напряженный абрис фигуры — художница отрешена в данную минуту от всего, что не связано с ее искусством; для нее важно лишь одно — удержать хрупкое и самозабвенное состояние вдохновения, собрать воедино поток впечатлений и чувств, чтобы передать их людям. И улицы у нее за спиной становятся уже не фоном, но плотью картины: прочерченные нервными взмахами кисти, они создают ощущение тревожно-настороженного пространства, делаются своеобразной метафорой творческих поисков художницы.

Рядом и одновременно с классической формой портрета, тесня и постепенно оттесняя ее, появляется портрет-картина. Полотно, условный фон в котором заменен композицией, рассказывающей о месте героя в жизни. Молодые художники тяготеют к изображению характеров, находящихся в развитии, как бы в процессе формирующего их бытия. Около их работ всегда воспринимаешь эмоциональную направленность персонажей, втягиваешься в круг волнующих их проблем и вопросов.

И — как ни парадоксально на первый взгляд — это происходит потому, что молодые художники прежде всего апеллируют к разуму зрителя. Как бы ни были сильны их чувства, они никогда не бывают безоглядны. Эмоции подчинены рассудку, образы — системе, поиски выразительности — логической строгости. Страсть, заключенная в их работах, чем-то сродни страсти просветителей XVIII века. «Что мысль, когда с другой не делится она!» — эти слова поэта они могли бы сделать своим лозунгом. Претворение искусства эмоционального, характерного для творческой молодежи второй половины шестидесятых годов, в искусство интеллектуальное — таково знамение времени.

Молодые мастера не ограничивают себя определенным кругом тем и сюжетов, не сужают свои возможности. Они умеют почувствовать и полноту жизни и могучую силу природы, заметить, как много нежности в полевой цветке, как далеко уведит глаз самый неприхотливый «закопанный» пейзаж. Радужными красками встретила меня мастерская Бекарян: ни световой колодец — внутренний двор старого, еще петербургского дома, ни скоростной лифт, в минуту поднимающий к самой крыше, никак не подготавливали к впечатлениям, которые ожидали там. К встрече с хлопотливыми аистами, соорудившими гнездо на гребне крестьянской хаты, и с огородным пугалом, неожиданно грустным среди давно убранных заснеженных полей; к блеску аштаракской весны

и праздничности сбора фруктов на Украине. К сказочной груше, отдающей людям огромные, налитые оранжевым соком плоды, — о восхищенном удивлении живописца красотой и щедростью земли говорило это дерево. Золотистыми коврами стелились вокруг поля, а за ними поднимались холмы, и с них были видны и низины, и реки, и стога, и далекая мельница («Хотела показать всю землю разом», — объясняла Дзювнар).

И все же в многоцветье мастерских молодых художников всегда легко отыскать главное, и всегда этим главным оказывается человек. Или, точнее, человечность, понятая по высокому счету. Даже в тех случаях, когда полотно «безлюдно». Вот, например, натюрморт того же Ласкаржевского «Памяти Г. Сквороды». Тяжелая рукописная книга и покрытая чеканным рисунком металлическая чернильница, бандура и свиток с записью народной песни, початая буханка хлеба и крышка топяного молока. Среди этих предметов (а каждый из них выписан так, что можно почувствовать его «цвет, вес и аромат») нет ни одного случайного. Все говорит о жизни, посвященной не материальным, а духовным интересам, о близости к родному народу, о влечении к знаниям.

Можно много говорить о художественном строе и языке произведений молодых живописцев. Я рассказывала о троих, но полотна Татьяны Назаренко, Дзювнар Бекарян и Валерия Ласкаржевского — только капли из океана; в сходном ключе работают многие (среди них Елена Романова из Москвы, Джавлон Умарбеков из Ташкента, Сухроб Курбанов из Душанбе и другие). У молодежи усилилась тенденция к завершенности и разработанности творческого замысла, четкости линейного и колористического ритма, к конструктивной организованности холстов. Композиция стала рассчитанной, порой почти рационалистичной, каждая деталь выверенной, опосредованной. Возросла требовательность к созданию психологически напряженной среды, к ясности и разносторонности характеристик персонажей. Родился поиск «новой вещественности» — живописец привлекает конкретная жизненная реальность, и в связи с этим они стараются с абсолютной точностью воссоздать все, с чем человек соприкасается в мире вещей. И тем не менее проблема назначения человека на земле, его ответственности перед миром и жизнью и есть та основная идея, которая проходит через все их искания, тот критерий, с которым они выходят навстречу времени.

Противоречит ли это тому, что уже создано советским искусством, ради чего и во имя чего работали предшественники сегодняшней молодежи? Нет, и высокий гуманизм наших идеалов, и жизнеутверждение, и взволнованная публицистичность — все остается непреходящим. Меняется интонация и направленность творческих поисков: не только век, но и десятилетия вносят в историю искусства нечто новое — каждое поколение художников открывает для себя новые аспекты действительности и соответствующие им способы образного мышления.

«Лед и пламень» оказываются не так уж далеки друг от друга — лирика, лирика и публицистика тесно переплетаются в картинах молодых: от живописного познания мира идут они к его психологическому и социальному осмыслению. Избегая обыденного пересказа событий, простой их документализации, они перешагивают жанровую трактовку и, возвысив лад повествования, насыщают полотно глубокими и содержательными раздумьями о человеке.

ТЕПЛЫЙ СИТЕЦ

Мэри вспоминала, вспоминала... Но в конце концов забылась все же в напряженном сне. Услышав стон, она вздрагивала, открывала глаза, потом засыпала вновь, и вновь снился ей отец. Он был то брюнет, то блондин, то молодой, то старый... То с усами, то безусый, зубатый или с лысиной на макушке. Ей снились разные люди, но всякий раз она твердо знала, что это ее отец.

Из окошка под потолком пролились в подвал бледные лучи света. Мэри проснулась, увидела лицо Полины, разбитое, в черных и зеленых кровоподтеках.

Чуть поодаль лежал седоволосый одиорукий старик в обгоревшем ватнике. Мэри и его узнала. Он выступал у них в школе с воспоминаниями о гражданской войне. Пришел вовремя, хотя и хворал. Глотал, прикрывшись ладонью, таблетки, а забывшись, взмахивал во время речи кулечей, будто по-прежнему сжимал саблю.

(«Закончили мы свой поход, — рассказывал он, — на самом Тихом океане! Вода в океане, детки, шибко соленая, пить ее нельзя».)

«Ух ты, какой теплый! — сказал он, когда она повязывала его пионерским галстуком. — Гладила недавно, что ли?»)

...Старик с трудом разлепил опухшие веки, увидел склонившуюся над ним девушку и попытался улыбнуться.

— За что вас, дедушка? — не сдержала слез Мэри и попыталась отгадать сама: — За... Тихий океан?

— Вот, вот! Кулак, говорю, так и сжимается, — прохрипел старик. — Нет его вроде, по локоть руку беляк оттяпал, а чувствую... Чувствую — сжимается! Подожди они книги-то библиотечные, свалили в кучу и подожгли, греются... Эх, говорю им, кулачок так и сжимается! Чувствую!..

В уголке его левого глаза набухла, покатила и исчезла в глубокой сетке морщин маленькая слеза.

— Чувствовать чувствую, — с горечью пожаловался он, — а бить нечем. Поэтому и не в отряде. Но я им, конечно, этого не сказал... Я им про другое: мол, у меня кулачок невидимый, не по скуле бью, а в душу. Испугались они, ногами меня топтать стали.

Мэри подползла к третьему. Она и его узнала. Все в их городе знали друг друга, если не по имени, то в лицо. Не раз видела она и этого парня — на улицах, в магазине. И тогда, в «Комнате смеха»... Толстогубый, курчавый.

Он попытался, опираясь на локти, приподняться, взгляделся в нее и снова безжизненно рухнул на пол.

— Это... ты?.. Ты... помнишь?

Еще бы ей не помнить.

(В горсад, на танцы, уговорила ее пойти Сахаркова из параллельного класса. Как странно все вышло. Выполняя общественное поручение, она прорвала с ней беседу, начав, как обычно:

— Сахаркова, ты что себе думаешь?..

Но поговорили они сверх ожидания очень хорошо.

— Ой, я и сама испереживалась! — оживленно подхватила Сахаркова. — И что у меня за голова такая? — Она кокетливо поправила свои желтые кудряшки. — Никак, ну, никак исторические даты не могу запомнить, хоть убей! Под подушку хронологическую таблицу кладу, поверишь? Не помогает. Завуч снится, а даты — нет.

— Ну, это история, — резонно заметила Мэри, — а как с литературой быть?

— Тебе Евгений Онегин нравится? — ответила Сахаркова вопросом.

— Конечно.

— Ой, и мне тоже! Он симпатичный, правда? А Женку Куцего ты знаешь?

— Хулигана?

— Ну какой же он хулиган? Он мне вчера пион подарил. Сорвал на газоне и подарил.

После беседы они отправились в горсад.

Уже смеркалось, маленький трехтрубный оркестр выдувал из своих легких головокружительный вальс «Амурские волны», но танцующих на асфальтовой площадке не было. Толпились перед входом. Небо обложили густые тучи, река потемнела, посуровела, ожидалась гроза. Поэтому купить билеты никто не рискнул. Однако гроза все медлила, терпение осторожных лопнуло наконец, и танцы завертелась в полную силу.

Мэри кружилась в паре с Сахарковой. Кавалеры почему-то их обходили. Чтобы не терять зря времени, Мэри продолжила прерванную беседу.

— Ты, наверное, механически запоминаешь даты эти, — сказала она. — А нужно сознательно. Ты спроси себя: сколько же это лет прошло со взятия Бастилии? Батюшки, неужели целых сто пятьдесят два с хвостиком? Надо же! Ну и летит же время!.. Поахаеть так, поудивляешься и обязательно запомнишь.

— Думаешь, почему меня танцевать не приглашают? — с раздражением спросила Сахаркова. — Из-за тебя! Ты невезучая, а это передается...

За шиворот танцующим посыпались первые холодные капли. Девочки пронзительно завизжали, оркестранты стали панически собирать ноты. Темное небо над горсадом расколола молния, голубая, как река на географической карте.

— Внимание! — прокричала в рупор контролерша. — В связи с погодой танцы переносятся в павильон! Зеркала только не побейте там, ироды!.. Смейтесь толпой, схватившись за руки, пары бросились через аллею в «Комнату смеха».

Спустя несколько минут ливень стучал уже по гулкой фанерной крыше, как в барабан, сплошная водяная завеса стояла в настежь распахнутых дверях. Воздух посвежел, аромат потревоженных цветов стал еще слаще, а вальс, прерванный грозой, зазвучал здесь, в безопасности, еще более притягательно.

Все танцевали, а Мэри и Сахаркова переходили от зеркала к зеркалу и без малейшей улыбки разглядывали свои отражения. То в раздувшиеся помидоры превращались они, то в длиннейшие тощие огурцы. А там, дальше, за их спиной, неслись в танце какие-то невероятные уродцы: горбуны и горбуны, великаны, карлики, крючконосые упыри...

У Мэри пошла кругом голова, она отвернулась от кривого зеркала и с облегчением, вся переполнившись радостью и восторгом, прерывисто вздохнула. Непередаваемо прекрасны были они! Девочки с разлетевшимися в танце, точно пламя факелов, свечащимися волосами, с нежными, гибкими руками. А ребята? В футболках, туго обтягивающих их крепкие плечи, со снисходительными улыбками на загорелых лицах.

Она снова с боязнью посмотрела в зеркало...

Вот теперь совсем другое дело! Теперь отражения танцующих были такие же, как в жизни, Мэри захотела увидеть так — и увидела, одолела насмешливое стекло. А был бы на ее месте какой-нибудь другой человек, злой, он бы и людей сделал похожими на уродливые отражения. Хорошо, что...

Она не успела додумать. Из тусклой стены дождя в павильон вбежали два совершенно промокших паренька.

— Куда? — вскрикнула контролерша. — А билеты?

Отряхиваясь, будто веселые молодые псы после купания, забрызгав вокруг себя танцующих, они стали притворно шарить по карманам.

— Нет денег, дома забыли, — сказал первый, всем известный сорвиголова Женя Куцый.

— В несгораемом шкапу, — добавил для пушей убедительности второй, толстогубый, с мокрыми кудрями.

«Пропусти их!» — мысленно попросила Мэри.

Контролерша махнула рукой.

— Что с вами сделали? Не выгонять же на простуду. Проходите!

Они тут же приступили к делу.

— Чур, эта моя! — воскликнул первый, бросившись к Сахарковой.

Второй тоже было дернулся к ней, но понял, что опоздал. Тогда он более внимательно посмотрел на Мэри. И отвернулся.

— Ты чего? — крикнул ему дружок, кружась в вальсе со счастливой Сахарковой. — Приглашай! Зато глаза красивые!

Парень покосился на Мэри, кашлянул.

— Говорят, вы сочинения здорово пишете. На свободную тему...

Мэри не ответила. Точно вспомнив о спешном деле, она озабоченно посмотрела на запястье, на воображаемые часы, повернулась и решительно ступила через порог, прямо под дождь. Пробежала несколько шагов и пошла медленней.

Отчего это люди боятся дождя, подумала она, ведь дождь очень красив и был всегда, пора бы уже к нему привыкнуть.

Она вдруг поняла, что никакой обиды у нее нет. На кого обижаться-то? Что ей этот толстогубый курчавый мальчик? Смотри-ка, знает про ее сочинения... Интересно, откуда?

На пустой, блестящей, как серебряная монета, танцплощадке лихо отплясывал длинноногий дождь. Ну и отплясывал же, эх, и отплясывал! Вот это кавалер!..

Мэри выбежала на середину площадки, поклонилась и, раскинув руки, медленно поплыла в придуманном только что танце.

Господи, обижаться на какого-то парня! Да стоит ей только захотеть, и он за ней тенью ходить будет... Она готова поспорить, что теперь, при встрече, он будет вежливо с ней здороваться. Но она не ответит... А может, и ответит. Это же не принципиально.)

Он застался, попытался приподняться.

— Гирьку в варежку... — прошептал он. — Смотрю, Гитлер... Догнал и... огрел. Счет открыл... Гляжу, а это другой. Не Гитлер. Жаль, но... тоже неплохо.

За дверью подвала звякнули ключи, заскрипел засов. Заглянул вчерашний солдат, Ганс. Обвел подвал хмурым, исподлобья взглядом.

— Иващенко, — поманил он пальцем, — пошли!..

Поднялись наверх. Во дворе ожидал второй солдат, Отто.

— Беги, — внезапно шепнул Ганс.

— Что? — переспросила она растерянно.

— Эй, Отто! — громко сказал Ганс. — Покурим?

Они вынули сигареты.

Медленно, как зачарованная, Мэри зашагала по белому утреннему снегу.

— Эй, не торопись...

Это Отто.

До угла было не так уж далеко. Мэри взмахнула руками, словно хотела взлететь, и побежала.

И тут же прогремела автоматная очередь. В лицо брызнуло осколками кирпича. От испуга Мэри упала и, зажмурив глаза, вслушалась в голоса солдат.

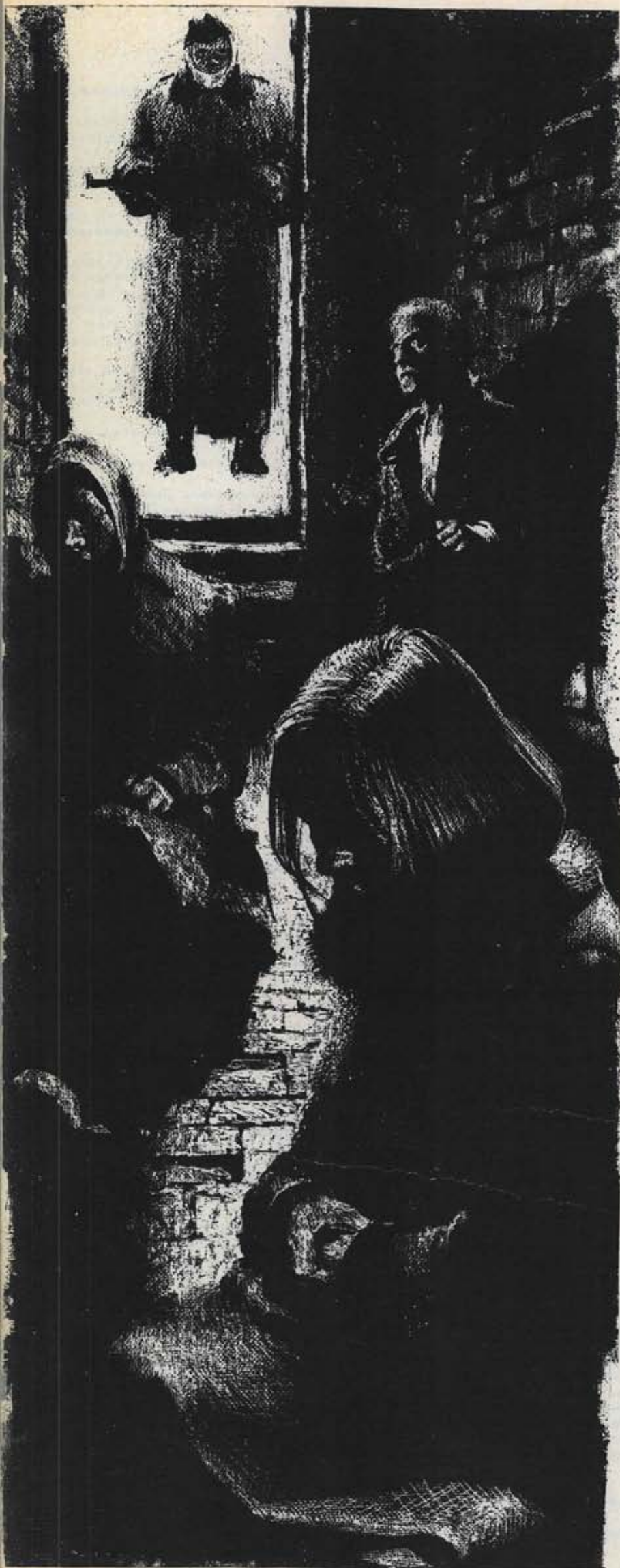

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

— Ты чуть ее не угробил!— кричал Отто.— Если бы я не ударил тебя по руке, ты... Крюгер нас живьем съел бы! Чудак, этой девчонке нет цены!
— Она побежала,— глухо отвечал Ганс.— Я действовал по уставу.
— Верно! Молодец! Но ведь у ворот часовые, не убежала бы.
Он нарочно... Он меня застрелить хотел, догадалась Мэри. Беги, говорит, а сам...

Она поднялась, отряхнула с колен снег. Отводя взгляд, Ганс жадно затягивался сигаретой.

Миновали дежурку. Знакомые лестницы, знакомые коридоры. На дверях классов по-прежнему висели стеклянные таблички с золотыми цифрами: «7 а», «9 а», «6 в». ...А вот и ее класс, бывший... «8 б»...

Слышался деловитый немецкий говор, стучали пишущие машинки, обгоняя Мэри и ее провожатого, торопливо бежали по коридорам солдаты в черных мундирах. Школа непривычно пахла табаком.

Повсюду, громоздясь до самого потолка, вдоль коридоров стояли объемистые ящики.

«Валенки»,— было написано на них по-немецки. «Варежки», «Ушанки»... А сверху: «Дары местного населения».

Не тут ли и материн овчинный жилет?

Отто уже забыл об инциденте.

— Бульонные кубики,— добродушно рассказывал он Гансу,— я сначала разбиваю в носовом платке. Иначе они долго тают...

— Так вот для чего тебе носовой платок...

Отто постучал.

— Войдите!

Белобрый машинистка с сигаретой во рту перестала печатать. За столом, где сидел обычно завуч, сгорбилась в кресле немолодой немец в штатском костюме, с черными круглыми очками на длинном носу.

— Добрый день,— неуверенно, по-немецки поздоровалась Мэри.

— А-аа... Так, так... Гм... Ну и ну!..

Он с любопытством, даже удивлением принялся ее разглядывать. И вдруг, откинувшись на спинку кресла, весело, с каким-то облегчением расхохотался. Снял очки и желтым, обкуренным пальцем вытер заслезившиеся глаза.

Отто тоже смеялся. Но деликатно, в кулак. Машинистка молчала.

— Теперь все ясно...— задумчиво проговорил очкастый.— Так вот, Мэри Иващенко... Хотя я человек военный, называй меня герр Крюгер. Ты позволишь мне сразу перейти на «ты»?

— Пожалуйста,— пересохшими губами произнесла Мэри.

— Благодарю. Ты неплохо говоришь по-немецки.

— Понимаю я хорошо, а говорю хуже...

— Нет, нет,— великодушно возразил он,— и говоришь ты неплохо. Скажи, это верно, что ты... гм... мечтаешь... э... изобрести теплый ситец?

— Теплый ситец? — переспросила Мэри.

Он помолчал, рассматривая ее, потом, усмехнувшись, взял со стола синюю ученическую тетрадку.

— Видишь ли,— доверительно посмотрел он на Мэри,— в недалеком прошлом я был преподавателем в гимназии. Да, да! Как это у вас называется? Учителем... Естественно, что сейчас, куда бы ни заносила меня солдатская судьба, своей... гм.. резиденцией... вот именно... я стараюсь избрать школьные помещения... Знакомая обстановка,— развел он руками,— классы, парты... Я тут случайно несколько сочинений обнаружил, очень занятые.— Он развернул тетрадку и прочел вслух:

— «...С детства полюбила я цех, в котором работает моя мама. Может, это и упущение вахтеров, но я проходила на фабрику без препятствий с их стороны. Поднимусь на второй этаж, и вот я в отделочном, у мамы. Она у меня — раклист. Плиты стального паркета рядом с машиной вечно в пятнах краски, вертятся валы, кружатся щетки, и льется, льется вверх бесконечная яркая река ситца...».

Мэри узнала свое сочинение на свободную тему. Она писала его в восьмом классе, на экзамене по литературе. Многие писали на темы пройденного за год материала, а она и еще один мальчик на свободную: «Мечта моей жизни».

— Я и с другим сочинением ознакомился,— весело сказал герр Крюгер,— некоего Парамонова... Подумать только! «Мечтаю стать летчиком, летать выше, дальше и быстрее всех, мечтаю схватиться с врагом, мечтаю также стать ворошиловским стрелком, что всегда может согдиться, и еще я мечтаю...»

— Каково? Целый список! Интересно, куда угодила немецкая пуля этому ворошиловскому стрелку? Должно быть, в лоб, на котором еще ни единой морщинки... Мечтатели! Мы едва за ними поспеваем...

— Но... Я слышала...— Мэри провела языком по шершавым, сухим губам,— что... наши... уже к шоссе... Извините...

От смеха он снова откинулся на спинку кресла.

Деликатно, в кулак, вторил ему Отто. Машинистка молчала.

— Понимаю,— кивнул герр Крюгер.— Последнее послание почтально... Ну, хорошо. Вернемся к твоему сочинению.— Он взял тетрадь и стал читать дальше.

— «...Прошло несколько лет, и мама могла уже спокойно отлучаться от машины, я работала вместо нее. Идем, бывало, вдвоем со смены и белые нитки друг с дружкой обираем. Мы их «блондинами» называли.

— Мам,— как-то спросила я,— сколько же рисунков ситца существует?

— Сотни их, тысячи... Чем люди лучше живут, тем рисунков больше. Одни радуют, другие веселят. Старые раклисты, слышала я, такой ситец мечтали набить, чтобы согрел он...

С тех пор задумала и я изобрести когда-нибудь теплый ситец. Не в переносном смысле теплый, а в буквальном... Чтобы вместо шуб женщины щеголяли зимой в ярких, нарядных сарафанах...»

— Каково? — спросил герр Крюгер.

Мэри смущенно опустила голову.

— Смотри мне в глаза!

Она испуганно подняла голову и встретилась с его сверкающим взглядом.

— Ты можешь изобрести теплый ситец?

«Валенки»,— вспомнила Мэри,— «Варежки», «Ушанки»...

— Не-ет...— тихо произнесла она.— Нет...

— Я так и думал!

— Герр Крюгер,— кашлянул Отто,— извините, но... Не врет ли она?.. Эти русские — все поголовно... — И осекся.

Герр Крюгер барабанил пальцами по столу.
— Я очень мерзну здесь, — осмелился продолжить Отто, — поэтому...
— Сколько дней вы не чистили своих сапог?
— Я? Дело в том, что...
— Если работа при штабе вас... эээ... В таком случае...
Отто победил.
— Виноват, герр Крюгер! Виноват! Разрешите исправить? Я... Это рядом.
— Идите.
Солдат выбежал. Герр Крюгер потер лоб.
— Гм... Да... А Ганс? Черт возьми, где Ганс? Фрау Герда, не будем терять времени, придется вам...
Машинистка вынула изо рта сигарету и нехотя поднялась.
— Прошу вас, — отвела она взгляд. — Пожалуйста, увольте меня от ваших...
— Фрау Герда, — сухо произнес он. — Это приказ.
Машинистка сжала губы и подошла к Мэри. Зажмурилась. Лицо ее медленно залилось краской. Протянув руку с намятыми пальцами, она, как слепая, нащупала плечо девушки и сильно толкнула ее.
От неожиданности и удивления Мэри пошатнулась и, потеряв равновесие, ударилась затылком о стену.
— Вы что? — вскрикнула она с обидой.
Вернулся Отто. Сапоги его так и сияли. Слово две глыбы антрацита.
— Ведите ее туда, — приказал герр Крюгер. — И впредь воздерживайтесь... эээ...
— Слушаюсь!
Солдат сделал три тяжелых шага и распахнул свежеструганную боковую дверь. Прежде ее здесь не было. Очевидно, немцы сами перегородили учительскую. В открывшемся помещении — квадратном, без окон — под потолком горела голая электрическая лампочка, цементный пол был покатым, похожим на очень плоскую воронку, в центре его темнело забранное решетчатое отверстие, в стене торчал водопроводный кран со шлангом.
Отто толкнул Мэри в эту комнату, повернул к себе, примерился и, крикнув, ударил ее сапогом в живот.
Она упала на колени, в глазах стало темно, дыхание остановилось. Еще один удар. В лицо... Мгновенная отвратительная вонь ваксы.
Очнувшись Мэри от холода. Из резинового шланга, пульсируя, текла ледяная тонкая струя. Плоско разливаясь вокруг головы, она со звоном обрушивалась затем вниз, сквозь заржавленную решетку. Мэри отодвинула гудящую голову, глотнула воды. В соседней комнате стремительно стрекотала машинка, герр Крюгер диктовал.
— Очнувшись? Отто, поднимите ее. Так вот, Мэри Иващенко... Мы вынуждены отучить тебя от беспредметных, не идущих дальше красивых слов мечтаний...
— Дяденька, — со слезами взмолилась Мэри. — Я просто так написала. У меня настроение было хорошее. Я... чтоб красиво!..
Герр Крюгер усмехнулся, посмотрел на часы.
— Значит, не будешь мечтать?
Следовало бы согласиться с ним, но как ни старалась Мэри, она этого не смогла. Не мечтать? Да разве можно удержаться и не мечтать? «Буду, буду мечтать!» — хотела она крикнуть, но губы не послушались ее и, словно сами собой, выговорили:
— Не знаю...
Герр Крюгер удовлетворенно закивал головой.
— Очень хорошо. На сегодня достаточно...
Отто вытащил всхлипывающую Мэри во двор. Торопливо подошел Ганс.
— Ну?!
— Напрасные надежды, — уныло махнул рукой Отто. — Она ничего не знает.
Ганс почему-то повеселел. Набрал пригоршню снега.
— Вот, приложи, это поможет.
Все еще всхлипывая, она оттолкнула его руку.
— Не надо! Не надо мне... вашего снега!
Отто засмеялся.
— Ну и чудак ты, Ганс. То чуть не пристрелил ее, то снега не жалей.
Он вернулся в школу, а Ганс повел Мэри в подвал.
— Это не мой снег, — произнес он тихо, — это твой снег.
Часовой, насвистывая что-то, стал отпирать дверь одного из отсеков.
— Я не отсюда, — угрюмо произнесла Мэри. — Мне вот сюда... — Она попыталась объяснить им по-немецки.
Часовой ослабилась.
— Она хочет к себе! — хлопнул он рукой по бедру. — Она соскучилась по дому! Таковы все русские!
— Таковы все люди, — буркнул Ганс.
...Мэри молча легла рядом с Полиной, собрала с подошв снег и, приложив его к губам, тихо плакала.
— Поплачь, поплачь, — шепотом утешала ее Полина, — не стесняйся. Если хочешь, плачь в голос, плачь!..
Седоволосый старик, покряхтев, встал с земли и, держась за стенку, подошел ближе.
— Видела длинноносого-то? — спросил он. — В очках который... Ну и лют же, ну и лют! — В голосе его прозвучало неподдельное удивление. — Хоть на сельскохозяйственной выставке его показывали.
— Ситец его рассердил, — всхлинула Мэри, — теплый ситец. Чего, говорит, мечтаешь? Попусту, мол. Дурак какой-то.
Расспросив поподробнее, старик задумался.
— Ладно еще, что люди от страха не умнеют, — произнес он, — а то... В углу поднялась курчавая голова.
— Она бы ему все равно не сказала. Если бы и придумала.
— Ни за что! — подтвердила Мэри. — Даже если бы... Ни за что бы... не проговорила.
Она невольно произнесла то самое слово. Услышанное от Ганса.
— Выбьют, — прошептала Полина. — Ногти у них на ручищах... как на ногах... А в шкафу... в книжном... Там у них крючья...
Мэри вспомнила антрацитовые сапоги Отто, ползала губу.
— Я и простой ситец не очень-то... — призналась она со всхлипом. — Куда мне теплый... Одну смену только и проработала.
Все молчали. Было тихо и за стеной. Вернее, стоны и кашель слыша-

лись за ней по-прежнему, но смех больше не доносился. Отсмеялся, видно, одессит.
Заскрипел засов.
На пороге, хмурясь, стоял Отто.
— Ты, — ткнул он в Полину, — пошли!
...Через час он притащил ее обратно, бросил на пол и нетерпеливыми пинками поднял старика.
— Что дерешься, боров? — отмахивался тот единственной рукой. — Я таким, как ты, третий глаз во лбу делал. — Он вытащил из кармана сухарь, положил его на колени Мэри. — Не забывай, внучка...
— Дед, — проговорил вслед ему курчавый. — Эх, ты бы через себя его... С подсечкой!
— Прощайте! — уже за дверью слабо крикнул старик.
...Снова заскрипел засов — на этот раз пришел Ганс. Только он показался в дверях, курчавый с трудом встал, сжал кулаки и, пощипываясь, пошел навстречу.
Ганс встретился с глазами затаившей дыхание Мэри, отвел взгляд. Курчавый поставил ногу на первую ступеньку, на вторую, кинулся вперед, но Ганс чуть отступил, парень промахнулся, запрокинулся, хватаясь за воздух, и рухнул бы вниз, если бы немец не схватил его за шиворот.
— Ничего, пустяки, — сказал Ганс взглянувшему на шум часовому.
Мэри пыталась привести в чувство Полину. В камере было уже темно, за дверью переговаривались солдаты, менялись посты.
— Ты, говорит, машину ломаешь, — горячечной скороговоркой стала наконец рассказывать Полина. — Ты, говорит, партизанка. Хотела лишить немецкую армию кальсон. Из-за тебя, говорит, отбелка тянется. Обовшивели они...
Мэри гладила Полину по спутавшимся, с комками запекшейся крови волосам, по горячему лбу.
— Поела бы, тетя Поль, — просила она сквозь слезы. — У меня сухарь есть. Я тебе покрошу...
— Какая же я партизанка? — скороговоркой шептала Полина. — Я листовку до конца прочесть боялась. Какая же я... Я как все. Ешь — потей, работай — мерзни... Только-то... А они...
Поздним вечером Ганс и Отто притащили курчавого. У Отто было сильно расквашен нос, зеленая шинель замарана кровью.
— Выродок! — орал он. — Свинья! — И все бил курчавого свободной левой рукой.
— Довольно! — унимал его Ганс. — Побереги пальцы... Слышишь, довольно!
— А если бы он угодил не в мой нос, а в твой?..
— Он знал, чей нос выбирать.
— Так, так... Ясно!
Заскрипел засов, наступила тишина. Только размеренно топал за дверью часовой да слышались изредка какие-то звуки из соседних отсеков: то ли стон, то ли кашель, а может, смех.
Мэри подползла к курчавому, собрала у него с ботинок снег, слепила его со своим, уже заледеневшим, пропитанным кровью снежком и приложила к губам парня.
— И на следующий раз, — проговорил он, — гирьку в варежку... Смотрю, снова Гитлер идет. Примерился. Рраз!..
Тело его, столько раз уже битое, ломанное, искалеченное мальчишеское тело, вдруг затряслось.
— Другой, не Гитлер, — давился он плачем. — Тоже неплохо... Но... Не Гитлер... Эх!
— Поплачь, — шепотом произнесла Мэри, — не стесняйся. Мы свои. Хочешь сухарика? Поешь, будешь крепче.
Да, по-настоящему, всю смену, Мэри работала только один раз. Получилось это так...
Как-то под утро она проснулась от звона и грохота, оказалось, что матери стало нехорошо, а позвать она не смогла, голос пропал... Поэтому она столкнула с тумбочки стеклянный кувшин с лимонным напитком.
Приехала «неотложка».
— Эх, не вовремя, — едва слышно бормотала мать. — Полину перефорсировать... Полпроцента...
— Мама, — семенила возле носилок Мэри. — Ты какой рисунок работала? Мама!
— Мильфлер.
Хотя Мэри очень напугал вид больничной комнаты с тремя пустыми койками, на фабрику она все же пошла. И вот начался ее первый рабочий полный день. И единственный...
В кладовой среди множества валов она выбрала три, с дополняющими друг дружку рисунками — решила печатать в три краски — и самых толстых, чтобы выше была производительность труда. Рисунок, общий, тот, что должен был родиться на ткани, ей очень понравился, потому что был старинным — не только номер, но и название у него имелось: мильфлер — маленькие розочки на белом поле.
Похожей на меч стальной полоской ракли Мэри несколько раз рубанула по воздуху, звук был свистящий, резкий. Значит, ракли достаточно тонкая, если в краске окажутся комочки, она прогнетется и пропустит их, щелкнет — и все, а рисунок на ткани не испортится.
Крепко зажав ракли в тиски, Мэри напильником освежила на ней фаску, потом еще и наждаком прошлась. Жало получилось острое и чистое.
Мастер ей привез на тележке рулон белого миткаля, вдвоем они принесли кадушки с алой, синей и зеленой краской...
И вот уже загрохотала, заревела машина, заполняя красками вытравленные на валах гравюры, завертелась щетки, побежала вверх, по кирзе, новая ткань. Обойти машину — белый миткаль струится вниз, в скважину между валами, а здесь он уже весь в алых розочках с темно-зелеными листиками... Круглыми пристальными глазами всматривалась Мэри в гладкий поток ситца, следила, чтобы не забилась пухом гравюра, подливала деревянным черпаком в длинные жестяные корытца краску...
Ситец! Ситец... Где ты, вчерашний, ставший сладостным воспоминанием день? Эх, жаль, работать научилась, а поработать-то не пришлось.
Так и уснула Мэри с этим горьким вздохом. Полвздоха до сна, а полвздоха — уже во сне.

Окончание в следующем номере.

Читательская конференция

«Смены»

Челябинский трубопрокатный завод — мощное современное предприятие, выпускающее стальные трубы для магистральных нефте- и газопроводов. Три миллиона труб в год идут на стройки нашей страны и за рубеж. Челябинскому трубопрокатному был посвящен специальный выпуск «Смены». Номер журнала заинтересованно, горячо обсуждался на заводе.

После выхода журнала редакция провела на заводе читательскую конференцию, где трубопрокатчики высказали свое мнение о том номере «Смены», и, продолжив разговор, поднятый на ее страницах, затронули ряд новых проблем.

На читательской конференции выступили Юрий Варакин, Борис Козицын, Петр Абраменко, Галина Горланцева, Евгений Федюкин, Александр Романов, Виктор Кузнецов, Надежда Малышева, Светлана Бондаренко.

В работе конференции приняли участие секретарь парткома И. Г. Соболев, директор завода Я. П. Осадчий.

Некоторые вопросы, поднятые на читательской конференции по журналу «Смена» № 7, были рассмотрены в парткоме завода.

На своем заседании партком заслушал отчет «О работе комитета комсомола по коммунистическому воспитанию молодежи в свете решений XXIV съезда КПСС и XVII съезда ВЛКСМ». В числе других вопросов, связанных с деятельностью комитета комсомола, партком завода обратил внимание на недостаточную спортивно-массовую работу, проводимую совместно со спортивным клубом «Восход» и заводской комсомольской организацией, и постановил активизировать работу цеховых комсомольских организаций по вовлечению комсомольцев и молодежи в спортивно-массовую работу и художественную самодеятельность.

Комитет комсомола совместно с представителями профкома и спортивного клуба «Восход» наметил конкретные мероприятия по вопросам, поднятым на читательской конференции. Вопрос об увеличении числа спортивных секций в СК «Восход» поставлен перед правлением спортклуба, вопрос об улучшении качества футбольного поля решается администрацией завода совместно со спортклубом и комитетом комсомола. Упорядочен календарь игр на первенство завода по футболу. В честь Дня молодежи на заводском стадионе состоялся большой спортивный праздник. В честь Дня физкультурника совместно с Дворцом культуры проводится кинофестиваль «Спорт — спорт — спорт», проходят встречи молодежи с ветеранами и мастерами спорта. На стадионе трубопрокатного завода в День физкультурника состоялись показательные выступления борцов, разыгрывался кубок по футболу, прошли массовая сдача норм ГТО и выступления спортсменов-гребцов.

Согласован совместный план работы Дворца культуры с комитетом комсомола, который включает проведение цикла тематических вечеров и вечеров отдыха.

Проведены следующие мероприятия: торжественный вечер, посвященный 50-летию со дня присвоения комсомолу имени В. И. Ленина, вечера отдыха, вечер вальса, «Гитара и скрипка». Намечено продолжение традиционных комсомольских «пятниц», клуба молодого трубопрокатчика, проведение в мужском общежитии заседаний клуба «Современник», в женском — «Уралочка».

В. НИКИТИН,
зам. секретаря парткома
А. СЕВАСТЬЯНОВ,
секретарь комитета ВЛКСМ

Борис АВСАРАГОВ

Даже и не видя среди ночи,
Знаю: ты жива наверняка.
И спросить во сне о чем-то хочешь.
Светится впотьмах твоя рука.

В близости твоей, в успокоенье
Есть повсюду жизни и любви.
Нет забвенья, нет ни в чем забвенья.
Я-то ладно. Только ты живи.

Что забыто на ночь — непорочно,
Призрачно, безгрешно, потому,
Видно, забыть твоё непрочю —
Ты во сне не помнишь что к чему.

Существо, которое стучится
К нам в тепло, не знает ни о чем.
Это желтокрылая синица.
Там живут поверья — за окном.

Даже и не видя среди ночи,
Знаешь: я с тобой наверняка.
Ты меня спросить о чем-то хочешь.
Смотришь на меня издали.

Не от мира, из другого века,
Вскинувшись, ты бросишься к пальто,
Голосом живого человека,
Озираясь, спросишь: «Кто там, кто!»

Забойщик неба голубого —
Сереброклювый самолет.
Как бы побочный сын стихии —
Его пронзительный пилот.

Что, содрогнувшись, без боязни
Перед барьером звуковым
Беззвучно ринется за тенью
Мгновенья, а оно — за ним.

И, скорлупу небес проклюнув
И торкнувшись в земной предел,
Он даже грома не услышит,
Который сам предусмотрел.

И серебристый алюминий,
Распавшийся на лепестки,
Над ним, порхая, будет помнить,
Какне вдруг разжал тиски.

В навном ужасе сознания
Его, как сына, примет лес.
Земля очнется, леденя,
Перед забойщиком небес.

В ничтожном, теплящемся теле,
Земном, светящемся почти,
Сокрыто будет только время.
Другим его не превзойти.

Все — деревья, поля и дома
Переходят на зимнюю форму.
Это проза. Не вернется в норму.
От поэзии сходишь с ума:
Вот, пожалуйста, светится тьма.
Было прежде, а значит, давно.
Было кратко — вовек не продлится.
Так причудливы старые лица.
Улыбнутся, а вам не смешно.
Впрочем, так ли уж это грешно!
Что тревожиться нам по себе!
От снегов превратятся в распятыя
Огородные чучела в платье —
Прошлогоднем, ислевшем тряпье.
Может быть, так угодно судьбе.
Вот иронии зимней штрихи:
В белых шапочках пики заборов.
Кратковременность встреч,

разговоров.
На окрестность слетают с ольхи
Семена, что к морозам глухи.
Мягче линии. Пух в проводах.
Исказились людей очертанья,
Будто снегом гнушаются втайне:
Легкий, снежный, ликующий взмах,
Снег — ко благу — винушает
им страх!

Но деревья, поля и дома
Переходят на зимнюю форму.
Содержанье возвысило норму —
От поэзии сходишь с ума:
Не всегда наступает зима.

Старость и молодость — это одно.
Время же — это иное.
В бездну любви отворяю окно:
Господи, что же такое!

Ранние страсти уже улеглись.
Поздним — пора не настала.
Высушит ветер весеннюю слизь.
Осень зальет поддувала.

Есть в бескорыстьи природы черта —
Как бы намек беспристрастья.
Призрак летучий — ее красота.
В ней — артистизм соучастья.

Нет красоты, чтобы lika ее
Тенью печаль не коснулась.
Невозвратимо мое бытие —
Тайна и мне улыбнулась.

Дышат деревья, ликует трава,
Люди смеются и плачут.
Значит, достанет и нам торжества,
Время хоть что-то, да значит.

Со стр. 11.

«ХОЧЕТСЯ СДЕЛАТЬ ОЧЕНЬ МНОГО...»

все мои будущие друзья были подобны ей, моему Сашку, как часто я называл ее мысленно, но ни разу не назвал вслух.

Дорогие мои! Я не хочу успокаивать вас. Я хочу лишь разделить вместе с вами эту скорбь.

Сейчас поправляюсь от ран. Скоро-скоро буду вновь на фронте. Я буду мстить врагам за Вашу дочь!

Герман Свинцов

Коротко о себе. Мне 22 года, лейтенант, медик по образованию.

7 ноября 1947 г.
с. Лебяжье

Октябрьский привет и наилучшие пожелания!

Многоуважаемая Павлина Дмитриевна! Желаем вам доброго здоровья и спокойной жизни! Полностью разделяю Ваше горе, горе матери, потерявшей любимую дочь во время войны. Имя Вашей Саши не сотрует века! Это они, наши дорогие дети — сыновья и дочери, — завоевали для нас свободную жизнь. Я преклоняюсь перед Вами, матерью дочери-героини, я преклоняюсь перед всеми матерями погибших героев. Я, как мать единственного любимого сына, как учитель, имеющий 30-летний учительский стаж, за годы войны пережила многое, и за своего сына и за своих питомцев-учеников, особенно за выпускников 1941 года, класса, в котором учился мой сын Гер-

ман. Этот коллектив я вела, начиная с V класса. Вела до 10-го класса основную дисциплину — русский язык и литературу. Последние 3 года была классным руководителем. Я отдала этому классу — этим 30 комсомольцам — юношам и девушкам, все лучшее, я отдала им душу. Из них четверо погибли смертью храбрых.

Мы сейчас в школе с глубоким уважением вспоминаем имена своих юные жизни за счастье народа. Сотни воспитанников приезжают к нам в школу для встреч со своими старыми учителями. Радостно видеть возмужалых, закаленных, прошедших через огонь воинов!

Мой сын в настоящий момент слушатель Военно-медицинской академии имени Кирова. Нынче он был в отпуске с 15 июня по 15 июля. Успешно готовился к поступлению в

академию. И поступил, сдал одним из первых. Война, ранения отложили большой отпечаток на его здоровье. Ему пришлось с большим упорством отвоевать свое право учиться в академии. Он оказался стойким. Это радует.

Привет Вам, многострадальной матери. Гордитесь дочерью-героиней! Растите свою младшую дочь! Пусть образ старшей сестры явится для нее примером героизма в труде и борьбе.

Привет всей Вашей семье. Будьте здоровы и счастливы!

С приветом и уважением к Вам мать боевого друга вашей дочери-героини
Н. Свинцова

Подготовил к публикации
Н. МИХАЙЛОВ.

ЯНВАРСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. КРИЗИС
В «АЛЬМА МАТЕР»
2. ЛЕГЕНДА
ПРОДОЛЖАЕТ ЖИТЬ
3. ЛЕТАТ
18 МИЛЛИАРДОВ...
4. ЕЩЕ РАЗ
О СПАСЕНИИ
ВЕНЕЦИИ
5. ЗАГАДКА
СПЯЩЕЙ
КРАСАВИЦЫ
6. ОРАНГУТАНГ
ИСЧЕЗАЕТ
7. ДЕРЕВЯННЫЕ ХРАМЫ
СЕВЕРА
8. НЕЖДАНАЯ
УДАЧА
9. ПЯТЬ ЛЕТ
СРЕДИ ВОЛКОВ
10. ПРОГУЛКА...
НАД ГОРОДОМ
11. ДВА ЛИЦА
БАНТУСТАНОВ

Информация о зарубежной прессе.
Материалы печатаются в изложении.

1.

В Аргентине состоялась забастовка, объявленная Конфедерацией трудящихся системы высшего образования, объединяющей 300 тысяч членов.

Забастовщики протестовали против невыполнения властями положений коллективных договоров, предусматривающих повышение минимальной заработной платы, увеличение размера пенсий, твердые гарантии против увольнения преподавательского состава.

Забастовка была поддержана студентами. В частности, в Буэнос-Айресе они провели демонстрации протеста против политики правительства в вопросах образования, которые затем завершились занятием территории столичного университета.

Полиция ворвалась в университет и арестовала 90 студентов. Как сообщила декан факультета философии и литературы Андриана Пуигрос, полицейские применили при этом слезоточивый газ. Она также была арестована. Во время ареста полицейский чин спросил ее: «Вы декан? Тогда вас нужно арестовать первой».

Наблюдатели, комментируя положение, создавшееся в университетах Аргентины, отмечают, что конфликт студенчества с властями подчеркивает единство действий преподавателей и студентов, полное совпадение их интересов и требований, что бывало довольно редко.

Преподаватели, учащиеся требуют демократизации системы образования, запрещения преподавать иностранцам, ставленникам монополий.

Руководители студенчества создали в Буэнос-Айресе пресс-конференцию, на которой заявили, что «отдадут все силы, чтобы организовать народное сопротивление преступным проискам империализма и олигархии, пытающихся создать условия для реакционного переворота». Они также сообщили о своем намерении организовать народную милицию для того, чтобы быть готовыми в любой момент дать вооруженный отпор реакции.

«ВОЗМНА», КУБА

2.

Каждые два года итальянский город Маростика возвращается на пять веков назад и улицы его наполняются рыцарями и пажами, облаченными в костюмы XV века. Поводом для этого праздника является историческая шахматная партия, игранная некогда не на шахматной доске, а на площади города. В сущности, история находится где-то между истиной и легендой, однако жители города уверены, что она действительно происходила и именно 12 сентября 1454 года.

Два молодых человека без памяти влюбились в прекрасную Леонору, дочь губернатора Маростики, находившегося под управлением Венецианской республики. Решить судьбу двух влюбленных должен был поединок, но в Венецианской республике дуэли были запрещены, и губернатор распорядился провести его с помощью шахматной партии. Вместо фигур на разбитой на клетки самой большой площади города передвигались живые люди, одетые в черные и белые костюмы. Соперники сообщали свои ходы герольдам, которые громко объявляли их всем присутствующим.

Память о необыкновенном поединке сохранялась лишь в рассказах стариков, пока в 1920 году кому-то не пришла в голову идея воспроизвести его, используя в качестве актеров жителей города. С тех пор, исключая период войны, каждые два года в Маростике играет традиционная шахматная партия, и каждый раз она обогащается новыми подробностями.

Сейчас спектакль дается около двух часов и играет три раза в два дня.

«ДОМЕНИКА ДЕЛЬ КОРРЬЕРЕ», ИТАЛИЯ

3.

Три дня заседали эксперты Бельгии, Голландии, Дании и Норвегии в Брюсселе, пытались выбрать наиболее подходящий самолет из пяти предложенных их вниманию — шведского «Вигена», американских «ИФ-16» и «ИФ-17», французского «Миража Ф1М-53» и англо-французского «Ягуара». Речь шла о заказе на 350 боевых самолетов стоимостью в 18 миллиардов франков. Крупнейшие самолетостроительные компании Запада оспаривают этот жирный кусок с остротой, достойной такой суммы.

А все дело в желании стран «северного фланга НАТО» оснастить ВВС одинаковым и новейшим самолетом. Вот почему самолетостроительные компании стремятся перещеголять друг друга в «щедрости»: шведы предлагают построить 4 завода, американцы, англичане и французы — участие в прибылях. Их можно понять. Ведь договоры о продаже вооружения подобны матрешке — первая сделка помогает заключить последующие, а общее количество проданных самолетов, как предполагается, превысит полторы тысячи.

«Виген» и «Ягуар» практически вывели из борьбы: первый из-за недавней гибели двух самолетов, а также из-за того, что Швеция — нейтральная страна. Второй предназначен для поражения наземных целей, а «четверке» нужен высотный перехватчик.

Острейшая борьба идет между французами и американцами. От исхода этой битвы зависит судьба самолетостроительной промышленности обеих стран. Ради успеха правительства Франции и США готовы закупить некоторое количество своих самолетов для собственных армий, хотя первоначально и не собирались этого делать.

Подавляющее превосходство американцев в гражданском самолетостроении вынуждает Францию возлагать особые надежды на «Мираж Ф1М-53». В случае неудачи все западноевропейское самолетостроение окажется перед перспективой медленной смерти. «Мираж», с точки зрения НАТО, есть существенный недостаток. Голландцы заявляют: «Почему мы должны выбирать французский самолет для оснащения армий четырех стран — членов военной организации НАТО, из которой Франция вышла?» Париж, естественно, воздерживается от призыва «Покупайте у Франции», он просто говорит: «Покупайте у Европы».

«ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

4.

Венеция, которую считают красивейшим городом мира, не протанет и полусотни лет, если немедленно не приступит к действенным акциям. Жемчужина Адриатики, некогда благодаря своему могуществу контролировавшая Средиземное море, стала нынче вместе со своими изу-

мительными дворцами и чудесными храмами захиревшим, умирающим городом. Около двухсот промышленных предприятий, расположенных в пригородах, отравляют воздух смогом и спускают ядовитые отбросы в венецианскую лагуну. Эти предприятия откачивают для своих нужд пресную воду, что приводит к нарушению гидрологического режима всей зоны. В Венеции расположен самый крупный в Италии нефтехимический завод, к которому через лагуну проходят танкеры с грузом нефти. Для этого лагуну пришлось углубить, проложив по дну канал глубиной 14 метров. Это увеличило угрозу наводнений для Венеции. Но для больших танкеров глубина эта оказалась недостаточной, и теперь планируется увеличить ее до 40 метров. В довершение всего неподалеку предполагается строительство самого большого в Европе порта.

Несмотря на существование закона об охране Венеции, негласное давление промышленных кругов как в Риме, так и в самой Венеции сводит на нет все усилия. Вообще же о спасении Венеции до сей поры больше беспокоились, как ни странно, не итальянцы, а иностранцы: патронат над всемирной акцией «Спасите Венецию» взяла на себя ЮНЕСКО, а международный банковский консорциум предоставил для этой цели итальянскому правительству заем на сумму в 500 миллионов долларов. Неизвестно, куда уплыли эти деньги, только для спасения Венеции не было истрачено ни одного доллара. Вероятнее всего, итальянское правительство пустило эти средства для укрепления пошатнувшейся лиры.

Бюрократизм и нерешительность властей в решении вопроса о существовании Венеции вызывают обоснованную критику: лондонская газета «Таймс» писала, что Венецию прежде всего следует спасти от итальянского правительства и местных властей, и не без сарказма предложила устроить сбор пожертвований под лозунгом «Коррупция для Венеции», чтобы затем подкупить соответствующих представителей власти. А газета «Гардиан» потребовала, чтобы Венецию заняли войска ООН. Но все это пока только одни слова. Похоже на то, что Венеция с ее 900 дворцами, 105 храмами и 400 мостами обречена.

«ШТЕРН», ФРГ

5.

Впервые одиннадцатилетняя Низрета Махович из Югославии узнала о рождении брата 7 мая 1974 года. Бабушка сказала ей об этом, когда девочка вернулась из школы. Низрета крикнула: «Мне не нужно никакого брата! Я ненавижу его». Бросилась в свою комнату,

упала на кровать и провалилась в глубокий сон.

Отец, придя домой, пытался разбудить ее, но не смог. Девочка, по всей видимости, была в коматозном состоянии. Вызвали врача, однако тот сказал, что никаких нарушений в физическом состоянии ребенка нет. А Низрета продолжала спать. И день, и второй, и пятый... Силы ее врачи поддерживали вливаниями глюкозы.

Когда сообщения о Низрете появились в печати, ее тут же назвали «спящей красавицей». Девочку перевезли в Скопье, где создана одна из самых современных больниц в Европе. Были приглашены медики и психиатры из разных стран. Врачи пытались разбудить Низрету вопросами, начали ее на руках, пробовали просто уговорить проснуться — все тщетно. Век «спящей красавицы» чуть вздрагивала, она вздыхала и продолжала спать.

На двадцать пятый день коматозного состояния у кровати больной дежурил профессор Максим Стерник. И никто в больнице не знал тогда, что в ста пятидесяти милях от города крошечный брат Низреты, пораженный кишечной инфекцией, борется за свою жизнь.

В одиннадцатый двадцать утра Низрета проснулась, зевнула и спросила: «Где я? Почему оказалась в этой кровати? Где моя мама?»

В этот самый момент брат ее умер.

Ревновала ли, сама того не создавая, Низрета своих родителей к новорожденному брату?

Страдала ли от определенного рода эмоциональной травмы с той минуты, когда ей сказали о рождении брата?

И почему она проснулась в тот момент, когда он умер?

На эти вопросы медики-специалисты все еще ищут ответы.

«УЙКЕНД», АНГЛИЯ

6.

В джунглях Суматры и Калимантана живет около пяти тысяч orangutanов. Это число непрерывно уменьшается, потому что директора зоопарков в капиталистических странах покупают выловленных и вывезенных контрабандой животных. Браконьеры убивают самок для того, чтобы иметь возможность выловить детенышей и вывезти их из страны. Молодые животные, однако, не выдерживают транспортировки, и обыкновенно на одного живого приходится семь мертвых. Если orangutan не будет поставлен под защиту международных законов, он исчезнет как вид уже в ближайшие десять — пятнадцать лет!

«НБИ», ГДР

7.

Вероятно, каждый, кто побывал в Норвегии или интересовался этой страной, знает о ее деревянных церквях. Эти хрупкие, пропитанные смолой и высушенные солнцем постройки, которым сотни лет, так же типичны для Норвегии, как ее горы, фиорды и северное солнце. В этих необычных чешуйчатых сооружениях есть что-то от восточных пагод, которые здесь, на севере, очутились по недоразумению.

Храмы, сделанные из сосны, целыми веками сопротивлялись стихиям. Даже не верится, что они могли выстоять так долго. Большинство этих церквушек (всего их тридцать одна) находится в сказочно прекрасной местности. Самая красивая из них была построена в XII веке в Лазрдалской долине,

недалеко от Осло. Эта церковь со ступенчатыми крышами и торчащими в разные стороны головами драконов (именно такие головы украшали некогда корабли викингов), несомненно, является одним из старейших в мире сохранившихся деревянных зданий.

Однако церковь в Урнесе на западном берегу Лустерфиорда в определенной мере еще старше. Хотя она была построена «всего» около 1200 года, но лет за сто до этого на ее месте стояла другая, маленькая, некоторые детали которой были использованы при постройке новой. Таким элементом стал, например, резной деревянный портал большой художественной ценности.

Особенностью строительной технологии этих церквей является наличие толстых досок, соединяющихся между собой при помощи выступа и паза. Доски стоят на квадратной раме из бревен, которая, в свою очередь, установлена на каменном основании, предохраняющем дерево от влаги. По углам церкви расположены крытые столбы, соединенные наверху балками. Эта конструкция несет на себе крышу. Отдельные деревянные детали подогнаны с такой точностью, что все здание кажется монолитным.

«СКАНОРАМА», ШВЕЦИЯ

8.

Проницательность и внимательность одной матери из Ирландии привели к открытию нового и весьма простого способа проверки возможности и степени восстановления поврежденных нервов кожи.

Алан, четырехлетний сын миссис Гвен Фрихилл, упал на молочную бутылку и разорвал сухожилия и нервы двух пальцев. Позднее, когда раны уже заживали, миссис Фрихилл заметила, что, когда она купает Алана, кожа на трех пальцах покалеченной руки морщится, как это обычно и бывает при купании в теплой воде, а вот на двух поврежденных остается гладкой. Однажды, когда операция была уже сделана, внимательная мама обратила внимание на то, что и два пораненных пальца тоже начинают постепенно морщиться, когда их погружают в воду. Об этих изменениях она рассказала лечащему сыну врачу, специалисту по пластической хирургии.

Заинтересованный этим наблю-

дением, доктор проверил его верность на пациентах трех больниц Дублина и удостоверился, что кожа с поврежденными нервами и вправду остается гладкой при погружении в теплую воду. Он сообщил об этом в медицинском журнале, подчеркнув, что такой простейший тест — погружение в теплую воду на тридцать минут — имеет, несомненно, большую ценность, чем «традиционный субъективный тест», который зависит от умения пациента помогать врачу, от его сосредоточенности и интеллекта. Этот способ проверки более точен, и показывает он не только потерю чувствительности кожи, но и степень восстановления нервов.

Когда миссис Фрихилл рассказала, к каким выводам позволила прийти ее наблюдательность, она ответила: «Какая неожиданная удача! Надеюсь, это кому-то поможет».

«РИДЕРС ДАИДЖЕСТ», США

9.

Тарелка с грохотом летит в угол. Маленький мальчик, сверкая глазами, яростно рычит на санитара. При всем этом пятилетний ребенок вовсе не является душевнобольным. Говорить он не умеет только потому, что до сих пор жил среди волков.

Недавно малыша обнаружил и отвез в миланскую больницу пастух. Мальчик, которого назвали Роко, вел себя, однако, как животное: рычал, отталкивал пищу и молча сидел на корточках в углу. Врачи попытались приручить малыша, отдав его на воспитание бездетной семье. Попытка эта окончилась неудачей: Роко ломал все, что попадало ему в руки. Отчим и приемная мать, несмотря на огромное терпение, в конце концов вынуждены были отказаться от него.

Сейчас мальчика поместили в Институт детской психиатрии в Мобелло, где врачи стараются приобщить его к цивилизации. На вопрос, удастся ли им это, сейчас трудно ответить. Ученым известно, что до сих пор все попытки приобщить ребенка, долгое время прожившего среди животных, к человеческому коллективу не удавались. Один из врачей, наблюдавший за маленьким Роко, говорит: «Мы знаем, что Роко в таких условиях может и умереть, потому что не переносит перемену в своей жизни. Но мы должны стремиться изменить его. Мы не можем отправить малыша обратно в лес!»

«АРЕНА», ЮГОСЛАВИЯ

10.

У двадцатичетырехлетнего французского Филлипа Пети необычное увлечение: эквилибристика на канате. «Когда я вижу три апельсина, мне необходимо жонглировать, когда я вижу две башни, мне надо пройти между ними», — говорит он. В Париже Филлипп прошел между двумя башнями собора Нотр-Дам, в Сиднее он перешел мост Харборг по канату, протянутому между двумя концами моста, имеющего высоту 27 метров.

Свое самое выдающееся достижение он, однако, установил в Нью-Йорке, где прошел недалеко между башнями самых высоких зданий в городе — Центра международной торговли, насчитывающих не более, не менее, как 110 этажей. Пети натянул между башнями металлический трос диаметром 2,5 сантиметра и начал свою «прогулку». В течение пол часа он притягивал к себе взгляды прохожих и автомобилистов в Нижнем Манхэттене.

«МАГАЗИН», РУМУНИЯ

11.

Многие органы печати Южной Африки пытаются создать впечатление, что руководители бантустанов (резерваций) якобы говорят от имени черного населения страны и являются его единственными представителями, хотя ни один из них не был назначен на свой пост волеизъявлением народа на свободных выборах.

Недавно английский журнал «Экономист» опубликовал на двух страницах объявление с фотопортретами четырех его авторов, глав администрации бантустанов, созданных расистами.

Что же пишут эти ставленники Форстера? «Капитал некоторых иностранных вкладчиков в африканских странах был национализирован, и они были лишены прибыли. Мы же гарантируем вам, что ничего подобного не случится, если вы вложите ваши деньги в черные хоумленды в Южной Африке». В своем объявлении авторы утверждают, что иностранные вкладчики будут иметь огромные прибыли ввиду низких налогов и отсутствия необходимости больших затрат. Говоря о преимуществах, ожидающих иностранных монополистов, они подчеркивают при этом, что «Южная Африка имеет самое устойчивое правительство на африканском континенте. И это правительство выступает за свободное предпринимательство». Напомнив о том, что южноафриканские рабочие получают значительно более низкую зарплату, чем их коллеги в Европе, они добавляют: «Мы в Южной Африке не страдаем от воинственных профсоюзов. Черный пролетариат в черных хоумлендах готов, желает приступить к работе, которую вы ему предоставите, за доступную плату».

В то время как десятки тысяч рабочих Квазулу, так же как рабочие других хоумлендов, провинций страны, борются за повышение зарплат и улучшение условий труда, мужественно перенося полицейские репрессии, эти так называемые руководители хотят нанести им удар в спину, зазывая иностранных капиталистов с их деньгами, чтобы укрепить расистский режим и усилить эксплуатацию коренного населения.

Подлинный представитель народа — Африканский национальный конгресс уже предупреждал иностранных вкладчиков, что, когда Африка будет полностью свободной, все имущество и вклады предпринимателей, наживавших огромные прибыли на рабском труде черного населения в условиях апартеида, будут национализированы без какой-либо компенсации.

«АФРИКЭН КОМЬЮНИСТ», ЮАР

Рисунок Виктора СКРЫЛЕВА и Владимира ИВАНОВА

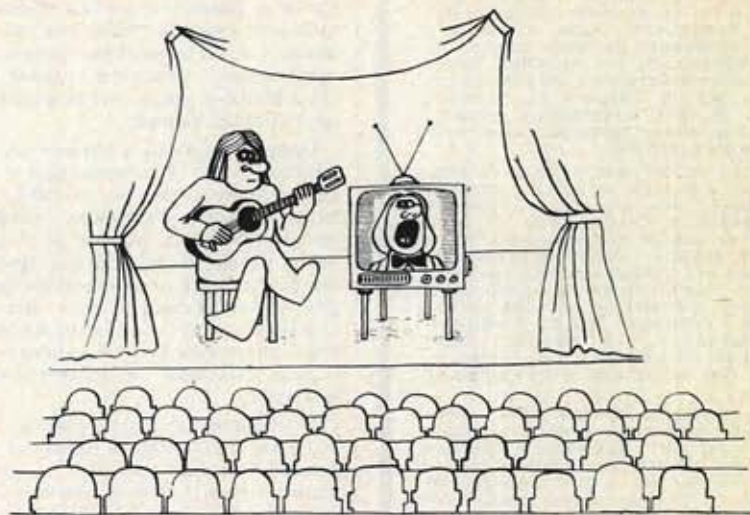

Рисунок Игоря ВОРОБЬЕВА

Рисунок Евгения МИЛУТКИ

...ТУТ ОНА И ГОВОРИТ: «ОТПУСТИ МЕНЯ, СТАРЧЕ...»

ШАХМАТЫ Под редакцией мастера Виктора ЛЮБЛИНСКОГО АЛЬФАШАХМАТЫШАХМАТЫ

УВЕРЕННО ПОБЕЖДАЕТ МОЛОДЕЖЬ

В высшей степени интересно прошел минувшей осенью в Одессе турнир первой лиги Всесоюзного шахматного чемпионата. Соревнование ознаменовалось большим и вполне заслуженным успехом молодых спортсменов.

Достаточно сказать, что в призовой группе не нашлось места ни одному из гроссмейстеров, в том числе таким шахматным корифеям, как экс-чемпион мира В. Смыслов и участник матча на мировое первенство Д. Бронштейн.

Победу, причем весьма убедительную, одержал нынешний обладатель Кубка СССР Олег Романишин. 22-летний львовлянин, набрав 12 очков из 17 возможных, на заметную дистанцию опередил ближайших соперников. По 10½ очков в активе москвича Марка Дворецкого, минчанина Виктора Купрейчика и омича Виталия Цешковского.

О том, с каким творческим подъемом играла молодежь в первой лиге, наглядно свидетельствуют фрагменты из поединков, которые мы предлагаем вниманию читателей «Смены».

Прежде всего, конечно, пример игрового почерка победителя. На диаграмме — позиция после 14-го хода черных, создавшая у него в партии с гроссмейстером В. Тукмаковым. Игравший белыми Романишин подготовил и осуществил смелую

жертву качества, что дало ему в руки серьезную инициативу.

15. Kd4 — b5! Фe7 — d8 16. Ce2 — g4 e7 — e6 17. Ld1 : d7! Фd8 : d7 18. Lb1 — d1 Фd8 — e8 19. Kb5 — d6 Kc6 — a5. В случае отступления черного ферзя белые эффектно жертвуют коня, в результате чего их угрозы становятся неотразимыми: 19. ...Фd7 20. K : f7!

20. Kd6 : e8 Ka5 : b3 21. Ke8 : g7 h7 — h5 22. Kg7 : e6 Lc8 : c3? Не желая оставаться путем 22 ...hg без пешки, черные допускают решающий промах.

23. a2 : b3 h5 : g4 24. Kb5 — d4 a7 — a5 25. Ca3 — b2, и белые легко использовали свое материальное превосходство.

Справа сверху изображено положение после 22-го хода белых из партии Дворецкого (у него были черные) с мастером М. Подгайцем. Искрометная атака ослабленной короткой рокировки белого короля производит сильное впечатление.

22. ...h5 : g4 23. Ce2 : g4 Lf5 — f4! 24. La1 — e1 Kd7 —

e5 25. Lel : e4 Lf4 : e4 26. Фg2 : e4 Фe7 : h4 27. Cg4 — f3 La8 — f8! 28. Cf3 — h1 Ke5 — g4 29. Фe4 — g2. Следует красивейшая жертва ладьи, и у противника вскоре не остается ни одного удовлетворительного хода.

29. ...Lg8 — f3! 30. c2 — e4 Kpg7 — h6, и белые сдались.

К этой поистине фантастической позиции пришла партия Купрейчика против чемпиона РСФСР мастера Н. Рашковского. Очередь 27-го хода за игравшим белыми минским динамовцем. Он энергично проводит

острую, комбинационную конковку.

27. La1 — c1! Ce5 — c3. Не дает спасения черным и вариант 27. ...Фd7 28. L : c8 + Ф : e8 29. Lel1 и т. д. 28. b2 : c3 b4 : c3 29. Lc1 — c2 Kpb8 — a8 30. Lh1 — f1 Фe7 — c5 31. Фh4 — f6 Фe5 — b5 + 32. Kpb1 — c1 Фb5 : d3 33. f7 — f8Ф, и перед лицом двух неприятельских ферзей черные через несколько ходов сложили оружие.

Запоминается яркий финал партии Цешковского с чемпионом Украины мастером Л. Альбуртом. Вы видите ситуацию, возникшую после 18-го хода черных. Игравший белыми талантливый сибиряк изыщно пожертвовал пешку, а вслед за этим и качество.

19. b3 — b4! Kc6 : b4 20. Фd1 — e1 Kb4 — d3 21. Фe1 : e6 + Kpg8 — h8 22. Cf4 — c7 Фd8 — c8 23. Фe6 : d5! Kd3 : c1 24. Lf1 : c1 Фc8 — a6 25. Ka4 — c3 Фа6 — d3 26. Kc3 — e4! Фd3 : d4 27. Ke4 : f6 Фd4 : f6. Централизованная батарея слонов, буквально простреливающая все поле

сражения, в активном взаимодействии с тяжелыми фигурами белых быстро решает судьбу схватки.

28. Cf4 — e5 Фf6 — g5 29. Lc1 — c7! La8 — a8 30. Фd5 — e4 Lf8 — g8 31. h2 — h4 Фg5 — g6 32. Фe4 — f4 h7 — h6 33. Cf3 — e4! Фg6 — h5. Теперь убийственным маневром ферзя белые завершают победоносный штурм, ибо защиты от грозящего мата не находится.

34. Фf4 — g3!, и черные признали свое поражение.

СВЕРЬТЕ СВОИ ОТВЕТЫ!

Вот как выглядят краткие решения шахматных композиций, напечатанных в отдельных номерах «Смены» в прошлом году:

В № 3 — 1. d6 — d7 Kpb8 — c7 2. b7 — b8K! Kpc7 : b8 3. d7 — d8Ф x; 1. Ch2 — g1! Ke5 — a6 2. Cg1 — b6! a7 : b6 3. La1 : a6 x.

В № 4 — 1. Ch6 — g5! Фg4 : d1 2. Ca4 : d1 x.

В № 10 — начатую ходом короля длинную рокировку белые завершают путем La1 — d1 x.

В № 15 — 1. g2 — g4! h4 : g3 2. Фe1 — h1 x.

В № 20 — 1. Фf3 — f5! Kpd6 — c5 + 2. Ke5 — c6 x.

В № 21 — 1. Фb5 — b6! Kb3 — d4 2. Фb6 — c7 x.

В № 23 — 1. Kh3 — g5 + Kph7 — g8 2. Kg4 — h6 + Kpg8 — f8 3. Kg5 — h7 + Kpf8 — e7 4. Kh6 — g8 + Kpe7 — d7 5. Kh7 — f8 + Kpe7 — c8 6. Kgh8 — e7 + Kpc8 — b8 7. Kf8 — d7 + Kpb8 — a7 8. Ke7 — b8 + Kpa7 — a6 9. Kd7 — b8 + Kpb5 — b4 10. Kc8 — a7 + Kpb5 — b4 11. Kb8 — a6 + Kpb4 — a3 12. Ka7 — b5 x.

НАШ АДРЕС: 101457, ГСП, МОСКВА, А-15, Бумажный проезд, 14. ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 4/XII 1974 г. А 00901. Подписано к печати 25/XII 1974 г. Формат 70 × 108½. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 200 000 экз. Изд. № 198. Заказ № 3106. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ТРОПИНКА

Слова Виктора БОКОВА
Музыка Владимира МИГУЛИ

1.
Тропинка та не затерялась,
Не заросла густой травой,
Где в первый раз я засмеялась
И первый раз пошла с тобой.
Куда бы ты потом ни ехал,
Тревожа рельсы и мосты,
Вслед за тобой летело эхо
Монх надежд, моей мечты.

2.
Как облака, плывут лавиной
Вспоминанья этих лет,
И первый куст мой соловьиный
И первый розовый рассвет.
И небо первое, и речка,
И самый первый майский гром,
И первый поцелуй, и встреча
В сиянье утра голубом.

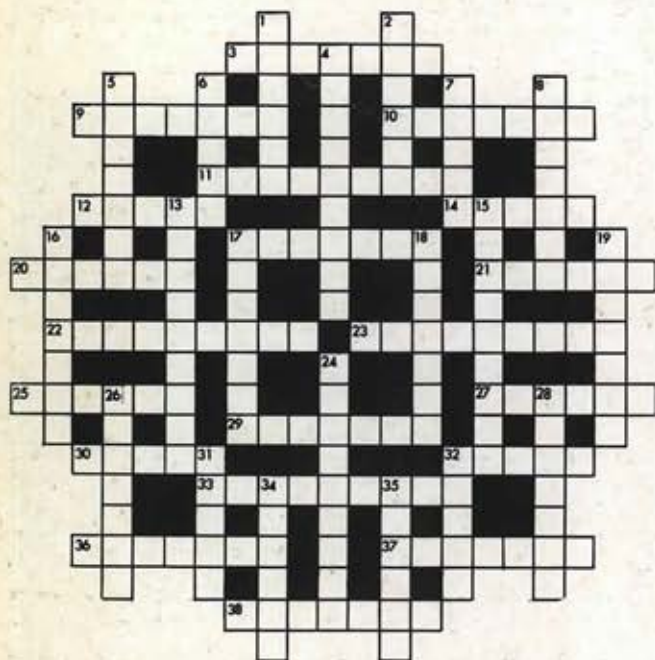
3.
Тропинка та не затерялась,
Не заросла густой травой,
Где в первый раз я засмеялась
И первый раз пошла с тобой.

Примечание. В первой половине 3-го куплета проигрывается мелодия без пения.

Соловьи

К Р О С С В О Р Д

Составил М. СВІСТУН,
г. Донецк

По горизонтали:

3. Сказка М. Горького. 9. Удобрение. 10. Мужской голос. 11. Смычковый инструмент. 12. Марка советского автомобиля. 14. Персонаж оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». 17. Река в Южной Америке. 20. меховая шапка. 21. Ловчая птица. 22. Устройство, применяемое в радиотехнике, автоматике. 23. Нанесение узора на металл с помощью кислоты. 25. Здание железнодорожной станции. 27. Рассказ А. П. Чехова. 29. Композитор, автор песни «Полюшко». 30. Массовое спортивное состязание в беге, гонках. 32. Рыба семейства карповых. 33. Законодательное собрание многих зарубежных стран. 36. Музыкант. 37. Банковская операция. 38. Столица союзной советской республики.

По вертикали:

1. Химический элемент. 2. Дерево, растущее в африканских саваннах. 4. Вид эстрадного представления. 5. Кабина стратостата. 6. Ценный пушной зверек. 7. Способ плавания. 8. Цирковой артист. 13. Цветок. 15. Небольшая арка. 16. Персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 17. Нюанс. 18. Правильный многогранник. 19. Подарок на память. 24. Русский дирижер и композитор. 26. Изделие из стекла для получения отражений. 28. Стихотворная стопа. 31. Приморский курорт в Югославии. 32. Резец, употребляемый скульптором. 34. Церемония. 35. Животное, обитающее в Австралии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

4. Остроумие. 7. Проекторство. 10. «Огниво». 11. Стакан. 12. Штаб. 14. Карат. 15. Титр. 19. Сердцевед. 20. Баркарола. 21. Клиент. 22. Увлечение. 23. Привал. 26. Консонанс. 27. Артистизм. 28. Парк. 29. «Голки». 31. Цирк. 32. Оберон. 33. Орбелл. 34. Зимостойкость. 35. Санитария.

По вертикали:

1. Стрелок. 2. Достопримечательность. 3. Юморист. 5. Кроншнеп. 6. Двуколка. 8. Победоносиков. 9. Интерпретация. 13. Трефилова. 16. Телевизор. 17. Сервант. 18. Палитра. 24. Внушение. 25. Либретто. 29. Гнесина. 30. Конкурс.

Творчество инженера Кузнецова

...Все началось с двух скромных бирюзовых бусинок. Юра, как обычно, ничего не прикидывал на бумаге, ни в какие «шпаргалки» не заглядывал, даже в свои старые рисунки в многократно прожженном блокноте. Он смотрел вокруг, что-то примечал, что-то — возможно, бессознательно — брал на вооружение, и думал, думал, думал... А внутри медленно росло неясное, но такое знакомое, привычное чувство! Смесь вызревающего решения с волнением, день ото дня растущим.

И вот, когда все вместе достигло «точки кипения», когда его буквально катапультировало из-за обеденного стола в маленький закуток-мастерскую, — началось творчество, длившееся трие суток подряд, благо выдался праздник.

Юру ничто уже не смогло бы отвлечь! Легонько позвякивал металл... Жужжал трансформатор... Постукивали молоточки... Шипели кислоты. (Уже потом, позже, когда он придет в себя, Кузнецов зарисует эти бирюзовые серьги, про которые сказал растерянно: «Я сделал что-то странное...» — в блокноте, как всегда. Минет время, полистаются на досуге прожженные странички, и родится, глядишь, что-то совсем иное, абсолютно не похожее, но получившее эмоциональный заряд, возможно, именно во время просмотра прежних работ.)

— Самое главное — это горелка! — заявил смущающийся Юра, когда я попала в его «мастер-

скую». И продемонстрировал что-то, похожее на небольшой пистолетик со шлангом. Он снизил напряжение в лампе, поднес «пистолетик» и зажженной свече, что-то в нем регулируя при этом, и направил острый приго-голубой луч на кусочек металла, который тотчас превратился в напелку, стынущую на глазах.

— В этом луче — тысяча градусов!

А я вдруг вспомнила гиперболюид инженера Гарина... Но потом поймала себя на мысли, что различий между Юриным «пистолетиком» и гиперболюидом гораздо больше, чем сходства! Гарин с помощью своего детища пытался завоевать мир, Кузнецов же создает красоту. И пусть не все могут отличить одну технику, в которой он работает, от другой («гладь» — от «скани», «скань» — от «зерни»), пусть не все догадываются, каким трудом дается каждое произведение (Юре ведь никто не делает заготовок: все сам, от «сырого» металла, от бабушкиной ложки до «старинных» серег, кулонов, колец), но вещи эти, созданные с подлинной страстью и удивительной добросовестностью, приносят людям радость.

В заключение хочется заметить: Юра не имеет специального художественного образования. То, чем он занимается в свободное время, «ювелирка», так сказать, его хобби, и которому он шел через чеканку, через резьбу по дереву. Кузнецов — инженер. Но все его увлечения — им отдано больше десяти лет жизни — ничуть не мешают основному делу. А может, и помогают?

Почему, скажем, камушки под названием «Волосы Венеры», «Стрелы Амура» или даже «авантюрин», с которыми Юра возится вечерами, придумывая, как бы их поэффектнее преподнести (друзья-хоббисты частенько упрекают Кузнецова в излишней «смелости», в отсутствии рационализма и логики), должны вступать в конфликт с техникой безопасности, которой тридцатитрехлетний Юрий Кузнецов занимается днем?

Валерия ГОРДЕЕВА

